
Восточные повѣсти

Собрание сочинений
О. И. Сенковского

ІӨЬ – 2018

- I. Бедуинъ.** (Съ арабского) 3
Бедуинъ. (Вариант из вольного перевода романа *Д. Мориера «Мирза Хаджи-Баба Исфагани»*) 8
Рассказ о честном юноше. (Рассказ из «Книги тысячи и одной ночи» в переводе *М. А. Салье* под ред. акад. *И. Ю. Крачковского*) 15
- II. Витязь буланого коня.** Арабская касыда. (Съ арабского) 20
- III. Деревянная красавица.** (Съ татарско-адербайджанского наръчія) 27
- IV. Истинное великодушіе.** (Съ арабского) 32
Рассказ об Икриме и Хузейме. (Рассказ из «Книги тысячи и одной ночи» в переводе *М. А. Салье* под ред. акад. *И. Ю. Крачковского*) 39
- V. Урокъ неблагодарнымъ.** (Съ персидского) 45
- VI. Бедуинка.** Восточная повѣсть. 48
Рассказ о Муавии и бедуине. (Рассказ из «Книги тысячи и одной ночи» в переводе *М. А. Салье* под ред. акад. *И. Ю. Крачковского*) 56
- VII. Смерть Шанфарія.** (Съ арабского) 62
- VIII. Воръ.** Арабская повѣсть. 78

Рассказ о Халиде ибн Абд-Аллахе аль-Касри. (Рассказ из «Книги тысячи и одной ночи» в переводе М. А. Салье под ред. акад. И. Ю. Крачковского) 92

Антарь. Восточная повесть. 97

Поэзія пустыни, или Поэзія Аравитянъ до Магомета.
[Статья] 119

Лебида. Моаллка. [Перевод с арабского О. И. Сенковского] 145

ПРИЛОЖЕНИЕ

И. Ю. Крачковский. Источник «Витязя буланого коня» и других восточных повестей Сенковского. [Статья]
153

Витязь буланого коня. (Перевод с арабского И. Ю. Крачковского) 191

Урокъ неблагодарнымъ. (Перевод с арабского И. Ю. Крачковского) 197

БЕДУИНЪ.¹

(съ арабскаго.)

Однажды Омаръ, халифъ правовѣрныхъ, въ кругу товарищей пророка, мужей знаменитыхъ разумомъ и доблестями, творилъ судъ своимъ подданнымъ. Неожиданно вошелъ къ нему юноша, краса всѣхъ юношай; стройный, богатый уборомъ, онъ еще болѣе отличался мужественными доблестями. Съ нимъ было двое молодыхъ людей, красоты блестательной, которые сопровождали, или, лучше сказать, влекли его предъ повелителя правовѣрныхъ. Халифъ, какъ скоро стали они передъ свѣтлымъ его челомъ, бросилъ испытующій взоръ на пришельцевъ, повелѣлъ выпустить юношу изъ рукъ, и всѣмъ тремъ приблизиться къ трону.

— Мы родные братья, сказали юноши: друзья правды и чести, и наша слава незапятнана ничѣмъ. Мы имѣли родителя — почтенного старца, родоначальника умнаго, уважаемаго всѣмъ нашимъ поколѣнiemъ, свободнаго отъ пороковъ и слабостей человѣческихъ, знаменитаго своими добродѣтелями. Онъ старательно воспиталъ насъ, ласково обходился съ нами и неусыпно предупреждалъ всѣ наши нужды. Сегодня вышелъ онъ въ свой садъ прогуляться подъ тѣнью

¹ **Полярная Звѣзда на 1823 годъ.** Изд. А. Бестужевымъ и К. Рыльевымъ. Въ С. Петербургѣ. 1823. Стр. 378—385. Подпись: И. Сенковскій.

Библіографія, № 29.

Похождѣнія мирза Хаджи-Бабы Исфагани въ Персіи и Турціи, или Персидскій Жилблазъ. Часть первая. Санктпетербургъ. Въ Типографіи Александра Смирдина. 1831. (Бедуинъ.) Безъ подписи.

Мирза Хаджи-Баба Исфагани. Сочиненіе Мориера. Вольный переводъ Барона Брамбеуса. Томъ первый. Издание второе. Санктпетербургъ. Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ. 1845. Стр. 102—112. (Глава X. Хаджи-Баба принужденъ отказаться отъ своей торговли. Онъ оставляетъ Мешедъ. Болезнь. Излеченіе. Бедуинъ.)

Собраніе сочиненій Сенковскаго (Барона Брамбеуса). Томъ первый. Санктпетербургъ. 1858. Стр. 221—226. Повѣсть, переводъ съ арабскаго. Дата: 1822. Раздел «Повѣсти и Поэмы, переведенные съ восточныхъ языковъ», I.

молодыхъ деревъ, нарвать плодовъ, имъ самимъ хранимыхъ, и юноша, котораго видиши передъ собою, убилъ его, совершилъ злодѣйство неслыханное. Государь! требуемъ казни преступнику, а тебѣ предлежитъ судъ, какъ повелѣлъ Богъ въ своемъ законѣ.

Омаръ обратился къ юношѣ:

— Ты слышалъ, сказалъ онъ, въ чемъ тебя обвиняютъ: можешь ли оправдаться?

Спокойно, съ веселою усмѣшкою, привѣтствовалъ юноша халифа, красными словами, и отвѣчалъ:

— Властитель правовѣрныхъ! все, ими сказанное — правда, и я ни въ чемъ не противорѣчу ей; однако расскажу все дѣло, какъ было, а тебѣ предлежитъ судъ, какъ повелѣлъ Богъ въ своемъ законѣ. Я Аравитянинъ, чистой, несмѣшанной крови Бедуиновъ; выростъ на вольныхъ кочевьяхъ пустыни, и горжусь своимъ происхожденiemъ отъ витязей, славныхъ мужествомъ, которые отъ вѣка не живали въ темницѣ городовъ, человѣку подвластныхъ. Черная година, боязная злѣйшими для меня несчастіями, привела мои стада, въ которыхъ заключается мое отечество, мое добро и семейство, на степь, прилегающую къ стѣнамъ этого города. Гоня по ней мое стадо, я зашелъ между загородныхъ садовъ съ многоплодными, обильными молокомъ верблюдицами, среди коихъ ходилъ верблюдъ благородной породы, гордой поступи, испытанного превосходства на племя. Нѣкоторая верблюдицы, приблизясь къ одному саду, стали грызть листья вѣтвей, висящихъ черезъ ограду. Въ то время, какъ я отгонялъ ихъ, явился на стѣнѣ старецъ. Угрожая, съ камнемъ въ рукѣ, бросался онъ по ней, какъ раненый или разъяренный левъ, и въ бѣшенствѣ метнулъ камнемъ въ моего любимаго верблюда, попалъ въ темя и убилъ его на мѣстѣ. При видѣ верблюда, падающаго на землю, мое сердце вспыхнуло пламенемъ гнѣва; я схватилъ тотъ же самый камень, кинулъ въ старца и убилъ виновнаго орудіемъ его вины. Послышиавъ смертный стонъ его, я обратился въ бѣгство, но эти два юноши догнали и привели меня передъ тоба.

— Ты признался въ преступленіи, сказалъ Омаръ, и до-

стоинъ смертной казни: она неизбѣжна.

— Съ покорностю принимаю рѣшеніе моего повелителя намѣстника пророка! сказалъ Бедуинъ, и не жалуюсь на строгость законовъ ислама; но у меня есть малолѣтный братъ, оставленный на мои руки мудрымъ, попечительнымъ отцомъ моимъ. Передъ смертью онъ отказалъ ему значительную часть имѣнія и много золота, и подъ клятвою заповѣдалъ мнѣ наблюдать и вѣрно хранить богатство брата. Сказанное золото я скончалъ въ землю, въ мѣстѣ, одному мнѣ извѣстномъ. Если меня казнить теперь же, золото беззащитнаго малютки погибнетъ даромъ; ты будешь виною его нищеты, и онъ спроситъ отъ тебя свое достояніе, когда Богъ станетъ судить народъ свой съ престола всемогущества. Если жь даруешь мнѣ три дня отсрочки, постановлю надъ сиротою опекуновъ, сдамъ имъ наслѣдство, родителемъ ему завѣщанное, и непремѣнно явлюсь сюда для получения заслуженной казни. Въ этомъ могу дать поруку.

Омаръ задумался, и черезъ нѣсколько времени, обратясь къ предстоящимъ, спросилъ:

— Кто изъ васъ поручится за этого юношу? кто завѣритъ, что онъ непремѣнно сюда явится для полученія заслуженной казни?

Тогда юноша, окинувъ взглядомъ лица всѣхъ присутствовавшихъ, и указавъ на Абу-Дерра, произнесъ:

— Онъ за меня поручится.

Халифъ спросилъ Абу-Дерра, ручается ли онъ за виновнаго?

— Ручаюсь, отвѣчалъ старецъ, что черезъ три дня онъ явится передъ лицемъ твоемъ.

Омаръ принялъ поруку, и двое обиженныхъ согласились три дня ждать возвращенія юноши.

Уже время отсрочки истекало, и оба членовитчика передъ совѣтомъ Омара, окруженнаго блестящею толпою сподвижниковъ пророка, какъ мѣсяцъ великолѣпнымъ полчищемъ звѣздъ. Пришелъ и Абу-Дерръ. На исходѣ послѣдняя минута отсрочки, а молодой Бедуинъ не является передъ лицомъ халифа.

— Гдѣ же преступникъ? восклицали сыновья убитаго: напрасно ждать того, кто скрылся, но мы не отступимся отъ святости государевой поруки.

— Клянусь Богомъ правды, отвѣчалъ Абу-Дерръ, какъ скоро ударить послѣдняя минута моего заложничества, и юноша не явится къ суду намѣстника пророка и повелителя правовѣрныхъ, я отдаамъ подъ мечъ правосудія мою голову, а на томъ свѣтѣ найду себѣ награду.

— Но преступникъ уже опоздалъ, сказалъ Омаръ, и свидѣтельствуюсь пророкомъ, что я на голову Абу-Дерра обращаю казнь, назначенную закономъ ислама.

Слезы навернулись на глазахъ у всѣхъ; плачь и ропотъ сожалѣнія огласили палаты. Знаменитѣйшіе изъ товарищей пророка уговаривали сыновей убитаго принять цѣну крови за его голову, и стяжать похвалы народа за свое велико-душие; но тѣ стояли упорно на исполненіи закона поручительства, и не соглашались ни на какую перемѣну. Въ то время, какъ месть за отца, желаніе примиренія и соболѣзвованіе обѣ участіи Абу-Дерра волновали предстоящихъ и беспорядкомъ наполняли палаты, вошелъ осужденный юноша, и ставъ передъ свѣтлымъ челомъ халифа, весело его привѣтствовалъ. Лице его, облитое потомъ, блистало радостію и яснѣло благородствомъ.

— Я отдалъ дядямъ въ опеку своего малолѣтнаго брата, сказалъ онъ, раздѣлиль между ними свое имѣніе, и указаль мѣсто, гдѣ закопано сокровище. Исполнивъ долгъ родства, я спѣшилъ сюда подъ знайнымъ дыханіемъ симума, чтобы сдержать обѣщаніе, какъ должно вольному человѣку.

Дивясь его безстрашію, спокойному духу и готовности умереть, съ изумленіемъ взирали всѣ то на него, то другъ на друга. Юноша продолжалъ:

— Низкій обманщикъ никогда не познаетъ благости Все-вышняго, и только праведные доступны его милосердію и щедротамъ; я увѣренъ, что если суждена кому смерть, то никакая власть человѣческая отразить ея не можетъ и потому спѣшилъ къ вамъ, чтобы не сказали, будто добросовѣстность погибла между людьми.

— Владыка правовѣрныхъ! воскликнулъ Абу-Дерръ, я ручался за этого юношу, но, клянусь всемогуществомъ Бога, что не зналъ, никогда въ жизни передъ тѣмъ его не видаль и о немъ не слыхивалъ! Но когда, оглянувъ предстоящихъ, онъ указалъ на меня, какъ на поруку, я не хотѣлъ обмануть его довѣренности, совѣсть не позволяла мнѣ отказаться, и я заложилъ мою голову за незнакомца, чтобы не сказали, будто погибло между людьми великодушіе.

— Халифъ! молвили тогда сыны убитаго: этотъ юноша загладилъ свое преступленіе благороднымъ поступкомъ, и мы прощаемъ ему кровь нашего отца, чтобы не сказали, будто погибло между людьми благородство души.

Омаръ, уг҃шенній столь высокими чувствами, подтвердилъ прощеніе Бедуину, и воздаль хвалу его прямодушію. Абу-Дерра почтилъ онъ выше всѣхъ своихъ совѣтниковъ, и въ награду великодушія и доброты двухъ обиженныхъ братій, повелѣлъ изъ казны государственной выплатить имъ окупъ за кровь отца ихъ; но юноши отказались отъ принятія окуна, говоря: «Мы поступили такъ по долгу совѣсти, а кто выполняетъ ея велѣнія, того никакою наградою купить, никакою казнью устрашить не можно.»

БЕДУИНЪ².

— «И такъ, милостивые государи, благовѣрные мусульмане, случилось въ древнія времена, въ давно упавшіе вѣки, что халифъ Абу-бекръ, повелитель правовѣрныхъ, сидѣлъ однажды въ кругу своихъ вельможей, товарищѣй и помощниковъ Пророка, какъ луна между звѣздами, и творилъ судъ своимъ подданнымъ. Нечаянно, вошелъ къ нему юноша, краса всѣхъ юношей, стройный лицомъ и тѣломъ, но еще стройнѣе мужественными доблестями. Съ нимъ было двое молодыхъ людей блистательной красоты, которые сопровождали его или, лучше сказать, влекли передъ повелителя правовѣрныхъ. Какъ скоро стали они передъ свѣтлымъ его присутствіемъ, халифъ бросилъ испытующій взоръ на пришлецовъ, и повелѣлъ выпустить юношу изъ рукъ и всѣмъ тремъ приблизиться къ его престолу.

— «Мы родные братья, какъ два цвѣтка на одной вѣточкѣ,» сказали молодые люди, приведшіе красиваго юношу: «друзья чести и правды, и слава наша не запятнана ничѣмъ. У насть былъ отецъ, нѣжный родитель, почтенный старецъ, родонаачальникъ умный, уважаемый всѣмъ поколѣнiemъ, чуждый пороковъ и slabостей, знаменитый своими добродѣтелями. Онъ старательно воспиталъ насть, ласково съ нами обходился, и неусыпно предупреждалъ всѣ наши нужды. Сегодня вышелъ онъ въ свой садъ прогуляться подъ тѣнью деревъ, нарвать плодовъ, имъ самимъ храни-

² 1) Въ подлинникѣ помѣщена здѣсь вовсе другая, всѣмъ извѣстная, сказка о Халифѣ и бородобреѣ. Будучи основана на двусмысли словъ персидского чубъ и англійского wood, которые значать дерево (материалъ) и вмѣстѣ дрова, она не могла бы быть переведеною по-русски безъ натяжки, потому что у насть дрова и дерево отнюдь не одно и то же. Взамѣнъ этой повѣсти, перевели мы другую, позанимательнѣе, извлеченную изъ одного арабскаго писателя. Она можетъ имѣть въ этомъ мѣстѣ еще и то достоинство, что изобразить читателю разительную противоположность характера Аравитянъ съ характеромъ соотчичей героя этого романа.

мыхъ, и юноша, котораго видиши передъ собою, убилъ его — совершилъ злодѣйство неслыханное! Повелитель! требуемъ казни преступнику: суди, какъ повелѣлъ Аллахъ въ своемъ законѣ.» —

Халифъ обратился къ юношѣ. — «Ты слышалъ,» сказалъ онъ, «повѣсть этихъ людей: можешь ли оправдаться?» —

Спокойно, съ веселою улыбкою, привѣтствовалъ юноша халифа красными словами, и отвѣталъ: — «Повелитель правовѣрныхъ! повѣсть ихъ справедлива, и я ни въ чемъ ей не противорѣчу. Однако разскажу дѣло, какъ было, и ты суди, какъ повелѣлъ Аллахъ въ своемъ законѣ. Я Аравитянинъ, чистой, несмѣшанной крови Бедуиновъ; выросъ на вольныхъ кочевьяхъ пустыни, и горжусь своимъ происхожденiemъ отъ витязей, славныхъ мужествомъ, которые никогда не пахали земли. Черная година, богатая злѣйшими для меня несчастьями, предводила моими стадами, въ которыхъ заключается моя отчина, мое добро и семейство, на степь, прилегающую къ стѣнамъ этого города. Гоня по ней мое стадо, я зашелъ между загородныхъ садовъ съ многоплодными, обильными молокомъ, верблюдицами, и среди ихъ ходилъ самецъ, верблюдъ благородной породы, гордой поступи, испытанного превосходства на племя, какъ шахъ иранскій среди своего гарема. Нѣкоторыя верблюдицы, подошедъ къ одному саду, стали грызть листья вѣтвей, висящихъ черезъ каменную ограду. Въ то время, какъ я отгонялъ ихъ, явился на стѣнѣ сада старецъ. Угрожая, съ камнемъ въ руки, бѣгалъ онъ по ней, какъ разъяренный левъ, и, въ бѣшенствѣ, метнуль камнемъ въ моего несравненнаго верблюда, попалъ въ темя, и убилъ его на мѣстѣ. При видѣ верблюда, падающаго на землю, мое сердце вспыхнуло гнѣвомъ. Я схватилъ тотъ же самый камень, кинулъ въ старца, и умертвилъ виновнаго орудіемъ его вины. Послушавъ смертный стонъ его, я обратился въ бѣгство; но мнѣ не было суждено уйти отъ несчастія. Эти двое юношей догнали меня, и привели къ тебѣ. Вотъ моя повѣсть: я кончилъ.»

— «Ты признался въ преступленіи,» примолвилъ халифъ, «и достоинъ смерти: она неизбѣжна.»

— «Съ покорностю подвергаюсь рѣшенію моего повелителя, намѣстника Пророка,» сказалъ Бедуинъ, «и не жалуюсь на строгость законовъ Ислама. Но у меня есть малолѣтній братъ, оставленный на мои руки мудрымъ, попечительнымъ отцомъ нашимъ. Передъ смертью, онъ отказалъ ему значительную часть имущества и нѣсколько золота, и подъ клятвою заповѣдалъ мнѣ наблюдать и вѣрно хранить достояніе брата. Золото я зарылъ въ землю, въ пустынѣ, въ мѣстѣ, одному мнѣ извѣстномъ. Если меня казнить теперь же, золото беззащитнаго малютки погибнетъ даромъ; ты будешь причиной его нищеты, и онъ спроситъ у тебя свою собственность, когда Аллахъ станетъ судить родъ человѣческій съ престола всемогущества. Если жъ даруешь мнѣ три дня отстрочки, постановлю надъ сиротою опекуновъ, сдамъ имъ наслѣдство, завѣщанное родителемъ, и непремѣнно явлюсь сюда для полученія заслуженной казни.»

— «Можешь ли дать въ томъ поруку?» спросилъ халифъ.

— «Поруку?» сказалъ встревоженный юноша. «Могу! Но лучшее для васъ поручительство — мое слово.»

— «Его недостаточно,» возразилъ халифъ, и громко спросилъ: «Кто поручится за этого юношу? Завѣритъ ли кто изъ васъ, что онъ по истеченіи трехъ сутокъ явится сюда непремѣнно, для полученія заслуженной казни?» —

Юноша окинулъ взглядомъ лица всѣхъ присутствующихъ, и, указавъ на знаменитаго сподвижника Пророка, извѣстнаго Абу-дерра, произнесъ: — «Вотъ онъ за меня поручится.» —

Халифъ спросилъ: — «Ручаешься ли за него?»

— «Ручаюсь,» отвѣчалъ вельможа, «что, черезъ трое сутокъ, онъ предстанетъ предъ лицомъ твоимъ.» —

Халифъ принялъ поруку, и обиженные братья, изъ уваженія къ Абу-дерру, согласились три дня ждать возвращенія юноши.

Уже время отстрочки истекло, и оба членовитчика стали передъ судилищемъ халифа, окруженного блестящею толпою вельможъ и героеvъ первого вѣка исламизма. Пришелъ и Абу-дерръ. Исходила послѣдняя минута отстрочки, а Беду-

инъ не являлся передъ лицо халифа.

— «Гдѣ же преступникъ?» говорили сыновья убитаго. «Напрасно ждать того, кто скрылся. Но мы не отступимся отъ святости поруки, утвержденной повелителемъ правовѣрныхъ.»

— «Клянусь Аллахомъ правды,» возразилъ Абу-дерръ, «что, какъ скоро ударить послѣдняя минута моего заложничества, и юноша не явится къ суду намѣстника Пророка, я отдамъ голову свою подъ мечъ правосудія, а на томъ свѣтѣ найду себѣ награду.»

— «Но преступникъ уже опоздалъ,» сказалъ халифъ: «и свидѣтельствуюсь Пророкомъ, что на голову Абу-дерра обращаю казнь, назначенную тому закономъ Ислама.»

— «Да будетъ такъ!» примолвилъ Абу-дерръ хладнокровно, и сталъ приготавляться къ смерти. Между тѣмъ, какъ онъ произносилъ послѣднюю молитву, слезы навернулись на глазахъ у всѣхъ; плачъ и ропотъ сожалѣнія огласили палаты. Знаменитѣйшіе изъ товарищѣй покойнаго Пророка уговаривали сыновей убитаго принять «цѣну крови», или окупъ за голову отца, и стяжать похвалы народа за свое великодушіе; но тѣ настаивали упорно въ исполненіи правъ поручительства, не соглашаясь ни на какое денежное удовлетвореніе, и халифъ повелѣлъ немедленно обезглавить Абу-дерра передъ своими окнами.

Въ этомъ мѣстѣ неожиданно прекратилъ я свое повѣствованіе, и, обращаясь къ слушателямъ, сказалъ: — «Милостивые государи, правовѣрные мусульмане! если желаете знать, что случилось съ молодымъ и знаменитымъ Абу-дерромъ послѣ этого приговора, то подкрѣпите силы разсказчика своимъ великодушіемъ. Ожидаю отъ васъ подарка, и тогда разскажу вамъ удивительный конецъ этого любопытнаго происшествія.»

— «Что жъ могло случиться?» сказалъ одинъ изъ слушателей. «Кто пошелъ, тотъ пропалъ. Что онъ за собака — доб-

ровольно возвращаться туда, гдѣ рубятъ головы?»

— «Почему тебѣ знать?» возразилъ другой. «Аравитяне народъ странный и глупый. Куда имъ сравняться съ нами? По милости Пророка, на свѣтѣ одни только Персіяне умные люди. Ужъ попадись нашъ братъ *Ирани* въ подобное дѣло, то — *Машаллхъ!* — дастъ такое драло, что его не отыщутъ за тридевять земель въ тридесятомъ государстввѣ?»

— «Что напрасно спорите?» закричалъ пожилой купецъ. «Лучше послушаемъ до конца. Господа! бросьте дервиши по газу денегъ, на табакъ.» —

Всѣ почти послѣдовали его совѣту, и накидали мнѣ въ полу цѣлую пригоршню мелкой серебряной и мѣдной монеты. Ободренный такимъ поощреніемъ, я откашлялся, и продолжалъ:

— «Любезные слушатели! Сладкорѣчивый папугай прискочилъ раза три на вѣткѣ, повернулся кругомъ, и поклонился всѣмъ птичкамъ, благодаря ихъ за вниманіе, за подаяніе, за полушку на бѣлый сахаръ, за другую на ужинъ для своихъ птенцовъ. Потомъ онъ почесалъ клювъ свой на вѣточкѣ, и опять приступилъ къ сказочкѣ:

Въ то время, какъ месть за отца, желаніе примиренія и соболѣзванія обѣ участія поручителя волновали бывшихъ въ собраніи, и безпорядкомъ наполняли палаты — вошелъ осужденный юноша, и сталь передъ свѣтлымъ присутствіемъ халифа. Лицо его, облитое потомъ, сіяло радостью и яснѣло благородствомъ. — «Я отдалъ дядямъ въ опеку свое-го малолѣтнаго брата,» сказалъ онъ; «раздѣлиль между ни-ми свое имущество, и указалъ мѣсто, гдѣ закопано сокрови-ще. Исполнивъ долгъ родства, я спѣшилъ сюда подъ знай-нымъ дыханіемъ палящаго вѣтра, чтобы сдержать обѣщаніе, какъ должно вольному человѣку. Повелитель правовѣр-ныхъ! я въ твоихъ рукахъ, а тебя, почтенный мужъ, благода-рю за поруку.» —

Дивясь его безстрашію, спокойному духу и готовности

умереть, всѣ смотрѣли съ изумленіемъ то на него, то другъ на друга. Юноша продолжалъ: —«Низкій обманщикъ никогда не познаетъ благости Всевышняго, и только праведные доступны Его милосердію и щедротамъ. Я увѣренъ, что ни какая власть человѣческая не можетъ отразить того, что суждено смертному созданію, и спѣшилъ къ вамъ усилино, чтобы потомъ не сказали, будто добросовѣстность погибла между людьми.»

— «Владыко правовѣрныхъ!» воскликнулъ Абу-дерръ: «я приношу голову свою на жертву за этого юношу. Вели мнѣ отрубить ее, а прости его. Я старъ, и жизнь моя бесполезна, тогда какъ онъ достоинъ быть еще долгое время украшеніемъ славныхъ сыновъ Аравіи. Вѣдайте, о правовѣрные, что я ручался за него; но, клянусь Аллахомъ и его Книгою, что не зналъ, никогда въ жизни предъ тѣмъ его не видалъ, и о немъ не слыхивалъ! Но, когда, оглянувшись всѣхъ присутствовавшихъ, онъ указалъ на меня, какъ на поруку, я не хотѣлъ обманывать его довѣренности: совѣсть не дозволяла мнѣ отказаться, и я заложилъ мою голову за незнакомца, чтобы не сказали, будто погибло между людьми великодушіе.»

— «Халифъ!» молвили тогда сыновья убитаго: «этотъ юноша загладилъ свое преступленіе честнымъ поступкомъ, и мы прощаемъ ему кровь нашего возлюбленного отца, чтобы не сказали, будто погибло между людьми благородство души.» —

Халифъ, утѣшеннный столь высокими чувствами своихъ подданныхъ, утвердилъ прощеніе Бедуину, и воздаль хвалу его прямодушію. Абу-дерра почтилъ онъ выше всѣхъ своихъ совѣтниковъ, и, въ награду великодушія двухъ обиженныхъ братьевъ, повелѣлъ выплатить имъ окупъ за кровь отца изъ казны государственной; но юноши отказались отъ принятія такого дара, говоря: — «Мы не продаемъ крови нашего родителя: ее окупить можетъ только строжайшее законное наказаніе, или великій поступокъ убийцы. Прощая этому юношѣ, мы, подобно ему, поступили по долгу совѣсти; а кто выполняетъ ея велѣнія, того ни какою казнью устрашить, ни какою наградою купить не можно.»

— «Барекъ, Аллахъ! барекъ Аллахъ! ³)» вскричали всѣ мои слушатели, утирая слезы концами рукавовъ, и, большою частью, вторично бросили мнѣ по нѣскольку газовъ.

Я привель здѣсь повѣсть тѣми же словами, какъ читалъ ее въ книгѣ пріятеля моего, дервиша; но не въ томъ искусство хорошаго краснобая-сказочника. Изъ короткаго и простаго анекдота онъ долженъ сдѣлать длинную, забавную или чувствительную повѣсть, которою могъ бы тѣшить зѣвакъ, по-крайней-мѣрѣ, два часа сряду. Первый мой въ этомъ родѣ былъ весьма блистательенъ. Посредствомъ прикрасъ, прибаутокъ, шутокъ и пословицъ, удачно вводимыхъ въ мой разсказъ, я занялъ вниманіе, возбудилъ любопытство, насытилъ и растрогалъ слушателей до такой степени, что, за часъ повѣствованія, получилъ отъ нихъ около семи піастровъ.

³ 1) Да будетъ благословенъ Аллахъ! — восклицаніе удивленія.

Рассказ о честном юноше.⁴

(Тысяча и одна ночь. Ночи 395–397.)

Рассказывал шериф Хусейн ибн Райян, что повелитель правоверных Омар ибн аль-Хаттаб сидел в какой-то день, чтобы судить людей и творить суд над подданными, и подле него были вельможи из его сподвижников, люди верного мнения и догадки. И пока он сидел, вдруг подошел к нему юноша из прекраснейших юношей, чисто одетый, и за него ухватились двое юношей — прекраснейшие юноши, которые тянули его за ворот. И они поставили его перед повелителем правоверных Омаром ибн аль-Хаттабом, и повелитель правоверных посмотрел на них и на юношу и велел им отпустить его и, приблизив его к себе, спросил юношей: «Какова ваша история?» — «О повелитель правоверных, — сказали они, — мы единоутробные братья и достойны следовать истине. У нас был отец, глубокий старик, обладавший хорошей проницательностью, и был он возвеличен среди племен, далек от низостей и известен достоинствами. Он воспитывая нас съязвилась и дал нам милости великие...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала триста девяносто шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноши сказали повелителю правоверных Омару ибн аль-Хаттабу: «Наш отец был возвеличен среди племен, отдален от низостей и известен достоинствами. Он воспитывая нас съязвилась и дал нам милости великие, и был он исполнен достоинств и добродетелей и достоин слов поэта:

⁴ Книга тысячи и одной ночи. Перевод и комментарии *M. A. Салье* под ред. акад. *И. Ю. Крачковского*, IV. [Л.], «Academia», 1933, стр. 467—473.

Книга тысячи и одной ночи в восьми томах. Перевод с арабского *M. A. Салье*. [Под ред. акад. *И. Ю. Крачковского*.] Том 4. Ночи 270—434. Государственное Издательство Художественной Литературы, 1958. Стр. 383—387. Публикуется по этому изданию.

Сказали мне: «Абу-с-Сакр Шейбана сын?» Молвил я:
«Нет, жизнью клянусь, Шейбан его порожденье.

Сколь часто ведь возвышал отца благородный сан —
Аднана возвысил же посланник Аллаха»⁵.

И он вышел однажды в свою рощу, чтобы прогуляться среди деревьев и сорвать спелые плоды на них, и этот юноша убил его и отклонился от прямого пути. Мы просим у тебя возмездия за то, что он совершил, и приговора, как повелел Аллах».

И Омар посмотрел на юношу устрашающим взором и сказал ему: «Ты выслушал речь этих юношей, что же ты скажешь в ответ?» А этот юноша был тверд душой и смел на язык и снял одежду тревоги и совлек одеяние беспокойства. И он улыбнулся и заговорил красноречивейшим языком и приветствовал повелителя правоверных прекрасными словами, а затем сказал: «Клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, я храню в памяти то, что они утверждают, и они правы в том, что сказали, когда рассказывали, что случилось, и было веление Аллаха предопределено судьбой. Но я расскажу перед тобой свою историю, а повеление принадлежит тебе.

Знай, о повелитель правоверных, что я из лучших и чистокровных арабов, которые благороднее всех, кто под звездным небом. Я вырос в жилищах пустыни, и поразила мое племя чернота враждебных лет, и я пришел в окрестности этого города с женой, скотом и детьми. Я шел по дороге и проходил мимо рощ, и со мной шли благородные верблюдицы, дорогие для меня, и среди них был самец, благородный происхождением, с большим потомством и красивый видом, и этот самец дал обильный приплод и ходил среди них как царь, увенчанный венцом. И одна из верблюдиц

⁵ То есть имя Аднана (легендарного родоначальника многих арабских племен) было возвышено его потомком, пророком Мухаммедом.

убежала к роще отца этих юношей, а деревья в ней были видны через стену, и захватила одно дерево губами, и я отогнал ее от этого сада. Вдруг в просветах стены показался старик, и от пламени его гнева летели искры, и в правой руке его был камень, и старец раскачивался, как лев, когда он появляется. И он ударил верблюда тем камнем и убил его, так как попал в смертельное место. И, увидав, как верблюд упал, я почувствовал, что в моем сердце загорелись уголья гнева, и взял тот самый камень и ударил им старика, и это было причиной его гибели, и ему вернулось то, что он совершил, ибо его убили тем, чем он убил. И когда попал в него камень, он закричал великим криком и издал болезненный вопль, а я поторопился уйти с того места. Но эти юноши схватили меня и привели к тебе, и вот я стою перед тобою». И еказал Омар: «Да будет доволен им Аллах великий! Ты признался в том, что сделал, и затруднительно избавление; необходимо возмездие, и не время теперь для спасения!» И юноша отвечал: «Слушаю и повинуюсь тому, что вы постановили, и согласен на то, чего требует закон ислама! Но у меня есть маленький брат, у которого был старый отец. Отец выделил ему перед смертью большие деньги и благородное золото и поручил его дела мне, призвав в свидетели Аллаха, и сказал: «Это принадлежит твоему брату и будет у тебя; бери его достояние как можешь». И я взял эти деньги и закопал их, и никто не знает о них, кроме меня. И если ты теперь присудишь меня к убийству, деньги пропадут, и ты будешь виновником их пропажи, и маленький взыщет с тебя свое право в день, когда Аллах будет судить своих тварей. А если ты дашь мне три дня сроку, я поручу кому-нибудь вести дела мальчика и вернусь исполнить долг, у меня есть человек, который поручится за меня».

И повелитель правоверных опустил голову, а потом он посмотрел на присутствующих и сказал: «Кто поручится мне за него, что он вернется обратно?» И юноша посмотрел на

лица тех, кто был в собрании, и указал на Абу-Зарра⁶ и сказал: «Этот за меня ответит и поручится за меня...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала триста девяносто седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда юноша указал на Абу-Зарра и сказал: «Этот за меня ответит и поручится за меня», — Омар, — да будет доволен им Аллах великий! — молвил: «О Абу-Зарр, слышал ли ты эти слова и поручишься ли ты мне за то, что этот юноша явится?» — «Да, о повелитель правоверных, — ответил Абу-Зарр, — я поручусь за него на три дня». И Омар согласился на это и позволил юноше уйти.

Когда же срок отсрочки приблизился к концу и время ее почти истекло или даже прошло, а юноша еще не вернулся в собрание Омара, сподвижники собрались вокруг халифа, как звезды вокруг луны, и пришел Абу-Зарр. Оба противника юноши ждали и говорили: «Где обидчик, о Абу-Зарр? Вернется ли тот, кто убежал? Но мы не сойдем с места, пока ты не приведешь его к нам, чтобы мы ему отомстили». — «Клянусь владыкой всеведующим, если три дня пройдут и юноша не явится, я выполню поручительство и отдам свою душу имаму», — сказал Абу-Зарр. И Омар молвил (да будет доволен им Аллах!): «Клянусь Аллахом, если юноша опоздает, я совершу с Абу-Зарром то, что требует закон ислама!»

И полились слезы присутствующих, и раздались вздохи смотрящих, и поднялся великий шум. И знатные среди сподвижников предложили юношам взять выкуп и стяжать похвалу, но они отказались и не соглашались ни на что, кроме отмщения. И пока люди волновались и шумели, сожалея об Абу-Зарре, вдруг явился юноша и стал перед имамом и приветствовал его наилучшим приветом, и лицо его сняло и блестело, окаймленное каплями пота. И он сказал повелителю правоверных: «Я передал мальчика братьям его матери и осведомил их о всех его обстоятельствах, и сообщил им, ка-

⁶ Абу-ЗАРР — один из сподвижников Мухаммеда.

кие есть у него деньги, а затем я бросился в жар и зной и был верен верностью благородного».

И люди удивились его правдивости и верности и тому, что он пошел навстречу смерти и был бесстрашен. И кто-то сказал юноше: «Как благороден, о юноша, и как ты верен обету и долгну!» А юноша ответил: «Разве вы не уверились, что, когда явится смерть, никто от нее не спасется. Я был уверен, чтобы не сказали: «Исчезла верность среди людей!»

И сказал Абу-Зарр: «Клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, я поручился за этого юношу, не зная, какого он племени, и я не видел его прежде, но когда он отвернулся от присутствующих и направился ко мне и сказал: «Вот кто поручится и ответит за меня», — я не счел пристойным отвергнуть его, и благородство отказалось обмануть его стремление, ибо не худо ответить стремящемуся, чтобы не сказали: «Исчезло достоинство среди людей!»

И тогда сказали оба юноши: «О повелитель правоверных, мы подарили кровь нашего отца этому юношу, который заставил нас сменить отвращение на дружбу, чтобы не сказали: «Исчезла милость среди людей!»

И обрадовался имам прощению юноши и верности его и исполнению им долга, и счел великим мужество Абу-Зарра, в отличие от бывших вместе с ними, и одобрил намерение юношей сделать благое дело. И он восхвалил их хвалою благодарящего и произнес такие слова поэта:

«Кто добре сделает, тот будет вознагражден,
И милость не пропадет людей у Аллаха».

А затем он предложил уплатить юношам выкуп за их отца из казны, но они сказали: «Мы простили его, стремясь к лицу Аллаха, а у кого намерения таковы, у тех вслед милости не идет попрек или обида».

Витязь буланаго коня.^{7 8}

Арабская касыда.⁹

(съ арабскаго.)

Халифъ Омаръ спросилъ однажды у Карабъ-эль-Зобейда, кого онъ въ жизни своей призналъ за храбрѣйшаго?

— Охотно разскажу тебѣ, властитель правовѣрныхъ, отвѣчалъ Карабъ. Въ одинъ день выѣхалъ я на конѣ славнѣйшаго поколѣнія бѣгуновъ *Неджда*¹⁰, которому пишю былъ вѣтеръ пустыни, и пойломъ волны *сураба*¹¹. Рысная по степи, я кидалъ коня моего влево и вправо, проскакалъ много пространства, и ничего не видалъ кроме слѣдовъ гіены. Вдругъ зачернѣло что-то на краю небосклона, и чрезъ нѣсколько мгновеній сталъ передо мной юноша, стройный, какъ дерево баму. Первый пухъ молодости едва пробивался на миломъ его лицѣ, и никогда отъ рожденія не видывалъ я прекраснѣйшаго юноши. Онъ вѣжливо привѣтствовалъ меня, приближаясь; я отвѣчалъ ему тѣмъ же, и спросилъ: кто ты, витязь? — «Я Харесь, сынъ Саада, витязь буланаго коня,» отвѣтствовалъ онъ. — Берегись же, воскрикнулъ я ему, ты долженъ со мною сразиться. — «Но кто

⁷ Полярная Звѣзда на 1824 годъ. Изд. А. Бестужевымъ и К. Рыльевымъ. Въ С. Петербургѣ. 1824. Стр. 297—307. Подпись: И. Сенковскій.

Библіография, № 30.

Собраниe сочинений Сенковскаго (Барона Брамбеуса). Томъ первый. Санктпетербургъ. 1858. Стр. 227—235. Арабская касыда. (съ арабскаго). Дата: 1823. Раздел «Повѣсти и Поэмы, переведенные съ восточныхъ языковъ», II.

⁸ Пустынныe Арабы такъ страстно любятъ коней своихъ и такъ ими гордятся, что отъ масти или именъ своихъ бѣгуновъ даютъ себѣ прозвища.

⁹ Касыдою называется небольшая поэма.

¹⁰ Недждъ, часть Аравийской пустыни, славная породистыми конями. Нѣкогда, тамъ, на мѣстѣ, за заводскую кобылицу плачивали отъ 40 до 60 тысячъ турецкихъ піастровъ.

¹¹ Сурабъ, воздушный феноменъ, часто случающійся въ Аравіи, есть не что иное, какъ испаренія земли, которыя, представляя издали подобіе рѣкъ и озеръ, обманываютъ путника.

ты такой?» вопросилъ меня Харесъ. — Мое имя Амру-Карабъ, я сынъ Маада и Зобейды; перуномъ пустыни зовутъ меня Бедуины! — «Ничтожный врагъ, вскричалъ онъ, лишь твое безсиліе спасаетъ тебя отъ смерти!» Разорвалось мое сердце отъ такого самохвальства. — Клянусь Богомъ возразилъ я, что только одинъ изъ нась воротится къ своей палаткѣ; Бедуинъ! нагую истину скажу тебѣ: завтра песокъ за несетъ здѣсь трупъ твой! Знай, что я изъ поколѣнія, въ которомъ еще ни одна мать не оплакивала смерти витязя-сына, и ни одна красавица не обрѣзывала долгихъ кудрей своихъ по убитомъ женихѣ. — «Выбирай же, воскликнулъ онъ: ты ли будешь убѣгать, а я догонять тебя, или я пущусь на уходъ, а ты нападать станешь?» — Буду нападать, сказалъ я, и вмигъ Бедуинъ помчался стрѣлою. Я стремился во слѣдъ.... уже мыслилъ копьемъ пронзить его насквозь, когда онъ исчезъ съ коня; уже миновавъ его я увидѣлъ, что онъ гибкою подпругою обвился вокругъ туловища коня своего. Пришла его череда: онъ настигъ меня, ударивъ по головѣ концомъ копья, сказалъ: «вотъ тебѣ первый разъ, Омаръ! Копьемъ моимъ клянусь, что еслибъ не жаль было убить такое красивое созданіе, теперь бы уже твой конь ржалъ надъ твоимъ трупомъ.» Я сгорѣлъ со стыда, халифъ правовѣрныхъ, и смерть показалась мнѣ милѣе обиды. — Нѣтъ, воскликнулъ я, одинъ только изъ нась увидитъ свою палатку. Онъ снова предложилъ, и я опять избралъ первую очередь. Конь мой летѣлъ, — я, казалось, касался наѣздника, — какъ вдругъ разостлся онъ по хребту коня, и тѣмъ избѣгъ вѣрнаго удара. Очередь оборотилась: онъ наскакалъ на меня, и не смотря на все мое искусство, на всѣ мои уловки, снова улучилъ ударить въ голову. «Вотъ и другой разъ, Омаръ» произнесъ онъ. Гнѣвъ и стыдъ охватили мою душу. — Рѣшено, вскричалъ я: или ты мой дротикъ или я твой привеземъ въ свое поколѣніе. Вмѣсто отвѣта, юный Бедуинъ ринулся впередъ, — я гналъ его, настигъ — и уже мѣткое копье мое несетъ ему въ плечо, какъ онъ спрыгнулъ на землю, и когда ударъ миновалъ сѣдло, то онъ опять на конѣ очутился. По очереди пустился Бедуинъ за мною, наскочилъ — и я не

могъ ускользнуть отъ него. «Омаръ, вотъ тебѣ и третій разъ», сказалъ онъ, ударивъ меня по головѣ. — Лучше убей меня, воскликнулъ я, чтобы услышали арабскіе наѣздники о враждѣ нашей. — «Знаешь ли, Омаръ, отвѣтствовалъ онъ, что я только до трехъ разъ прощаю!» И потомъ онъ продолжалъ стихами, *12

Тобой клянуся, мечъ стальной,
Ты не кропился кровью чистой!
Коль разъ еще мы вступимъ въ бой —
Ты кровли не узришь холмистой,
Намета родины святой!

— Признаюсь, властитель правовѣрныхъ, меня устрашило боевое искусство его, и я смущенный сказалъ: Харесь, у меня есть до тебя одна просьба! — «Какая?» спросилъ онъ. — Возьми меня къ себѣ въ товарищи! — «Ты не годишься быть моимъ товарищемъ», отвѣчалъ Харесь. Это выраженіе огорчило, но не отвратило меня. Я просилъ его снова, и такъ неоступно, что наконецъ онъ сказалъ мнѣ усмѣхаясь: «Бѣда тебѣ со мною; знаешь ли, куда спѣшу я?» — Конечно нѣть! былъ отвѣтъ мой. — «Ѣду, продолжалъ онъ, туда, гдѣ ожидаетъ меня кровавая смерть, которой жажду, какъ отрады.» — Всюду съ тобой, воскликнулъ я, и туда, гдѣ ждетъ насы кровавая смерть. Мы ѿхали цѣлый день и часть ночи, и наконецъ наѣхали на одно изъ поколѣній арабскихъ. «Омаръ, сказалъ тогда юный мой витязь, указывая на кочевые шатры его: здѣсь найдемъ мы кровавую смерть. Хочешь ли ты подержать моего коня, а я пойду за тѣмъ, чего мы ищемъ, или дай мнѣ своего и самъ поди за тѣмъ, чего мнѣ надо.» — Подержу коня твоего, отвѣчалъ я, ты лучше вѣдаешь, чего тебѣ нужно. — Легко спрыгнулъ съ коня юноша, бросилъ мнѣ поводья и скрылся во мракѣ, какъ падучая звѣзда исчезаетъ въ пустынномъ воздухѣ. Я радъ былъ слу-

12 * Арабы, особенно Бедуины, имѣютъ чрезвычайно много природнаго дара къ поэзіи. Часто простой Бедуинъ, безъ всякаго приготовленія, импровизируетъ посреди разговора нѣсколько прекраснѣйшихъ стиховъ.

жить ему за конюшаго въ такомъ случаѣ; между-тѣмъ безстрашный юноша проникнулъ въ глубь стана, и вскорѣ изъ одной палатки вывелъ двухъ верблюдовъ и дѣвицу, прекраснѣе молодаго мѣсяца; такой красоты никогда не зрели очи мои ни въ пустыняхъ Аравіи, ни въ краяхъ подвластныхъ царямъ. Посадивъ ее на быстроногаго верблюда, мы пустились въ дорогу. «Омаръ, сказалъ мнѣ Бедуинъ, по краткомъ молчаніи, хочешь ли ты вести верблюдовъ, а я повезу дѣвшку, или ты примешь на себя эту должностъ?» — Лучше я буду проводникомъ верблюдовъ, а ты охраняй нась своимъ оружіемъ, возразилъ я. — Онъ, отдавъ мнѣ поводки, замѣтилъ, чтобы я правиль бѣгъ свой на восходящія плеяды *¹³. Такъѣхали мы, и уже день началъ заниматься, когда молчаливый мой витязь промолвилъ: «Оглянись, Омаръ, не видно ли кого-нибудь?» — Видны за нами верблюды, отвѣталъ я. — «Удвой шагъ», сказалъ онъ и замолкъ снова; но чрезъ нѣсколько минутъ онъ опять сказалъ: «Посмотри еще разъ, и если ихъ мало, укрѣпься мужествомъ: то кровавая смерть слѣдитъ нась; если же много, то не бойся!» — Ихъ четверо или пятеро, отвѣталъ я. — «Погоняй сильнѣе», сказалъ онъ и смолкъ. Болѣе часу бѣжали мы, и остановились не ранѣе, какъ топотъ погони послышался вблизи. Юноша велѣлъ мнѣ стать по правую сторону верблюдовъ, а самъ занялъ мѣсто съ лѣвой. Скоро явились передъ нась, на коняхъ, двое статныхъ юношей изъ поколѣнія Бекровъ, и съ ними сѣдовласый старецъ, который возвышался между ними, какъ огромная смоковница между тонкими пальмами. То былъ отецъ красавицы, то были ея братья. «Отдай мнѣ дѣвицу, сынъ мой», сказалъ приблизившись старецъ. — «Не для того я похитилъ ее», гордо отвѣтствовалъ Харесь. Тогда отецъ велѣлъ одному изъ сыновей сразиться съ моимъ храбрымъ товарищемъ. Юноша выступилъ, потрясая копьемъ; Харесь соскочилъ съ коня ему на встрѣчу, и вотъ что сказалъ стихами:

¹³ * Въ бездорожныхъ пустыняхъ своихъ, Бедуины всегда путеводствуютъ ся звѣздами.

Тебя теперь, о витязь сильный,
Омочить крови дождь обильный,
Любовникъ пламенный, съ тобой
Горитъ схватиться въ смертный бой!
И вѣсть о немъ къ роднымъ, стрѣлою
Одна примчится — иль со мною.

Битва длилась недолго: Харесь поразилъ копьемъ противника. «Иди, помѣрся съ нимъ, сказалъ старецъ другому сыну: смерть краше безславія!» Юноша выступилъ противъ Хареса, который, кинувшись на него, воскликнулъ:

Посмотри, какъ дротикъ гибкій *¹⁴
Вѣрной смертію грозить!
Знай: жестоки кровныхъ сшибки!
Лишь кончина разлучить
Насъ съ сестрой твоей невинной.
Пусть умру, зато въ пустынной
Аравийской сторонѣ
Не разскажутъ обо мнѣ:
Онъ любезной измѣнилъ,
Онъ ее на жизнь смѣнилъ.

Насталъ бой и та же участь постигла другаго брата. Тогда отецъ, спокойно смотрѣвшій на кончину двухъ сыновей своихъ, приблизился къ Харесу и произнесъ: «Сынъ мой, отдай мнѣ дочь, или во мнѣ найдешь ты не мальчика!» — Никогда и никому не уступлю ее, отвѣчалъ Харесь. Старецъ, услышавъ это, сошелъ съ верблюда и обнажилъ саблю; то же сдѣлалъ и Харесь, весело встрѣчая его словами:

Мнѣ смерть милѣй, чѣмъ поношенье,
И пусть разскажъ объ этомъ мщенѣ
Взволнуетъ Бекровъ поколѣнье.

¹⁴ * Дротики Бедуиновъ, сделанные изъ длиннаго и гибкаго тростника, почти всегда изъ багдадскаго, безпрестанно зыбаются.

Старецъ, ставши передъ нимъ, возразилъ:

Не драгоцѣнѣе мгновенія,
Жизнь многолѣтняя моя,
Когда за славу поколѣнья,
За дѣвы честь сражаюсь я.

«Избирай, сказалъ онъ ему: я даю тебѣ право первого удара, но если и тогда не убьешь меня, то простишь съ жизнью!» — «Охотно», отвѣчалъ юноша, и занесъ саблю; но съ другаго же взмаху старецъ, увидѣвъ, что не можетъ отразить удара, летящаго ему въ голову, пронзилъ грудь Хареса.... и оба поверглись мертвы. — Властитель правовѣрныхъ! Во все это время страхъ и сожалѣніе смѣнялись во мнѣ; но когда я узрѣлъ кончину и двухъ остальныхъ витязей, то собралъ ихъ сабли, копья, коней и верблюдовъ, и приступивши къ дѣвицѣ, сказалъ ей: «теперь принадлежиши ты мнѣ». — «Нѣть, отвѣчала печальная красавица, вспыхнувъ гневомъ: по смерти братьевъ, отца и любезнаго, я никому не принадлежу. Впрочемъ, если желаешь владѣть мною, то отдай мнѣ копье и коня Харесовы и пустимся гнаться. Если ты успѣешь до меня дотронуться — я твоя, но если я тебя настигну, то убью тебя.» — Совсѣмъ не желаю этого, отвѣчалъ я: видно изъ какого вы всѣ роду; но и безъ битвы, ты моя добыча. — «Если ты Арабъ отъ настоящей крови Арабовъ, возразила она, то отvezешь меня къ моему поколѣнію.» — Соглашаюсь на это, отвѣтствовалъ я, но съ условіемъ: оправдать меня передъ твоими родными и преломить со мною хлѣбъ гостепріимства. — «Клянусь смертью отца и любезнаго исполнить это», сказала красавица. Мы пустились въ путь по старымъ слѣдамъ, но черезъ нѣсколько времени, когда оглянулся я назадъ, то замѣтилъ, что дѣвица пропала съ верблюдомъ. Не сомнѣваясь, что чувствительность увлекла ее къ мѣсту битвы, я быстро поверотиль коня, и прискакалъ туда, откуда мы недавно уѣхали. Какъ велико было мое удивленіе, когда вмѣсто четырехъ труповъ, я нашелъ тамъ тѣла только двухъ братьевъ. Озираясь всюду, я не могъ придумать, куда

дѣвались остальныя, какъ вдругъ замѣтилъ слѣды влеченыхъ по землѣ тѣль. По нимъ-то дошелъ я до лежавшаго за нѣсколько сотъ шаговъ камня, къ которому вѣтромъ намело груду песку. Осмотрѣвъ пристально сей холмикъ, я увидѣлъ полу одежды, и разрывъ его, я увидѣлъ.... властитель правовѣрныхъ.... тѣло отца, Хареса, и подлѣ нихъ умершую красавицу! Она скрывъ въ землю все, что было для ней драгоцѣннѣйшаго на землѣ, сама съ ними же скончалась. Не могъ удержаться я отъ слезъ, и долго горевалъ надъ столь плачевнымъ зреющемъ. Наконецъ, положивъ подлѣ дѣвицы тѣла ея братьевъ, я вмѣстѣ зарылъ всю благородную семью, и пустился обратно, къ родному стану. Вотъ, властитель правовѣрныхъ, тѣ люди, которыхъ мужественіе не знавалъ я въ жизни моей.

Деревянная красавица.¹⁵

(съ татарско-адербайджанского нарѣчія.)

Мудрецы давнихъ вѣковъ согласились какъ въ одно слово, что неправдой присвоенное чужое въ прокъ не пойдетъ. Въ дни счастливаго Эвренгзибова владычества, въ богатомъ и красивомъ Гиндустанѣ случилось сойтись въ одномъ каравансераѣ города Аллахабада ^{*16} четыремъ путникамъ. Одинъ изъ нихъ былъ ваятель, другой серебряникъ, третій портной, а четвертый дервишъ, родомъ Турокъ, и всѣ четверо шли домой въ Дели. Взваливши на плеча котомки съ орудіями и пожитками, пустились они въ путь-дорогу, и но-чуя однажды въ мѣстѣ безлюдномъ и лѣсистомъ, разсудили такъ между собою: «что если мы всѣ заснемъ, какой-нибудь заблудшій въ этой пустынѣ левъ можетъ напасть на насъ и всѣхъ передушить, или разбойники, которые вѣчно въ такихъ дебряхъ держать притонъ, найдутъ насъ сонныхъ и заберутъ всѣ наши пожитки: такъ не лучше-ли каждому изъ насъ посмѣнно пробѣть часть ночи на стражѣ, когда трое другихъ спокойно почивать будутъ?» Потомъ разложили изъ сухихъ вѣтвей большой огонь, и послѣ легкаго ужина, трое путешественниковъ легли на землю спать, а четвертый остался на часахъ. Первый жребій палъ на ваятеля. Онъ, чтобы разгулять себя, добылъ изъ котомки рѣзцы, и изъ деревянного обрубка сталъ гладко вырѣзывать красивую статую женщины. Вырѣзалъ и положилъ на землю. На другую сме́ну для охраны товарищей, поднялся портной. Бродя около пепелища, видѣть онъ что-то похожее на человѣка,

¹⁵ **Полярная Звѣзда на 1825 годъ.** Изд. А. Бестужевымъ и К. Рыльевымъ. Въ С. Петербургѣ. 1825. Стр. 174–182. Восточная повѣсть. Подпись: И. Сенковскій.

Библіография, № 31.

Собраніе сочиненій Сенковскаго (Барона Брамбеуса). Томъ первый. Санктпeterбургъ. 1858. Стр. 236–235. Дата: 1824. Раздел «Повѣсти и Поэмы, переведенные съ восточныхъ языковъ», III.

¹⁶ * Городъ, лежащий недалеко отъ Бенареса, при впаденіи Джемны въ Гангъ.

простертаго на землѣ. Приглядывается, и узнаетъ въ томъ куклу прелестной женщины, только что вырѣзанную изъ дерева. Оборачиваетъ ее на всѣ стороны, дивится красотѣ, соразмѣрности членовъ и работѣ искусной; наконецъ вспадаетъ ему на мысль: «коли товарищъ нашъ такъ удачно показалъ свое искусство, дай-ка и я удивлю его своимъ ремесломъ!» Говоря это, вынималъ онъ куски тонкихъ тканей, сняль съ куклы мѣрку, скроилъ и сшиль на нее мигомъ щегольской нарядъ, и напялилъ его на деревянную красавицу. Радъ, что окончилъ удальство свое, будитъ портной серебряника на стражу, а самъ спать залегаетъ. Скоро увидѣлъ серебряникъ эту убранную куклу, и удивленный находкою, пристально ее осматривалъ и перевертывалъ, хваля мастерство своихъ товарищей; однакожъ, желая удивить ихъ взаимно, присѣль онъ за работу и украсиль деревянную дѣвицу серьгами и ожерельемъ и поясомъ, и зарукавьями, и всѣмъ, что могъ изобрѣсти его умъ для усовершенствованія самаго затѣйливаго убранства. Потомъ, поставивъ за себя на часы дервиша, отправился на покой. Лишь очнулся дервишъ отъ сна, тотчасъ умылся пескомъ, чтобы возстановить тѣло свое въ первобытной чистотѣ. Прочелъ одинъ намазъ по обряду, а четыре въ запасъ для всякаго случая. Произнесъ девяносто девять именъ божескихъ и сорокъ четыре имени пророка, и наконецъ, позѣвывая, началъ разсуждать о небесномъ счастіи и прекрасныхъ райскихъ краяхъ, гдѣ для каждого богообоязненнаго человѣка цвѣтеть роскошный садъ, дышущій благовоннымъ воздухомъ, красующійся очаровательными для взора и вкуса плодами. Тамъ ждутъ его семьдесятъ великолѣпныхъ палатъ, и въ каждой палатѣ семьдесятъ пышныхъ покоевъ, и въ каждомъ покоѣ семьдесятъ царскихъ кроватей, на нихъ возлежатъ прелестныя гуріи, изъ которыхъ еслибъ хоть одна явилась на землю въ чась глубокой ночи, то блескъ ея прелестей такъ-бы озарилъ небосклонъ, что и семьдесятъ солнцевъ вмѣстѣ не могли бы съ тѣмъ сравняться. Утопая въ стихіяхъ столь обольстительныхъ мечтаній, дервишъ ненарокомъ взглянулъ кругомъ себя и съ изумленiemъ увидѣлъ образъ красавицы,

подлѣ него лежацій. «Нѣтъ божества кромѣ Бога, а Мухаммѣдъ пророкъ Бога!» воскликнулъ онъ въ восторгѣ. «Безъ сомнѣнія, небо ниспослало мнѣ райскую жительницу въ награду за точное исполненіе всѣхъ обрядовъ вѣры избраннаго пророка!» Говоря это, встаетъ онъ, тихо приближается къ куклѣ, и присѣвъ у ней въ головахъ, запѣваєтъ страстную пѣсню. Потомъ нашъ дервишъ принялся и за сердечныя изъясненія; но видя, что предметъ любви его ничего отвѣтить не изволить, робко отваживается онъ взять у красавицы руку; беретъ и жметъ и тянетъ ее, и не можетъ надивиться, отчего у небесныхъ гурій такие твердые и недвижные члены. Наконецъ, смущенный и пристыженный, узнаетъ онъ ошибку свою и затѣйливое искусство товарищей, которые, по его мнѣнію, сыграли это ему вънасмѣшку. «Такъ вы хотѣли подшутить надо мною, пріятели! сказалъ онъ; постойте-же, я вѣсь пристыжу, и проучу за это. Боже! ты, что далъ несомнѣнную книгу слугѣ и пророку твоему Мухаммѣду! что ниспослалъ ему небеснаго бѣгуна Эль-Буррака, полувида красавицы имѣющаго, на которомъ возлетѣлъ онъ въ седьмое небо и опять спустился въ блистательную Медину! Ты, что простеръ бритвоострый мостъ Эль-Сырратъ надъ бездонною пучиною ада, по которому правовѣрные пройдутъ спокойно въ рай, а гяуры скользнутъ въ вѣчную муку! Если я угодилъ тебѣ въ теченіи двѣнадцати лѣтъ, и по двѣнадцати часовъ ежедневно вертясь во славу твою, на одной пятї; если молитвы мои когда-нибудь ласково были тобой выслушаны, сотвори, чтобы бездушная кукла сія ожила и всталла. Гдѣ же сила, кромѣ тебя! Мы всѣ твое твореніе и всѣ въ тебя возвратимся!»

Такъ молился дервишъ; и въ это время Бедахъ, духъ зла и хитрости, который кружилъ по той пустынѣ, улучая минуту подшутить надъ прохожими, подслушалъ слова его и рѣшился воспользоваться случаемъ для наказанія святоши. Припалъ онъ къ куклѣ, дохнуль въ нее и оживилъ дерево. Подобно прелестной пери или полному мѣсяцу, дѣвица красоты несказанной поднялась съ земли передъ дервишемъ, который въ радостномъ восторгѣ изо всей мочи завопилъ:

«Аллахъ, Аллахъ! Власть и сила только у Бога; мы вѣдь отъ Бога и всѣ въ него возвратимся!»

Пробужденные крикомъ дервиша, вскочили отъ сна его товарищи и видя передъ собой чудную красавицу, не могли очнуться отъ изумленія; каждый изъ нихъ, чувствуя въ сердцѣ раждающуюся къ ней любовь, захотѣлъ присвоить ее себѣ нераздѣльно.

— Она моя, говорилъ рѣщникъ, потому-что я сдѣлалъ ее изъ дерева.

— Неправда, возражалъ портной, она принадлежитъ мнѣ, потому-что я одѣлъ ее своимъ добромъ и далъ ей видъ женскій.

— Я равное имѣю на нее право, прибавилъ серебряникъ, за то, что убралъ ее въ многоцѣнныя перстни и украшенія, безъ которыхъ женщина — не женщина.

— Все это совершенная правда, произнесъ дервишъ, но все-таки безъ моей святыни эта красавица осталась-бы деревомъ; заслугами моими у Бога она теперь живетъ, — слѣдовательно живетъ для меня.

Споръ четырехъ попутчиковъ разгорался болѣе и болѣе, и никто не хотѣлъ уступить ее другому. Наконецъ, надо было идти на расправу къ кадію въ Дегли, откуда они были уже недалеко.

Ставши передъ кадіемъ, рассказали они ему, что споръ у нихъ идетъ о невольницѣ, найденной въ пустынѣ.

— Приведите ее ко мнѣ, сказалъ судья, чтобы я отъ ней самой могъ узнать, кому она принадлежитъ.

— Она нѣма, отвѣчали тогда ему всѣ четверо.

— Тѣмъ нужнѣе мнѣ ее видѣть, продолжалъ кадій. Приведите ее сюда немедля. Съ кадіемъ шутить нечего: привели мнимую невольницу; но кадій, едва успѣлъ увидѣть ее, закричалъ: «Какъ, бездѣльники! вы хотите завладѣть собственною мою невольницею, которую купилъ я у моего наiba ^{*17} и которая мѣсяцъ тому отъ меня сбѣжала!»

— Совершенно такъ, промолвилъ важно наибъ: она

¹⁷ * Секретарь кадія.

невольница его справедливости, нашего наиласковаго судьи; я ему продалъ ее за 1,200 рупій. Имя ей Рахмана, а вы — обманщики! Потомъ обратился къ кадію: «Кажется, если не ошибаюсь, это тотъ недовѣрокъ-рѣщикъ, который не взирая на заповѣди Корана, дѣлалъ идоловъ браминамъ, — тотъ самый, котораго ваша справедливость сбирались при первомъ случаѣ повѣсить. Другой — портной, быль ужъ однажды у насть въ лапкахъ за шатаніе въ ночную пору по лавкамъ, якобы для купли тканей на платья.

— Такъ, припоминаю отвѣчаль кадій, и даже увѣренъ, что третій есть тотъ серебряникъ, на котораго давно имѣется подозрѣніе въ дѣланіи фальшивыхъ денегъ; это вещь несомнѣнная. Люди ихъ ремесла очень опасны и стоять быть посажены въ тюрьму для надзора. А тотъ дервишъ, какъ догадываюсь, турецкій побродяга, котораго мы однажды застали въ шинкѣ пьющаго вино,— напитокъ ненавистный небесамъ, за что давно хотѣлъ я ему, по праву ис лама, отсчитать сто пятьдесятъ одну палку по пятамъ. Но я милую васъ. Прощаю вамъ ваше бездѣльничество за то, что поймали мою бѣглянку. Убирайтесь вонъ, плуты!

Махнуль — и придверники выгнали чelобитчиковъ палками изъ судилища, а кадій велѣлъ добычу свою отвести въ гаремъ. Красота дѣвицы сей такъ плѣнила сердце его чрезмѣрною любовью, что онъ скоро на ней женился; и тогда-то оправдалось сказаніе мудрецовъ давняго времени, что наказанъ бываетъ тотъ, кто неправдой присвоить чужое. На свадьбѣ, когда молодые хотѣли поцѣловаться съ сладостнымъ вздохомъ, въ одинъ мигъ, злой духъ, оживившій невѣсту, перепорхнулъ въ голову кадія. Деревянная красавица снова стала бездушнымъ деревомъ, а несправедливый судья сошелъ съ ума.

Истинное великодушіе.¹⁸

(съ арабскаго.)

При халифѣ Сулейманѣ, сынѣ Абдъ-эль-Меликовомъ, жилъ былъ въ поколѣніи Аседъ, нѣкоторый человѣкъ, по имени Хазимъ, сынъ Бешра. Благородство и великодушіе его равнялись богатствамъ, которыя наслѣдовалъ онъ отъ предковъ и умножилъ своею промышленностью. Никогда странникъ не переступалъ его порога не одаренный; никогда бѣдный не отходилъ отъ его дверей безъ пожизненнаго содержанія. Щедрость Хазима вошла въ пословицу не только между сынами Аравіи, но самой Персіи далекой. Такое гостепріимство и щедрость и непредвидѣнныя несчастія довели его наконецъ до убожества. Напрасно искалъ онъ пособія у тѣхъ, кому помогалъ золотомъ и благодѣяніемъ; напрасно прибѣгалъ къ тѣмъ, что недавно хвалились его дружествомъ. Всѣ устранились его, никто не хотѣлъ пустить къ себѣ. Раздраженный неблагодарностью, воротился онъ домой.

— Асима, сказалъ онъ женѣ своей: бездѣльники, которыхъ осыпалъ я добромъ, — меня отвергли: не хочу долѣе быть съ людьми и забавлять ихъ своимъ уничиженіемъ и злосчастіемъ. Съ этихъ поръ не выйду за порогъ моего дома, покуда смерть не прійдетъ снять съ меня горе, или небо не сошлетъ намъ какой нежданной помощи!

Захлопнуль онъ двери для всѣхъ, и жилъ убого, продавая остатки украшеній, нѣкогда наполнявшихъ его дворецъ. Скоро вышло и это, и щедрый, великодушный Хазимъ остался безъ пропитанія въ ужаснѣйшей нищетѣ.

¹⁸ Полярная Звѣзда на 1825 годъ. Изд. А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ. Въ С. Петербургѣ. 1825. Стр. 239—248. Восточная повѣсть. Подпись: И. Сенковскій.

Бібліографія, № 32.

Собраніе сочиненій Сенковскаго (Барона Брамбеуса). Томъ первый. Санктпетербургъ. 1858. Стр. 243—251. Дата: 1824. Раздел «Повѣсти и Поэмы, переведенные съ восточныхъ языковъ», IV.

Въ то время былъ намѣстникомъ Арабскаго Полуострова Акрамъ Эль-Байраджъ. Случайно услышалъ онъ въ пріятельской бесѣдѣ, чтосталось съ Хазимомъ. «Бѣдныи, сказалъ тогда Акрамъ: такъ вотъ плоды его доблестей! И неужели никто не утѣшилъ его, не помогалъ ему въ бѣдѣ? — Никто, отвѣчали витязи, и Акрамъ замолкъ.

Когда всѣ разошлись и ночь смерклась, Акрамъ насыпалъ въ мѣшокъ четыре тысячи золотыхъ динаріевъ, велѣлъ осѣдлать коня, и вооруженный поскакалъ въ путь съ однимъ изъ своихъ оруженосцевъ. Въѣхавъ въ улицу, Акрамъ велѣлъ оруженосцу остановиться, и онъ приблизился къ подземной хижинѣ прежняго богача. Постучался; Хазимъ вышелъ на зовъ, и намѣстникъ, отдавая ему золото, сказалъ:

— Прими это отъ меня, великодушный старецъ, на по-правку твоего состоянія!

Хазимъ, взявъ мѣшокъ и чувствуя тягость его, отъ души воскликнулъ:

— Кто ты, благородный человѣкъ? скажи мнѣ имя свое, и я сложу за тебя голову!

— Не для того избралъ я темную пору, чтобы стать извѣстнымъ, отвѣчаль Акрамъ.

— Скажи, повѣдай твое имя, возразилъ Хазимъ, иначе я не приму твоего дара.

— Я помощникъ добрымъ въ бѣдѣ, — сказалъ Акрамъ, и быстро умчался отъ Хазима.

Обрадованный старецъ сейчасъ-же побѣжалъ къ женѣ своей, крича: «Развеселись, Асима; Богъ одарилъ насъ; вотъ мѣшокъ съ деньгами! встань-ка проворнѣй, да засвѣти свѣчку, поглядѣть, что послало небо».

— И рада-бы засвѣтить, отвѣчала жена, но ты знаешь, что у насъ давно не бывало свѣчи въ домѣ.

Огорченный этимъ, Хазимъ принужденъ былъ потѣшить свое любопытство въ потемкахъ, нетерпѣливо перебирая деньги ощупью. Сдавалось ему, что онѣ золотыя, но онъ не смѣлъ самъ себѣ вѣрить.

Воротясь во дворецъ, Акрамъ намелъ жену свою въ слезахъ отъ беспокойства о ночной его поѣздкѣ, о которой ей

тотъ же часть шепнули. Подозрѣніе и ревность зажгли ея мысли и сердце.

— Ты здѣсь намѣстникъ, а выѣзжаешь о полуночи украдкою въ городъ, безъ свиты и охраны! Навѣрно у тебя есть гдѣ-нибудь другая жена или полюбовница. Признайся, скажи по всей правдѣ, куда выѣзжалъ ты?

— Клянусь тебѣ, отвѣчалъ Акрамъ, что нѣтъ у меня ни той, ни другой.

— Какая жъ необходимость припала тебѣ такъ спѣшить?

— Вѣрно, что-нибудь важное вызвало меня ночью изъ дома, и очень тайное, когда я никого не взялъ, чтобы никто о томъ не вѣдалъ.

— Все-таки ты долженъ мнѣ разсказать это дѣло, иначе не уступлю я тебѣ ни шагу!

Женины слезы, просьбы и упреки принудили наконецъ Акрама открыть ей тайну подъ клятвою никогда о томъ не вспоминать.

Назавтра Хазимъ, расплатясь съ заимодавцами, рѣшился отправиться ко двору халифа, который находился тогда въ Палестинѣ. Сулейманъ, зная Хазима лично и наслышавшись о его добротѣ и щедрости, велѣлъ немедленно впустить къ себѣ почтенного старца сего, и спросилъ:

— Отчего Хазимъ такъ давно съ нами не видался?

— Владыка правовѣрныхъ, отвѣчалъ тотъ, бѣдность не позволяла мнѣ насладиться этимъ счастіемъ!

— Для чегожъ не пришелъ ты ко мнѣ?

— Недостатки тому виною: какъ могъ я безъ денегъ предпринять столь дальнее путешествіе!

— Какъже теперь ты пріѣхалъ?

— Какой-то незнакомецъ, который назвался помощникомъ добрыхъ въ бѣдѣ, и который подъ этимъ именемъ помогалъ уже многимъ несчастнымъ, какъ я узналъ послѣ, великодушно пособилъ мнѣ.

Тутъ Хазимъ рассказалъ халифу, какъ было дѣло, и привелиль:

— Зная, что въ нашихъ краяхъ нѣтъ человѣка щедрѣе и скромнѣе тебя, властитель правовѣрныхъ, я не сомнѣваюсь,

что подарокъ этотъ пришелъ отъ тебя, и пріѣхалъ воздать тебѣ мое благодареніе.

— Не благодари меня напрасно, Хазимъ, сказалъ Сулейманъ, я даже не вѣдалъ о томъ. Напротивъ я горю желаніемъ узнать этого благодѣтельного человѣка, чтобы достойно наградить его. Что жъ до тебя, — я знаю твои достоинства, знаю, какъ великодушно владѣлъ ты своимъ имѣніемъ — и теперь тебя не оставлю.

Сказавъ это, велѣлъ онъ подать себѣ калѣмъ ^{*19} и написать собственноручно указъ о назначеніи Хазима намѣстникомъ Арабскаго Полуострова, на мѣсто Акрама, которымъ почему-то онъ былъ недоволенъ.

Какъ скоро новый намѣстникъ приблизился къ столицѣ новой своей области, Акрамъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу въ кругу лучшихъ горожанъ. Оба привѣтствовали другъ друга учтиво, но холодно, потому-что издавна, по ссорѣ, жили въ открытой непріязни. Едва вступилъ во дворецъ, Хазимъ объявилъ своему предшественнику, что онъ долженъ представить за себя порукъ для отвѣта за цѣлость областной казны. Потомъ принялъ за повѣрку счетныхъ книгъ и открылъ тамъ важный недочетъ. На требованіе выплаты онаго, прежній намѣстникъ отвѣчалъ только, что онъ не можетъ этого сдѣлать, ибо оставилъ свою должность бѣднѣе, чѣмъ вступилъ въ нее. Недруги Акрамовы твердили намѣстнику, будто онъ притаилъ свои богатства, и наконецъ Хазимъ ведѣлъ его ввергнуть въ темницу и чрезъ нѣсколько дней послалъ снова напомнить о выплатѣ недочета.

— Скажите намѣстнику, отвѣчалъ Акрамъ, что я не изъ тѣхъ людей, которые на службѣ живятся добромъ общественнымъ, а сходя съ должности стараются неправдою утаить недоброму нажитое имѣніе!

Тогда неумолимый Хазимъ велѣдѣ заковать его въ желѣза, и цѣлый мѣсяцъ прошелъ безъ улучшенія судьбы человѣка, котораго вся вина состояла въ готовности помочь терпящимъ нужду.

¹⁹ * Писальная трость.

Межу-тѣмъ жена Акрамова всѣми средствами старалась черезъ родныхъ и друзей умилостивить суровую справедливость намѣстника, или подвигнуть ихъ на уплату казнѣ за мужа; но видя, что ея старанія безплодны, а мученія Акрама горче и хуже, рѣшилась переступить клятву.

— Ступай, сказала она одной вѣрной своей невольницѣ, ступай во дворецъ намѣстника, и скажи, что имѣешь открыть важное дѣло, и что только одному ему открыть его можешь. Когдаже станешь передъ его очи, то проси, чтобы онъ наединѣ тебя выслушалъ, и тогда выговори слова: «Хазимъ! неужели темница, оковы и муки должны быть наградою помощника добрыхъ въ бѣдѣ?»

Невольница въ точности исполнила волю госпожи своей, и Хазимъ, услышавъ то, въ отчаяніи воскликнулъ:

— О горе мнѣ, горе! Такъ это былъ онъ, онъ — мой старинный, великодушный непріятель?

— Онъ самъ, отвѣчала уходя невольница.

И вотъ намѣстникъ, пораженный стыдомъ и жалостью, велить поспѣшно скликать лучшихъ горожанъ, садится на коня, и въ ихъ поѣздѣ скачеть къ темнице Акрама. Несчастный сидѣлъ въ темномъ и мокромъ подземельѣ, блѣдный и чахлый; горесть и отчаяніе видны были во всѣхъ чертахъ его лица. Видя входящаго Хазима съ толпою вельможъ, онъ робко взглянулъ на нихъ, и проникнутый чувствомъ уничиженія, склонилъ голову. Залившись слезами, кинулся намѣстникъ ему въ ноги и цѣловалъ ихъ покорно. Изумленный тѣмъ плѣнникъ, поднялъ голову и спокойно спросилъ:

— Что это значитъ, Хазимъ? какая причина привела тебя сюда?

— Велпкодушіе моего врага, отвѣчалъ глубокотронутый Хазимъ.

Тогда же, въ снятыя съ плѣнника оковы намѣстникъ велѣлъ заковать свои ноги.

— Что хочешь дѣлать? возопилъ Акрамъ Хазиму.

— Покарать себя, возразилъ тотъ, и столько же вытерпѣть мукъ, сколько я заставилъ терпѣть моего благодѣтеля.

— Богомъ и его силою и твою душою заклинаю тебя, прерваль Акрамъ, не дѣлай этого, если не хочешь отравить моей жизни.

Намѣстникъ съ честію проводилъ Акрама въ домъ свой, и тотъ же часъ отправились въ мыльню. Потомъ задалъ ему тамъ пышный завтракъ, на которомъ самъ усугивалъ благодѣтелю. Потомъ доставилъ ему все, что можетъ уладить жизнь, и взялся внести въ казну недочетъ. Просиль его также, вымолить у жены ему прощеніе, и разстался съ нимъ со слезами. Черезъ нѣсколько дней, намѣстникъ, взявши съ собою Акрама, прїѣхалъ ко двору халифа, который въ то время жилъ въ Рамлѣ. Какъ скоро доложили Сулейману о прїѣздѣ Хазима, онъ закричалъ:

— Какъ! намѣстникъ Аравіи прїѣзжаетъ сюда безъ моего указа? Вѣрно какое-нибудь важное дѣло заставило его предпринять эту поѣздку!

Немедленно велѣлъ онъ Хазиму къ себѣ явиться, и когда тотъ вошелъ, Сулейманъ, не давши ему времени даже поклониться, торопливо спросилъ:

— Эмиръ, съ чѣмъ ты прїѣхалъ?

— Съ счастливою вѣстью, отвѣчалъ намѣстникъ: я привель къ тебѣ помощника добрыхъ въ бѣдѣ, котораго ты, властитель правовѣрныхъ, такъ жаждалъ увидѣть.

— Кто же онъ такой?

— Акрамъ-эль-Байраджъ, мой предмѣстникъ, сказалъ Хазимъ.

Тогда Сулейманъ велѣлъ ему стать передъ собою, принялъ его очень ласково, осыпалъ похвалами и прибавилъ:

— Ты видиши, Акрамъ, что еслибы ты не былъ великодушенъ, то остался бы несчастенъ. Я былъ недоволенъ твоимъ излишнимъ снисхожденiemъ къ мятеjнымъ обитателямъ твоей области, — но теперь проси о какой хочешь милости.

— Властитель правовѣрныхъ, сказалъ тогда Акрамъ: во время моего правленія я поручался за многихъ посаженныхъ за долги въ темницу; уплатить ихъ я не могу, — такъ пусть же опять за нихъ въ тюрьму возвращуся.

— Напиши мнѣ имена заимодавцевъ — я самъ заплачу за

тебя, возразилъ халифъ.

Потомъ велѣлъ одѣть его въ богатое платье, далъ ему 10,000 золотыхъ динаріевъ, и наконецъ примолвилъ:

— Назначаю тебя, Акрамъ, намѣстникомъ въ Аравію и Иракъ, и отдаю на твою волю, самому заняться должностю или передать ее Хазиму.

— Утверждаю его, радостно воскликнулъ Акрамъ, потому-что никогда въ жизни моей я не могъ дать большаго и достойнѣйшему!

Халифъ похвалилъ его великодушіе и назначилъ намѣстникомъ въ Сирію: оба друга съ тѣхъ поръ пользовались неограниченnoю милостію самовластителя и до его смерти правили высшими должностями.

Рассказ об Икриме и Хузейме²⁰

Дошло до меня, о счастливый царь, что был в дни повелителя правоверных Сулеймана ибн Абд-аль-Мелика²¹ один человек по имени Хузейма ибн Бишр из племени Бену-Асад. Он отличался явным благородством и имел обильные блага и был милостив и благодетелен к друзьям, и он пребывал в таком положении, пока не обессирило его время и не стал он нуждаться в своих друзьях, которым он оказывал милости и помогал деньгами. И они помогали ему некоторое время, а потом это им наскучило. И когда Хузейме стала ясна их перемена к нему, он пошел к своей жене (а она была дочерью его дяди) и сказал ей: «О дочь моего дяди, я вижу в моих братьях перемену, и я решил не покидать дома, пока не придет ко мне смерть». И он заперся за дверями и питался тем, что у него было, пока запасы его не кончились. И тогда Хузейма впал в недоумение.

А его знал Икрима-аль-Файяд ар-Риби, правитель аль-Джезиры. И когда он однажды сидел в своей приемной зале, вдруг вспомнили Хузейму ибн Бишра, и Икрима-аль-Файяд спросил: «В каком он положении?» — «Он дошел до положения неописуемого, — ответили ему, — запер ворота и не покидает дома». И сказал Икрима-аль-Файяд: «Это случилось с ним только из-за его великой щедрости! И как не находит Хузейма ибн Бишр помощника и приносящего поддержку!» — «Он не нашел ничего такого», — сказали присутствующие. И когда наступила ночь, Икрима пошел и взял четыре тысячи динаров и положил их в один кошель, а потом он велел оседлать своего коня и вышел тайком от родных и по-

²⁰ Книга тысячи и одной ночи. Перевод и комментарии *M. A. Салье* под ред. акад. *И. Ю. Крачковского*, VI. [Л.], «Academia», 1933, стр. 390—397.

Книга тысячи и одной ночи в восьми томах. Перевод с арабского *M. A. Салье*. [Под ред. акад. *И. Ю. Крачковского*.] Том 6. Ночи 607—756. Государственное Издательство Художественной Литературы, 1959. Стр. 220—228. Публикуется по этому изданию.

²¹ Сулейман ибн Абд-аль-Мелик — омейядский халиф (правил с 715 по 717 год).

ехал с одним из своих слуг, который вез деньги. И он ехал, пока не остановился у ворот Хузеймы, а потом он взял у своего слуги мешок и, приказав ему удалиться, подошел к воротам и сам толкнул их.

И Хузейма вышел, и Икрима подал ему мешок и сказал: «Исправь этим свое положение». И Хузейма взял мешок и увидел, что он тяжелый, и, выпустив его из рук, схватился за узду коня и спросил Икриму: «Кто ты, да будет моя душа за тебя выкупом?» — «Эй, ты, — сказал Икрима, — я не потому приехал к тебе в подобное время, что хочу, чтобы ты узнал меня». — «Я не отпущу тебя, пока ты не дашь мне себя узнать», — сказал Хузейма. И Икрима сказал: «Я — Джабир-Асарат-аль-Кирам»²². — «Прибавь еще!» — сказал Хузейма, и Икрима ответил: — «Нет!» И уехал.

А Хузейма вошел к дочери своего дяди и сказал ей: «Радуйся, принес Аллах близкую помощь и благо. Если это дирхемы, то их много. Встань зажги светильник». — «Нет пути к светильнику», — сказала его жена. И Хузейма провел ночь, глядя мешок рукой, и чувствовал твердость динаров и не верил, что это динары.

Что же касается Икримы, то он вернулся домой и увидел, что его жена хватилась его и спрашивала о нем. И когда ей сказали, что он уехал, она заподозрила его и усомнилась в нем. «Правитель аль-Джезиры выезжает, когда прошла часть ночи, один, без слуг и тайно от родных только к другой жене или к наложнице», — сказала она Икриме. И тот ответил: «Знает Аллах, что я ни к кому не выезжал». — «Расскажи мне, зачем ты уезжал», — сказала жена Икримы. И он молвил: «Я выехал в такое время лишь для того, чтобы никто обо мне не знал». — «Неизбежно, чтобы ты мне рассказал!» — воскликнула жена Икримы, и тот спросил: «Сохранишь ли ты тайну, если я расскажу тебе?» — «Да», — ответила его жена. И Икрима рассказал ей в точности всю историю и то, что с ним было, и спросил: «Хочешь ли ты, чтобы я еще тебе

²² Джабир-Асарат-аль-Кирам — это вымышленное имя означает — исправляющий оплошности велиководушных.

поклялся?» — «Нет, нет, — сказала его жена, — мое сердце успокоилось и доверилось тому, что ты говоришь».

Что же касается Хузеймы, то он утром помирисся с заимодавцами и исправил свое положение, а затем он стал собираться, желая направиться к Сулейману ибн Абд-аль-Мелику (а тот находился в те дни в Палестине). И когда Хузейна остановился у дверей халифа и попросил позвolenия войти у его царедворцев, один из них вошел к Сулейману и рассказал, где находится Хузейма, — а он был знаменит своим благородством, и Сулейман знал об этом. И он позволил Хузейме войти, и тот, войдя, приветствовал его, как приветствуют халифов, и Сулейман ибн Абд-аль-Мелик сказал ему: «О Хузейма, что задержало тебя вдали от нас?» — «Плохое положение», — ответил Хузейма. «Что же помешало тебе отправиться к нам?» — спросил халиф. «Слабость, о повелитель правоверных», — ответил Хузейма. «А на что же ты поднялся теперь?» — спросил Сулейман. И Хузейма ответил: «Знай, о повелитель правоверных, что я был у себя дома, когда уже прошла часть ночи, и вдруг постучал в ворота какого-то человека, и было у меня с ним такое-то и такое-то дело». И он рассказал халифу всю историю, с начала и до конца, и Сулейман спросил: «А ты знаешь этого человека?» — «Я не знаю его, о повелитель правоверных», — ответил Хузейма, — и это потому, что он был переодет, и я услышал от него только слова: «Я Джабир-Асарат-аль-Кирам». И Сулейман ибн Абд-аль-Мелик запытал и загорелся желанием узнать этого человека и сказал: «Если бы мы его знали, мы бы вознаградили его за его благородство!»

И потом он привязал Хузейме ибн Бишру знамя ²³ и назначил его наместником аль-Джезиры вместо Икримы-аль-Файяда. И Хузейма выехал, направляясь в аль-Джезиру. И когда он приблизился к ней, Икрима вышел его встречать, и жители аль-Джезиры тоже вышли ему навстречу, и правители приветствовали друг друга и ехали вместе, пока не

²³ То есть вручил ему военную (а не только гражданскую) власть над порученным ему наместничеством.

вступили в город.

И Хузейма остановился в Доме Эмирата и велел взять с Икримы обеспечение и потребовал у него отчета. И с Икримой свели счета, и оказалось, что за ним большие деньги, и Хузейма потребовал, чтобы Икрима их отдал. И Икрима сказал: «Нет мне ни к чему пути». — «Отдать деньги неизбежно», — сказал Хузейма. Но Икрима отвечал: «У меня их нет, делай то, что сделаешь». И Хузейма приказал отвести его в тюрьму...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала шестьсот восемьдесят четвертая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Хузейма велел заточить Икриму-аль-Файяда и послал к нему, требуя с него то, что за ним осталось, Икрима послал ответить ему: «Я не из тех, кто охраняет деньги ценой своей чести: делай что хочешь».

И Хузейма велел заковать ему ноги в железо и посадить его в тюрьму. И он оставался там месяц или больше, так что это его изнурило, и заточение повредило ему. И весть о нем дошла до дочери его дяди, и она до крайности огорчилась и, позвав к себе одну из своих вольноотпущенниц, обладавшую обильным разумом и знаниями, сказала ей: «Пойди сейчас же к воротам эмира Хузеймы ибн Бишра и скажи ему: «У меня есть совет». И если кто-нибудь спросит тебя о нем, скажи: «Я скажу его только эмиру». И когда ты войдешь к нему, попроси у него уединения. А оставшись с ним наедине, скажи ему: «Что это за дело ты сделал? Ты вознаградил Дшабира-Асарат-аль-Кирама, только воздав ему жестоким заточением и стеснением в оковах».

И женщина сделала то, что ей было приказано, и когда Хузейма услышал ее слова, он воскликнул во весь голос: «Горе мне! Это действительно он?» — «Да», — ответила женщина. Хузейма велел тотчас же привести своего коня, и когда его оседлали, призвал всех вельмож города и, собрав их у себя, подъехал к воротам тюрьмы. И их отперли, и Хузейма, и те, кто был с ним, вошли в тюрьму и увидели, что

Икрима сидит, и вид его изменился, и он изнурен побоями и болью. И когда Икрима увидел Хузейму, ему стало стыдно, и он опустил голову, а Хузейма подошел и припал к его голове, целуя ее, и тогда Икрима поднял голову и спросил: «Что вызвало у тебя это?» И Хузейма ответил: «Благородство твоих поступков и мое дурное возмещение». — «Аллах да простит нам и тебе», — сказал Икрима. Хузейма приказал тюремщику снять оковы с Икримы и наложить их ему самому на ноги. «Что это ты хочешь?» — спросил Икрима, и Хузейма сказал: «Я хочу, чтобы мне досталось то же, что досталось тебе». — «Заклинаю тебя Аллахом, — воскликнул Икрима, — не делай этого!» И затем они вышли вместе и дошли до дома Хузеймы, и Икрима простился с ним и хотел уходить, но Хузейма удержал его от этого. «Чего ты хочешь?» — спросил Икрима. «Я хочу изменить твой вид: стыд мой перед твоей женой сильнее моего стыда перед тобою», — сказал Хузейма. И он велел освободить баню, и когда ее освободили, Хузейма с Икримой вошли туда вместе, Хузейма сам стал прислуживать Икриме. И затем они вышли, и Хузейма наградил Икриму роскошной одеждой и посадил его на коня и велел нагрузить на него большие деньги. И он поехал вместе с ним к его дому и попросил позволения извиниться перед его женой и извинился перед нею, а потом он попросил Икриму отправиться с ним к Сулейману ибн Абд-аль-Мелику, который находился в те дни в ар-Рамле²⁴. И Икрима согласился на это, и они доехали вместе и прибыли к Сулейману ибн Абд-аль-Мелику, и царедворец вошел к нему и осведомил его о прибытии Хузеймы ибн Бишра. И это испугало халифа, и он воскликнул: «Разве правитель аль-Джезиры может явиться без нашего приказания! Такое — только из-за великого случая». И он позволил Хузейме войти, и когда тот вошел, халиф сказал ему, прежде чем его приветствовать: «Что позади тебя, о Хузейма?» — «Благо, повелитель правоверных», —

²⁴ Ар-РАМЛА — один из значительнейших городов Палестины, основан Сулейманом ибн Абд аль-Меликом, в то время наместником Палестины. Сделавшись халифом, он часто жил в нем.

огвечал Хузейма. «Что же привело тебя?» — спросил халиф. И Хузейма ответил: «Я овладел Джабиром-Асарат-аль-Кирам, и мне захотелось порадовать тебя им, так как я видел, что ты горишь желанием его узнать и стремишься его увидеть». — «Кто же это?» — спросил халиф, и Хузейма ответил: «Икрима-аль-Файяд». И Сулейман позволил ему приблизиться, и Икрима подошел к нему и приветствовал его как халифа. И Сулейман сказал ему: «Добро пожаловать!» И приблизил его к своему трону и сказал: «О Икрима, твое благодеяние ему было для тебя лишь бедою. Напиши на бумажке о всех твоих заботах и о том, в чем ты нуждаешься», — сказал потом Сулейман. И когда Икрима сделал это, халиф велел исполнить все тотчас же и приказал дать ему десять тысяч динаров, сверх тех нужд, о которых он написал, и двадцать сундуков одежды вдобавок к тому, что было им написано. А потом он велел подать копье и, привязав для Икримы знамя, назначил его наместником аль-Джезиры, Армении и Азербайджана. «Дуло Хузеймы перешло к тебе, — сказал халиф Икриме, — если хочешь, ты оставишь его, а если хочешь — отстранишь». — «Нет, я верну его на место, о повелитель правоверных», — сказал Икрима. И затем Икрима с Хузеймой ушли от халифа вместе, и они были наместниками Сулеймана ибн Абд-аль-Мелика во все времена его халифата.

Урокъ неблагодарнымъ.²⁵

(съ персидского.)

Отъѣзжая въ Дамаскъ ко двору халифа Абдъ-эль-Мелика, Абу-Мухаммедъ-эль-Хеджаджъ, намѣстникъ Аравіи, взялъ съ собою любимца своего, Ибрагима, котораго онъ весьма уважалъ и часто давалъ ему значительныя порученія. «Владыка правовѣрныхъ, сказалъ Абу-Мухаммѣдъ, я представлю тебѣ человѣка, выше котораго въ благородствѣ души, въ добротѣ сердца и въ обширности ума я никого не знаю въ Аравіи; чѣмъ касается до необыкновенныхъ его способностей и вѣрности ненарушимой, — то смѣло могу сказать, что нѣть ему равнаго. Его имя Ибрагимъ, сынъ Тальхи!» Халифъ съ радостію пожелалъ его видѣть и позволилъ его къ себѣ представить.

Какъ скоро Ибрагимъ вошелъ и обычно попривѣтствовалъ властителя, тотъ принялъ его ласково, посадилъ на средину софы и сказалъ:

— Абу-Мухаммѣдъ много намъ говорилъ о твоихъ доблестяхъ въ расправѣ, о твоемъ благородномъ образѣ мыслей, о твоемъ неизмѣнной вѣрности. Повѣдай-же намъ: чего себѣ желаешь? ибо мы не хотимъ оставить втунѣ живыя за тебя просьбы и благодарность Абу-Мухаммѣда. Говори, какой совѣтъ имѣешь дать намъ? *²⁶

— Для себя въ этой жизни ничего не желаю, отвѣтствовалъ Ибрагимъ съ набожнымъ видомъ, а въ будущей жажду только быть въ раю, въ лонѣ пророка. Что-жъ до совѣта, — я имѣю сообщить тебѣ очень важный.

— Я готовъ его выслушать, сказалъ халифъ.

²⁵ Полярная Звѣзда на 1825 годъ. Изд. А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ. Въ С. Петербургѣ. 1825. Стр. 258—262. Восточная повѣсть. Подпись: И. Сенковскій.

Библіография, № 33.

Собраніе сочиненій Сенковскаго (Барона Брамбеуса). Томъ первый. Санктпетербургъ. 1858. Стр. 252—256. Дата: 1824. Раздел «Повѣсти и Поэмы, переведенные съ восточныхъ языковъ», V.

²⁶ * Обыкновенная при восточныхъ дворахъ формула.

— Не могу высказать его въ присутствіи третьяго.

— Неужели не можешь открыться при твоемъ наилучшемъ другѣ и покровителѣ?

— Даже и онъ не долженъ быть участникомъ этой тайны.

Абу-Мухаммѣдъ, смущенный и пристыженный такою недовѣрчивостью человѣка, отъ которого въ самыхъ сокровенныхъ дѣлахъ и мысляхъ не таился, не зналъ, куда взглянуть, куда ступить; но халифъ далъ ему знакъ удалиться, потомъ обратись къ Ибрагиму, сказалъ:

— Теперь смѣло можешь открыть мнѣ тайну свою, и если въ ней заключается твое желаніе, то обѣщаю оное исполнить.

— Властитель правовѣрныхъ, сказалъ тогда Ибрагимъ. Ты назначилъ Абу-Мухаммеда намѣстникомъ знаменитой Мекки и ясной Медины, сихъ обиталищъ сыновъ товарищей пророка и источниковъ чистой вѣры ислама, хотя вѣдалъ обѣ его буйномъ нравѣ, его жестокихъ склонностяхъ, его неуваженіи къ обрядамъ и неправотѣ въ судѣ. Онъ угнеталъ имамовъ и святотатственно попралъ ихъ старинныя права, ненарушенныя дотолѣ ни однимъ мусульманиномъ. Какой отвѣтъ дашь ты, властитель правовѣрныхъ, въ послѣдній день, на судѣ пророка, за притѣсненныхъ при тебѣ правовѣрныхъ, столь дорогихъ его сердцу? Государь! страшись Божьяго гнѣва: скинь его съ намѣстничества и карою виновнаго заслужи у пророка въ будущей жизни!

— Какъ жалко обманулся Абу-Мухаммѣдъ, представивъ тебя человѣкомъ полнымъ чести, сказалъ халифъ,бросая на лицемѣра взоръ презрѣнія, и далъ знакъ рукою, чтобы онъ вышелъ.

Абу-Мухаммѣдъ долго говорилъ съ халифомъ, снова къ нему позванный, между-тѣмъ какъ Ибрагимъ сидѣлъ въ сѣняхъ, терзаемый отчаяніемъ неудачи и угрызеніемъ совѣсти, сей обычной мучительницы преступныхъ душъ, трепещущихъ отъ предчувствія неизбѣжной казни. Неблагодарный не сомнѣвался, что смерть или вѣчная тюрьма будетъ наградою коварства противъ благодѣтеля; но всего болѣе страшился, чтобы не выдалъ его халифъ головою ме-

сти обиженного друга. Вдругъ поспѣшно выходитъ Абу-Мухаммѣдъ, сжимаетъ его въ объятіяхъ и удаляется, сказавъ:

— Ибрагимъ, благодарю тебя за дружбу и постараюсь быть достойно ея благодарнымъ. Узнаю теперь, что не умѣль цѣнить тебя!

Эти слова поразили его какъ громомъ. Видя погибель, онъ не зналъ, куда ему дѣться, когда придверникъ кликнулъ его къ халифу. Блѣднѣя и трепеща вошелъ Ибрагимъ въ палату властителя.

— Пріятель, сказалъ ему Абдъ-эль-Меликъ, я послушался твоего совѣта и смѣнилъ Абу-Мухаммѣда съ намѣстничества Мекки и Медины; но я увѣрилъ его, что ты, исполненный къ нему благодарности, просилъ меня наградить друга по-царски и возысить въ важнѣйшее достоинство; что я по твоей просьбѣ жалую его намѣстникомъ обоихъ Ираковъ. Удались, подлый человѣкъ; ты поѣдешь съ нимъ вмѣстѣ, и пусть онъ заплатитъ тебѣ добромъ за зло, которое хотѣль ты ему сдѣлать. Если есть въ тебѣ душа, то пусть стыдъ при каждомъ отъ него благодѣяніи обратится въ тяжкое наказаніе твоей низости. Удались; но помни, что я знаю твое сердце!

Бедуинка.²⁷

Восточная повесть.

Моавія, сынъ Сейфановъ, повелитель правовѣрныхъ, сидѣлъ однажды въ кругу своихъ царедворцевъ, въ великолѣпномъ увеселительномъ зданіи, построенномъ при большой дорогѣ, ведущей въ Дамаскъ. Изъ оконъ сего зданія во все стороны видѣть былое возхитительный: роскошные сады Гуты, необъятныя взору равнины Бекаи, рѣчки и пруды, осѣненныя оливковыми деревьями, холмы, красующіеся виноградомъ и позади ихъ чернѣющіеся покатъ Антиливана, составляли вмѣстѣ прелестнѣйшую въ природѣ картину. Водометы, брызжа изъ мраморныхъ купелей, разливали по всему зданію пріятную прохладу; но внѣ зданія, удушливый зной захватывалъ дыханіе: жгущій вѣтеръ, налетавшій съ жаркихъ песковъ Неджда, дыхаль тлетворнымъ пламенемъ. Халифъ увидѣлъ вдали человѣка, въ широкой бедуинской епанчѣ съ бѣлыми и черными полосами, шедшаго по большой дорогѣ. Быль полдень; солнце пекло со всею своею силой, и путникъ, шедшій босыми ногами, томясь усталостю и истощеніемъ, не могъ сносить жара раскаленной земли, по которой ступалъ, и ускорялъ свой ходъ. Видѣ этого человѣка наполнилъ сердце Халифово горестю. «Алла сотворилъ ли когда человѣка,» воскликнулъ онъ, обратясь къ своимъ приближеннымъ, — «несчастнѣе того, какъ сей Арабъ, принужденный влечиться по большимъ дорогамъ въ такой жарѣ, какъ нынѣшній, и въ такую пору дня?» — «Повелитель правовѣрныхъ!» отвѣталъ одинъ изъ царедворцевъ: по чьему

²⁷ Съверные Цвѣты на 1828 годъ. Санктпeterбургъ. Въ типографіи Департамента Народного Просвѣщенія. 1827. Стр. 166—185. (Цензурное разрешение: Санктпeterбургъ, 3 Декбря 1827 года. Цензоръ Константинъ Сербиновичъ.)

Бібліографія, № 42.

Собраніе сочиненій Сенковскаго (Барона Брамбеуса). Томъ первый. Санктпeterбургъ. 1858. Стр. 256—266. Дата: 1827. Раздел «Повѣсти и Поэмы, переведенные съ восточныхъ языковъ», VI.

знатъ? можетъ быть человѣкъ сей ищетъ тебя, хотеть прибѣгнуть къ твоей помощи или защитѣ? Можетъ быть думаетъ онъ, что великодушіе твое будетъ для него тучею весеннею, прохлаждающею зной дневной и утоляющею жажду, которою, какъ видно, онъ томится?» — «О, если меня онъ ищетъ,» вѣщаѣ Халифъ, «то я буду для него тучею весеннею, оживляющею поля, пожигаемыя харуромъ^(*28), я буду ему росою благодатною, питающею листы лавра, поблеклые отъ зноя! Сюда, отрокъ: ступай къ дверямъ моего чертога, и если сей Арабъ будетъ обо мнѣ спрашивать, то мигомъ приведи его предъ лице мое.»

Отрокъ сошелъ къ дверямъ чертога и спросилъ у Бедуина, куда онъ идетъ въ такую пору и кого ищетъ? — «Я иду въ Дамаскъ,» отвѣчалъ Бедуинъ, «а ишу повелителя правовѣрныхъ: онъ правосуденъ и великодушенъ; онъ извлечетъ изъ моего сердца жало насилия, которымъ оно разтерзано, и вырветъ изъ земли мусульманской плевелы своевольства.» — Если такъ, то иди за мною,» сказалъ отрокъ: «повелитель правовѣрныхъ ждетъ тебя въ этомъ чертогѣ.» — Бедуинъ повиновался отроку, который ввелъ его предъ очи Халифы. Представъ предъ своего властителя, Бедуинъ отдалъ поклоненіе, и, бывъ истощенъ усталостю, съ трудомъ произнесъ нѣсколько едва внятныхъ словъ, коими желалъ ему долгаго царствованія и всѣхъ возможныхъ благъ. «Откуда ты, другъ Арабъ?» спросилъ его Халифъ. — «Я изъ Емима,» отвѣчалъ онъ. — «Кого же ищешь въ такую тяжкую пору? что заставляетъ тебя подвергаться въ эти часы насилию ужаснаго вѣтра, жгущаго листы оливы и удушающаго птицъ на полетѣ?» — «Несправедливость поставленнаго тобою въ градонаачальники намъ Мервана, причиною труднаго моего путешествія; ишу я твоего правосудія. О Моавія!» продолжалъ онъ: «вселенная чтитъ твое могущество, мудрость и просвѣщеніе, народы благословляютъ твое правдолюбіе, прямодушіе и благость. У тебя ишу я убѣжища, когда весь міръ меня отвергаетъ. Не измѣни моей надеждѣ и право-

²⁸ Жгущій вѣтеръ, дующій въ пустынѣ Сирійской.

судіємъ твоимъ отмсти за обиды, которыми гнететь меня тотъ, кого ты поставилъ покровителемъ невинности и карателемъ злодѣевъ. Онъ нанесъ мнѣ оскорблениe, тягчайшее самой смерти. Изъ судіи моего содѣлался онъ непримири-мымъ врагомъ моимъ: онъ у меня отнялъ мою Соаду, гналь меня, заключалъ въ темницу, вооружилъ на меня родныхъ моихъ, презрѣль и законъ Бога и праведный гнѣвъ твой.» — Моавія, видя, что Бедуинъ пыталъ огнемъ негодованія, тревожимъ былъ волненіемъ духа и измученъ усталостю, повелѣль ему сѣсть, успокоить свои чувства и потомъ разскать ему свою повѣсть. Бедуинъ, послѣ краткихъ минутъ отдыха, снова началъ говорить такъ: «Повелитель правовѣрныхъ! я сынъ степи и веду родъ мой отъ благороднѣйшей и чистѣйшей крови Арабовъ, которая никогда не смѣшивалась съ кровью чуждою, никогда не сливалась съ кровью жителей городовъ или сель. Изъ рода нашего произошли сто витязей, коихъ подвиги славятся по всѣмъ степямъ и сто поэтовъ, коихъ стихи твердятся во всѣхъ шатрахъ. Я былъ богатъ наслѣдіемъ отца моего: у меня было лучшее стадо верблюдовъ и двѣнадцать самыхъ породистыхъ коней Недждскихъ. Ни одинъ странникъ не проходилъ мимо моего шатра, не испытавъ моего гостепріимства; ни одинъ утѣсненный не изпрашивалъ вотще помощи копья моего. Я взяль себѣ въ жены Соаду, дочь Шеиха моего племени. Она была прекраснѣйшая и благороднѣйшая изъ дѣвъ Аравіи; глаза ея подобились свѣтлымъ звѣздамъ Ориона, а станъ ея гибкому стеблю бана. Мы любили другъ друга и жили счастливо; но одинъ черный годъ рушилъ наше блаженство. Я лишился поперемѣнно и стадъ моихъ, и всего моего имущества. Тогда всѣ меня покинули. Я сталъ несносенъ тѣмъ людямъ, которые прежде искали моей дружбы; я долженъ былъ сносить надменіе низкихъ душъ, которыхъ незадолго предъ тѣмъ испрашивали моихъ милостей. Къ горшему моему бѣдствію, тестъ мой успѣль, коварствомъ и вѣроломствомъ, похитить у меня жену мою, и не хотѣль уже возвратить ее мнѣ. Когда я пришелъ къ нему, онъ принялъ меня съ жестокими упреками, осыпалъ меня оскорблениями и запретилъ мнѣ ходить

къ нему. Племя наше кочевало тогда подъ стѣнами Бассоры. Я прибѣгнулъ къ зашитѣ Мервана, правителя той области. Онъ призвалъ моего тестя и спросилъ его, за что онъ такъ несправедливо со мною поступалъ? Но Шеихъ, съ безстыдствомъ, какому не было еще примѣра, отвѣчалъ, что не знаетъ меня и что я просто обманщикъ. Я требовалъ, что бы для поясненія дѣла, твой градонаачальникъ призвалъ Соаду и положился на ея показаніе. Мерванъ согласился на то и приказалъ Шеиху привести свою дочь. Но кто могъ это предвидѣть! поступокъ, въ которомъ я полагалъ вѣрный залогъ моего спасенія, сдѣлался источникомъ всѣхъ моихъ страданій и бѣдъ! Едва Мерванъ увидѣлъ Соаду, тотчасъ въ нее влюбился, запретилъ мнѣ входить въ судилище, терзалъ меня и наконецъ ввергнулъ въ тюрьму. Я сталъ несчастнѣе дѣтища лани; которое видѣвъ, какъ псы звѣроловцевы растерзали мать его въ долинѣ, трепетно бродить по кремнистымъ утесамъ Веджры. Мерванъ въ то время предложилъ моему тестю — избавить его отъ такого зятя, какъ я, если онъ согласится дать ему въ жены Соаду, за которую обѣщался заплатить десять тысячъ драхмъ. Корыстолюбивый старикъ охотно принялъ предложеніе градоправителя, и сей, потребовавъ меня къ себѣ, повелѣлъ мнѣ развестись съ моей женою. Я отказалъ ему. Тогда прислужники его схватили меня, безжалостно бросили въ мрачное, зловонное подземелье и ревностно каждый день выдумывали новыя для меня муки, чтобы вырвать изъ меня согласіе на разводъ съ женой. Видя, что я твердо рѣшился не преклоняться предъ его неправдою, Мерванъ вздумалъ играть законами. Подкупленные, бессовѣстные судьи приговорили развести меня съ женой, на которой тогда же Мерванъ женился. Меня все еще держалъ онъ въ заключеніи, откуда я ушелъ чуднымъ случаемъ. Рука Алла извела меня оттолѣ, не смотря на неусыпность моей стражи, и я прибѣгаю подъ кровъ твоего правосудія. Моавія! бойся Бога, вручившаго тебѣ счастіе и безопасность правовѣрныхъ! слезы притѣсненной невинности будутъ тягчайшимъ обвиненіемъ, какое Творецъ поставить въ день страшнаго суда, противъ тѣхъ, на кого возло-

жилъ Онъ заботу — править людьми въ здѣшней жизни.» — Бедуинъ, мало по малу одушевляясь въ своей рѣчи, въ концѣ я, по быстрому вдохновенію, сказалъ стихи:

Въ сердцѣ моемъ еще трепещетъ неправды стрѣла,
Очи мои источаютъ кровавыя слезы.
Моавія! ты никогда не сносилъ притѣсненій
И притѣсненныхъ бѣды не вовсе понятны тебѣ.

При сихъ словахъ, силы его оставили: онъ упалъ безъ чувствъ. Халифъ велѣлъ подать ему нужную помощь, а себѣ принести бумаги, и своею рукою написалъ къ Мервану письмо, въ которомъ дѣлалъ ему строгіе упреки, угрожая своимъ гнѣвомъ и повелѣвалъ ему тотъ же часъ развестись съ Соадою и немедленно прислать ее въ Дамаскъ.

Правитель повиновался своему Государю и отправилъ Соаду въ Дамаскъ съ тѣми же посланными, которые принесли ей повелѣніе Халифа. Тогда же написалъ онъ и письмо къ Халифу, извиняясь любовью своею къ сей Бедуинкѣ и упорствомъ ея мужа, не хотѣвшаго съ нею развестись; что все сіе подстрекнуло его къ такимъ насильственнымъ поступкамъ, которыхъ бы онъ никакъ не сдѣлалъ во всякомъ другомъ случаѣ; что онъ готовъ всѣми способами вознаградить сего человѣка за претерпѣнное имъ, и наконецъ, что онъ съ покорностію преклоняетъ повинную свою голову подъ мечъ правосудія Халифова, изпрашивая его милосердія и великодушія.

Когда Соада прибыла въ Дамаскъ, ее представили Халифу. Онъ удивился ея красотѣ, съ которой прелести всѣхъ женъ его гарема не могли сравниться. Возвышенная, какъ пальма береговъ Нила, въ поступи своей она стройно склонялась, подобно ратовищу копья степнаго наѣздника, сдѣланному изъ Багдадской трости. Тѣло ея имѣло прелестный цвѣтъ серебра, съ легкою примѣсью золота, а блестящіе искрами глаза ея выражали ту восхитительную пріятность любви и нѣжности, которая столь чудно свѣтится въ глазахъ молодой лани, когда она, своротивъ на сторону гибкую свою шею,

смотритъ съ любовью матери на двухъ маленькихъ оленятъ, прильнувшихъ къ сосцамъ ея. Легкая, какъ серна горы Тудыхъ, она была величава, какъ луна, протекающая звѣздный сводъ въ четырнадцатую ночь свою. Моавія вступилъ съ нею въ разговоръ и нашелъ, что она умнѣе и образованнѣе Зарки, которой славнѣйшіе витязи степей посвятили жизнь и богатства свои. Въ минуту Халифъ страстно въ нее влюбился, и вмѣсто того, что бы строго наказать Мервана, какъ онъ намѣревался, нашелъ въ собственномъ сердцѣ ему извиненіе. Онъ приказалъ помѣстить Соаду въ великолѣпныхъ чертогахъ, окружилъ ее толпою невольницъ и забавъ, велѣлъ твердить ей о любви своей, и доставлять ей всѣ почести и увеселенія, могущія воспламенить воображеніе женщины и заставить ее полюбить такую пріятную жизнь.

* *

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, Халифъ призвалъ къ себѣ Бедуина и сказалъ ему: «Другъ мой, не можешь ли ты утѣшиться безъ Соады? Я осыплю тебя богатствами и позволю тебѣ выбрать въ жены изъ моего гарема такую красавицу, которая тебѣ болѣе другихъ понравится, съ достаточнымъ числомъ прекраснѣйшихъ невольницъ для услуги.» — Бедуинъ слушалъ слова своего Государя съ какимъ-то оцѣпенѣніемъ; потомъ ручи слезъ смочили глаза его, онъ зарыдалъ, упалъ на землю и вдался въ жесточайшее отчаяніе. Халифъ дивился тому; и самъ почти смущился; онъ спросилъ у Бедуина о причинѣ такой горести и старался его утѣшить. «Могу ли не предаваться отчаянію?» вскричалъ Бедуинъ: «когда я страдалъ отъ притѣсненій твоего градоначальника, тогда жиль надеждою на твое правосудіе; но если ты столь же неправосуденъ, какъ и онъ, — къ кому я пойду съ жалобой? Ты въ заговорѣ съ моими врагами, что бъ отнять у меня жену, которую я люблю больше всего на свѣтѣ. Повелитель правовѣрныхъ! такое ли употребленіе долженъ ты дѣлать изъ власти, ввѣренной тебѣ Богомъ, и изъ законовъ, коихъ ты намъ поставленъ заложникомъ?» —

«Успокойся, Арабъ,» прервалъ Моавія съ важностю; «ты не можешь требовать, что бы жена, съ которой ты развелся, снова соединила свою судьбу съ твою, когда она не согласится на то сама и предпочтеть даруемую ей отъ Бога жизнь царскую и достойную ея, жалкой участи — погребсти себя заживо съ тобою въ пескахъ пустыни, сносить всякие недостатки и жить въ нищетѣ. Хочешь ли: я призову ее сюда, чтобы она сама сдѣлала выборъ между нами?» — Бедуинъ былъ сраженъ этимъ предложеніемъ Халифа; долго стояль онъ недвижимъ и безмолвенъ; наконецъ слезы снова брызнули изъ его глазъ и онъ сказалъ голосомъ умиленнымъ: «Повелитель правовѣрныхъ! сознаюсь, что не имѣю болѣе никакого права на Соаду, если только любовь ея не дастъ мнѣ на нее права. Если она предпочитаетъ богатство и пышность, коими окружена нынѣ, ежели она чтитъ себя счастливою въ этомъ состояніи; то пусть прийдетъ сюда и объявитъ намъ о томъ: я охотно покорюсь ея выбору, ибо лучшее доказательство любви, когда человѣкъ жертвуетъ своими чувствованіями счастію той, которую любить.» — Халифъ, довольный разсудительными рѣчами Бедуина, подалъ знакъ своему отроку, и въ одно мгновеніе Соада явилась предъ очи своего Государя и первого своего мужа, котораго съ трудомъ узнала: такъ горесть и страданія измѣнили его! Моавія объяснилъ ей, съ какою цѣлью призвалъ ее и требовалъ, чтобы она объявила, кого выбираетъ, его или Бедуина? Соада, въ смятеніи, отвѣчала трогающимъ душу голосомъ: «Повелитель правовѣрныхъ! ни одна женщина изъ нашего племени никогда не измѣняла своему долгу. При бѣдности, недостаткахъ и самомъ голодѣ, сей человѣкъ всегда будетъ мнѣ милѣе всякаго владыки земного, хотя бы тотъ былъ еще могущественнѣе, славнѣе родомъ и великодушнѣе тебя. Съ мужемъ, которому я клялась въ вѣчной вѣрности, полстъ бедуинскаго шатра, горсть пшена и немного верблюжьяго молока, если можно его достать, — будутъ для меня пріятнѣе вѣнца Халифова, обилія и роскоши двора его и почетей, которыя воздавалъ бы мнѣ народъ, распростертый у ногъ моихъ. Нѣкогда мы обязаны были другъ другу нашимъ

взаимнымъ благополучиемъ; и какъ я любила его тогда, когда онъ былъ сильнѣйшимъ и богатѣйшимъ витяземъ нашего племени, то справедливость требуетъ, чтобы я раздѣляла съ нимъ теперь его бѣдствія и своими о немъ попеченіями уладила горести, его тяготящія. Такъ! я хочу снова къ нему возвратиться; ибо женщина тогда только дѣлаетъ лучшее употребленіе своей воли и всѣхъ своихъ помысловъ, когда жертвуетъ собою совершенно счастію того, кому клялась она въ вѣрности!» Сказавъ сіи слова, она зарыдала, оплела руками шею своего мужа, и упала безъ чувствъ въ его объятія. Халифъ не могъ выдержать сего зрѣлища безъ сильныхъ душевныхъ ощущеній; онъ чувствовалъ, что глаза его наполнились слезами, велѣлъ подать помощь сей женщинѣ, чтобы привести ее въ чувство, и сказалъ: «Бедуинъ! я стыжусь, что хотѣлъ быть несправедливъ съ тобою; я не могу наказать Мервана, ибо чувствую себя столь же виновнымъ, какъ и онъ; но дарю тебѣ все, что готовилъ для Соады, которую тебѣ возвращаю; къ сему я присовокупляю еще десять тысячъ золотыхъ монетъ. Не обвиняй меня предъ судомъ Божіимъ, когда мы оба предстанемъ на оный. Будьте моими друзьями, ибо я чувствую теперь, что для Государя, самое лучшее употребленіе власти его есть то, что бы побѣдить собственныея свои страсти и великодушно ими пожертвовать благу своихъ подданныхъ.»

Съ Арабск. — Сенковскій.

Рассказ о Муавии и бедуине.²⁹

(Тысяча и одна ночь. Ночи 692–693.)

Рассказывают также, о счастливый царь, что повелитель правоверных Муавия сидел однажды в одной из своих зал в Дамаске, и окна в этом помещении были открыты со всех сторон, так что воздух входил в него отовсюду. И халиф сидел и смотрел в какую-то сторону, и случилось это в день жаркий, когда не веяло ни ветерка, и был полдень, и зной усилился. И вдруг Муавия увидел человека, который обжигался о горячую землю и подскакивал, так как шел босой, и всмотрелся в него халиф и спросил своих собеседников: — сотворил ли Аллах (велик он и славен!) кого-нибудь несчастнее, чем тот, кто должен двигаться в такое время и в подобный час, как этот человек? — Может быть, он направляется к повелителю правоверных, — сказал кто-то, и халиф воскликнул: — клянусь Аллахом, если он направляется ко мне, я одарю его, а если он обижен, я его поддержу! Эй, мальчик, встань у ворот, и если этот араб захочет войти ко мне, не мешай ему ко мне войти. — И слуга вышел, и когда араб подошел, он спросил его: — что ты хочешь? — и араб отвечал: — я хочу повелителя правоверных. — Входи! — сказал слуга, и бедуин вошел и приветствовал халифа... И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала ШЕСТЬСОТ ДЕВЯНОСТО ВТОРАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда евнух позволил арабу войти, тот вошел и приветствовал повелителя правоверных, и Муавия спросил его: — из каких ты, о человек? — Из Бену-Темим, — ответил бедуин, и халиф спросил: — а что

²⁹ Книга тысячи и одной ночи. Перевод и комментарии *M. A. Салье* под редакцией акад. *И. Ю. Крачковского*. Том 6. Ночи 591–719. Accademia, 1934. Стр. 435–444.

Книга тысячи и одной ночи в восьми томах. Перевод с арабского *M. A. Салье*. [Под ред. акад. *И. Ю. Крачковского*.] Том 6. Ночи 607–756. Государственное Издательство Художественной Литературы, 1959. Стр. 256–263. Публикуется по этому изданию.

привело тебя в подобное время? — Я пришел к тебе, чтобы пожаловаться, и ищу у тебя защиты, — отвечал бедуин. — От кого? — спросил Муавия.— От Мервана-ибн-аль-Хакама, твоего наместника, — ответил бедуин, а затем он произнес такие стихи:

Муавия, щедрый вождь и мудрый и благостный.
Велик ты душой, умен и праведен и всеблаг.

Пришел я к тебе, когда стеснились пути мои,
На помошь! Не пресекай надежды на правду ты.

Будь щедр в справедливости ты против обидчика —
Меня поразил он тем, что хуже, чем смерть моя.

Похитил Суаду он и стал мне соперником,
Насильник жестокий он, жены он меня лишил.

Хотел он меня убить, но только кончины срок
Еще не настал, и весь надел не исчерпан мой.

И когда Муавия услышал стихи, произнесенные этим человеком, изо рта которого выходил огонь, он сказал: —приют и уют, о брат арабов! Расскажи свою историю и поведай о своем деле.

— О повелитель правоверных, — сказал тогда бедуин, — была у меня жена, и я любил ее и увлекался ею, и прохлаждались мои глаза, и спокойна была моя душа. И было у меня несколько верблюдов, которыми я помогал себе, чтобы поддержать свое положение, и поразил нас недород, погубивший и ступню и копыто, и остался я ничего не имеющим. И когда уменьшилось то, что было у меня в руке, и пропало мое имущество и испортилось мое положение, я стал презренным и тяжким для того, кто желал раньше меня посетить, и отец Суады, узнав, как дурно мое положение и плох мой исход, взял ее от меня и отказался от меня и выгнал меня и обошелся со мною грубо. И я пришел к твоему наместнику Мервану-ибн-аль-Хакаму, надеясь на его поддержку, и когда он призвал отца Суады и спросил его о моих обстоятельствах, тот сказал: — я его совершенно не знаю. — И тогда я сказал: — да направит Аллах эмира! Если он решит призвать ту женщину и спросить ее о словах ее отца, станет видна истина, — и Мерван послал за Суадой и велел привести ее. И когда она встала меж его руками, она затронула в нем место восхищения,

и он сделался мне соперником и перестал мне верить и выказал на меня гнев и отоспал меня в тюрьму, и стал я таким, точно спустился с неба и ветер занес меня в место удаленное. А потом Мерван сказал ее отцу:—не хочешь ли ты женить меня на ней за тысячу динаров и десять тысяч дирхемов, и я ручаюсь, что освобожу ее от этого араба? — И отец Суады соблазнился такой меной и согласился на это, и эмир велел меня привести и посмотрел на меня, как разъяренный лев, и сказал: — о бедуин, разведись с Суадой! — Я не разведусь с ней, — ответил я, и эмир напустил на меня толпу своих слуг, и они стали меня пытать всякими пытками, и я не увидел бегства от развода с нею и развелся, и Эмир воротил меня в тюрьму. И я пробыл там, пока не окончился срок очищения, и тогда эмир женился на Суаде и выпустил меня, и вот я пришел к тебе с надеждой и ищу у тебя защиты и к тебе прибегаю. — И он произнес такие стихи:

Огонь горит в моем сердце,
И ярко он пламенеет,

И тело мое хворает.
Врача приводя в смущенье.

В душе моей яркий уголь,
От угля летают искры,

Глаза проливают слезы,
И слезы текут как ливень,

И только господь всесильный
Поможет мне, и эмир мой.

И он задрожал, и у него застучали зубы, и он упал, покрытый беспамятством, и стал извиваться, как убитая змея, и когда Муавия услышал его слова и произнесенные им стихи, он воскликнул: — преступил Ибн-аль-Хакам законы веры и обидел и посягнул на харим мусульман... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

когда же наступала ШЕСТЬСОТ ДЕВЯНОСТО ТРЕТЬЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда повелитель правоверных Муавия услышал слова бедуина, он

воскликнул: — преступил Ибн-аль-Хакам законы веры и обидел и посягнул на харим мусульман. — О бедуин, — сказал он потом, — ты пришел ко мне с рассказом, подобного которому я не слышал никогда! — И он потребовал чернильницу и бумагу и написал Мервану-ибн-аль-Хакаму: — до меня дошло, что ты преступил против подданных законы веры, а надлежит тому, кто управляет, отвращать взоры от страстей и удерживать душу от наслаждений. — И после этого он написал длинное рассуждение, которое я сократил, и между прочим там были такие стихи:

Поставлен на дело ты, которого не постиг,
Проси же у господа за блуд свой прощенья!

Пришел к нам тот юноша, несчастный, рыдающий,
И жаловался он нам на горе разлуки.

И богу я клятву дал, — ее не нарушу я,
А иначе отрекусь от правой я веры, —

Когда не исполнишь ты того, что пишу тебе.
То в мясо среди орлов тебя обращаю я.

С Суадой ты разведись и к нам снаряженною
С Кумейтом ее отправь и Наср-ибн-Зибаном.

И затем он свернул письмо и, запечатав его своей печатью, позвал аль-Кумейта и Насра-ибн-Зибана (а он посыпал их с важными делами из-за их верности), и они взяли письмо и ехали, пока не вступили в аль-Медину. И они вошли к Мервану-ибн-аль-Хакаму и приветствовали его и отдали ему письмо, осведомив его о положении дела, и Мерван начал читать и плакать, а потом он пошел к Суаде и рассказал ей обо всем, и он не мог перечить Муавии. И он развелся с Суадой в присутствии аль-Кумейта и Насра-ибн-Зибана и снарядил их, и вместе с ними Суаду, а затем Мерван написал Муавии письмо, в котором говорил:

Эмир правоверных, не спеши! Ведь, поистине,
Исполню я твой приказ охотно и кротко.

Запретного не совершил, когда мне хотелось, я,
Так как же обманщиком блудливым я назван?

И скоро придет к тебе лик солнца, которому

Нет равных среди людей и нет среди джиннов.

И он запечатал письмо и отдал его посланным, и те ехали, пока не прибыли к Муавии, и тогда они отдали ему письмо, и халиф прочитал его и сказал: — он отличился в повиновении и слишком распространялся в похвалах этой женщине. — И он велел привести Суаду и, увидав ее, увидел прекрасный образ, которому он не видывал подобного по красоте и прелести и стройности стана, а обратившись к ней, он нашел, что она красноречива языком и хорошо выражается. — Ко мне того бедуина! — сказал он тогда, и бедуина привели, и был он в устрашающем состоянии, так изменило его время. — О бедуин, — сказал ему Муавия, — будет ли тебе без нее утешением, если я дам тебе взамен ее трех невольниц — высокогрудых дев, подобных луне, и с каждой невольницей я дам тебе тысячу динаров и назначу тебе из казначейства столько в год, что тебе хватит и ты будешь богат? — И бедуин, услышав слова Муавии, издал вопль, и Муавия подумал, что он умер, а когда он очнулся, халиф спросил его: — каково твое состояние? — В наихудшем состоянии и в сквернейшем положении искал я защиты у твоей справедливости против несправедливости Ибн-аль-Хакама, но у кого же мне искать защиты от твоей несправедливости? — ответил бедуин. И он произнес такие стихи:

Не делай меня, о царь — Аллах тебя выкупи! —
Просящим убежища у жара от пламени.

Суаду верни тому, кто горестен и смущен
И утром и вечером рыдает и помнит.

Оковы с меня сними, отдай ее, не скучаясь.
И если ты сделаешь — того не забуду.

И потом он сказал: — клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, если бы ты отдал мне все, чем ты управляешь в халифате, я бы не взял этого без Суады! — И он произнес такой стих:

Не любит душа никого — лишь Суаду,
Любовь к ней мне воздухом стала и пищей.

И Муавия сказал ему: — ты признаешь, что развелся с нею, и Мерван признает, что он развелся с нею. Мы дадим ей выбрать —

если она изберет другого, мы выдадим ее за него, а если она изберет тебя, то передадим ее тебе. — Сделай так, — сказал бедуин, и Муавия спросил: — что ты скажешь, Суада — кто тебе милее: повелитель ли правоверных с его благородством, величием, дворцами, властью, богатством и всем, что ты у него увидела, или Мерван-ибн-аль-Хакам с его несправедливостью и жестокостью, или же этот бедуин с его голодом и бедностью? — И Суада произнесла такие стихи:

Вот этот, хотя бы был голодный, несчастным он,

Дороже, чем родичи, друзья и соседи,

Чем тот, кто в венце, и чем Мерван, его ставленник,

Чем все, кто и дирхемы собрал и динары.

И потом она сказала: — клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, я не такова, чтобы покинуть его из-за случайности времени и обмана дней. Ему принадлежит старая дружба, которой не забыть, и любовь, которая не износится, и мне всех достойнее терпеть с ним в беде, как я наслаждалась с ним в радости. — И удивился Муавия ее разуму, любви и верности и велел выдать ей десять тысяч дирхемов, и он отдал их бедуину, и тот взял свою жену и ушел.

Смерть Шанфарія.³⁰

(съ арабскаго.)

Вотъ повѣсть древнихъ временъ. Всадники пустынъ Неджда, выслушайте ужаснѣйшую повѣсть! Завѣты судьбы неизбѣжны: стрѣлы ея достигаютъ человѣка на высотахъ Тудыха и въ глубокихъ долинахъ Веджры.

Вы слыхали о Шанфарі, и кто изъ насть не слыхалъ о немъ въ благословенной Землѣ Арабской? Имя его поражало ужасомъ отважнѣйшихъ витязей пустынъ нашихъ. Его стихи повѣшены были на золотой цѣпи въ священномъ храмѣ Каабы. Сто поколѣній исчезло съ поверхности земли, но стихи Шанфарія повторяются храбрыми сынами степей и красавицами Хеджаза, шеи которыхъ прелестнѣе шей бѣлыхъ голубей, когда они поднимаютъ ихъ вверхъ, напившись чистой воды Сейлана; глаза которыхъ нѣжнѣе глазъ лани, смотрящей на дѣтищъ своихъ, прыгающихъ по ущеліямъ Эль-Аксы. Поющій стихи Шанфарія чувствуетъ на устахъ своихъ сладость благовоннаго іеменского меду, и горькая печаль, наполняющая его сердце, улетаетъ отъ него, какъ бѣлый персикъ пустыни, гонимый порывомъ сѣверо-восточного вѣтра.

Шанфарі любилъ прекрасную Дальфу, и Дальфа любила его. Онъ былъ знаменитѣйшій герой того времени; она красотою своею превосходила всѣхъ дѣвъ пустыни. Родители благословили любовь ихъ, и они жили счастливо. Но что значитъ счастье человѣка?... оно непостояннѣе сѣраго обла-ка, блуждающаго въ влажномъ воздухѣ, послѣ обильного

³⁰ Альбомъ Сѣверныхъ Музъ на 1828 годъ. Санктпетербургъ. 1828. Стр. 279–321. Подпись: I. Сенковскій.

Библіография, № 43. Примечание: «Переводом и примечаниями С. пользовался Мицкевич при переложении поэмы Шанфари в польские стихи. Его «Фарис» и «Альмотенабби» и «Крымские Сонеты» также обязаны своим верным восточным колоритом влиянию Сенковского».

Собраніе сочиненій Сенковскаго (Барона Брамбеуса). Томъ первый. Санктпетербургъ. 1858. Стр. 267–288. Дата: 1827. Раздел «Повѣсти и Поэмы, переведенные съ восточныхъ языковъ», VII.

весенняго дождя; оно ломче тонкой тростинки, растущей въ руслѣ потока, которая нѣсколько мѣсяцевъ предь тѣмъ питаилась быстрою водою, съ шумомъ ниспадающею съ неприступныхъ утесовъ Джебейля, и переносила свирѣпость бури и удары града; но потомъ исчезла внезапно въ ясный и тихій лѣтній день. Смотрите! уже лучи солнца выпили всю воду — и въ руслѣ потока остались только круглые камешки и крупный песокъ, осѣняемый сплетшимся тростникомъ; теперь шипящія змѣи ищутъ въ немъ убѣжища отъ зноя; всѣ почти тростники лежать изломанные вѣтромъ и легкими ногами газелей, бѣгающихъ каждое утро съ вертеповъ Джебейля къ отдаленной лужѣ, гдѣ остается еще нѣсколько мутной солоноватой воды. Одна только тростинка тонкая, сухая поднимается среди этого разрушенія: судьба ея еще не исполнилась. Но вотъ двѣ легкія мукки, оставившія неконченное гнѣздо свое въ ущеліи, летятъ, поднимаясь и опускаясь безпрестанно: слабыя ихъ крылья утомлены дальnimъ воздушнымъ путешествіемъ; онѣ ищутъ, гдѣ бы присесть, но не рѣшаются избрать камня, ибо камни раскалены солнцемъ и, быть можетъ, тамъ лежитъ пестрый змѣй, ихъ врагъ неумолимый; наконецъ видятъ сухую, уединенную тростинку, и стремятся къ ней, насищая обыкновенную свою пѣсню: усталость и любовь возбуждаются въ нихъ желаніе присесть; но едва присѣли, тростинка вдругъ переломилась на нѣсколько частей, и бѣдныя птички опять поднялись на воздухъ. Такъ разрушилось и счастіе Шанфарія!

Поколѣніе Аздѣ, къ которому принадлежалъ Шанфарій, славится храбростью и великодушiemъ своихъ воиновъ, красотою и добродѣтелью женъ. Но поколѣніе Саламанъ известно по однимъ только постыднымъ недостаткамъ: никогда странствующій путешественникъ не испыталъ ихъ гостепріимства, никогда слезы невинности не трогали каменной груди ихъ; они находятъ гнусное удовольствіе обижать обиженнаго, насмѣхаться надъ несчастнымъ и быть ненавидимыми отъ несчастныхъ: ихъ сердца — пусты какъ воздухъ, въ душѣ ихъ — измѣна, на лицахъ — безстыдство; руки ихъ запятнаны кровавымъ корыстолюбіемъ.

Это поколѣніе Саламанъ жило въ вѣчной враждѣ съ сы-
нами Азда. Шкуда Шанфарій находился между послѣдними,
Саламанцы не смѣли принизиться къ ихъ кочевьямъ на раз-
стояніи тысячи выстрѣловъ изъ лука. Великодушіе Шан-
фарія подало однако же удобный случай совершить злобный
ихъ умыслъ. Онъ отправился проводить путешественниковъ
къ другому кочевью, ибо копье его всегда готово было къ
защитѣ безсильнаго, а имущество къ удовлетворенію нуждъ
странника и сироты.

Зловредные дивы ^{*31} всегда имѣютъ связи съ злобными и
коварными людьми. Одинъ изъ нихъ немедленно сообщилъ
Саламанцамъ обѣ отсутствіи Шанфарія: взявъ на себя видъ
одного изъ Аздъ, онъ отправился въ ихъ кочевье, сталъ на
рубежъ его, и сильнымъ голосомъ промолвилъ:

— Потомки Саламана! вашъ непріятель ищетъ у васъ
убѣжища. Я обиженъ Шанфаремъ; кровь находится между
нимъ и мною: онъ пролилъ кровь моего брата. Окажите мнѣ
покровительство: мщеніе есть первый долгъ арабскаго воиня!

Голосъ хитраго дива раздался въ сердцахъ Саламанцевъ:
они всѣ вдругъ почувствовали свирѣпую радость, подобную
той, какую возбуждаетъ въ молодыхъ геннахъ дикій, прон-
зительный голосъ жестокой ихъ матери, когда растерзавъ
члены заблудившагося въ горахъ путника, она окровавлен-
ною пастью призываетъ голодныхъ дѣтей своихъ раздѣлить
съ нею ужасную пищу. Асиръ, сынъ Джаберовъ, злѣйшій
всѣхъ соотчичей своихъ, предводительствовалъ Саламанца-
ми. Онъ созвалъ къ себѣ для совѣщенія триста храбрыхъ
всадниковъ своего поколѣнія: но совѣты коварныхъ рѣша-
ются одною только подлостію и измѣною. Въ минуту заката

³¹ * *Дивъ*, слово персидское, означаетъ зловредныхъ духовъ пустыни, называемыхъ по-арабски *джиннъ*. У насъ, въ подобномъ случаѣ, употребляется слово «гений», заимствованное съ французского *génie*. Кажется, гораздо лучше было бы возстановить въ этомъ случаѣ, по-русски, первоначальное название *дивъ*, которое теперь вышло изъ употребленія, но отъ которого остались понынѣ многія производныя слова — «дивно», «дивный», «удивительный», и другія.

солнца всѣ они были уже на коняхъ и помчались въ направлениі къ кочевью Аздовъ.

Поколѣніе Аздъ расположено было въ долинѣ, орошаемой Сейланомъ и окруженнай горами. Тишина господствовала въ окрестностяхъ; въ станѣ совершенная безопасность. Саламанцы вторгаются туда ночью и производятъ ужасную сѣчу прежде, нежели погруженные въ сонъ Азды успѣли опомниться. Въ первомъ страхѣ всѣ они думали, что получше страшныхъ дивовъ напало на нихъ, чтобы отмстить за убийство ихъ товарища, котораго камень, брошенный случайно однимъ изъ Аздовъ, поразилъ въ голову, въ то самое время, когда зловредный духъ выдаивалъ ихъ верблюдовъ; ибо въ горахъ Сейланскихъ всегда живетъ множество дивовъ и волшебниковъ, выжидающихъ только случая, чтобы вредить смертнымъ: днемъ они появляются на равнинахъ Неджда въ видѣ хромыхъ гіеннъ и сѣрыхъ волковъ; ночью же пируютъ въ ущельяхъ Акабы. Смятеніе распространилось между Аздами: немногие думали о защитѣ, большая же часть воиновъ заботилась только о спасеніи себя и женщинъ. Каждый скорѣе уходилъ въ пустыню. Саламанцы, опустошивъ оставленные шатры, собрали обильную добычу и угнали съ собою множество скота. Пятьдесятъ дѣвъ прелестныхъ достались имъ въ плѣнъ: въ томъ числѣ была Дальфа, Дальфа роза іемамская, краса пустыни Хеджаза, столько же превосходившая всѣхъ женщинъ красотою, сколько солнце яснѣе блѣдной луны.

На другой день Азды, разсѣявшіеся ночью въ пустынѣ, начали собираться къ кочевью своему. Здѣсь они увидѣли шатры свои разрушенные, тѣла убитыхъ товарищѣй, лежащія на пескѣ, кровь, разлитую повсюду. Крикъ и стонъ мужей; вопль и отчаяніе женъ раздавались въ пещерахъ горъ Сейланскихъ и потрясали воздухъ!... Но горесть бесполезна, если ею нельзя вознаградить потери. Итакъ Азды, похоронивъ тѣла убитыхъ у подножія одного песчанаго холма, вложили на верблюдовъ остатокъ имущества, уцѣлѣвшаго отъ расхищенія, и въ тотъ же день отправились во внутренность Джоуфа.

Вскорѣ Шанфарій возвратился изъ своего путешествія: бѣлоногая его Шакра ржала весело подъ нимъ, приближаясь къ знакомымъ пастбищамъ; онъ самъ побуждалъ ее къ бѣгу, спѣша къ роднымъ, къ любезной Дальфѣ. Но гдѣ она? гдѣ шатеръ Шанфарія? На томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стояли шатры Аздовъ, онъ видѣть издали шакаловъ, безопасно блуждающихъ, и стада черныхъ *кантъ*, съ ужаснымъ крикомъ летающихъ въ воздухѣ, или подбирающихъ съ земли скучную пищу послѣ удалившихся жителей. Не вѣря глазамъ своимъ, онъ бѣжитъ, приближается — и находитъ одни лишь оставшіеся въ землѣ колья, къ которымъ привязаны были палатки, и окружавшіе ихъ, для ската воды, прокопы, которые вѣтеръ уже началъ заносить пескомъ. Признаки запекшейся крови, части изорваннаго платья и множество разбросанныхъ войлоковъ, покрывавшихъ шатры, удостовѣрили Шаніфарія, что въ его отсутствіи большое несчастіе постигло его поколѣніе. Неподвижно простоявъ нѣсколько часовъ въ этомъ, нѣкогда столь пріятномъ для него мѣстѣ, онъ сѣлъ опять на вѣрнаго коня своего, примѣтно раздѣлявшаго съ нимъ глубокую печаль его, и тихимъ шагомъ пустился въ степь безъ всякой цѣли.

Междудѣмъ разбой, совершенный Саламанцами, вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ между Бедуинами. Всадники, которыхъ Шанфарій встрѣтилъ въ пустынѣ, рассказали ему о всѣхъ обстоятельствахъ горестнаго происшествія: тутъ онъ поклялся жестоко отмстить коварнымъ Саламанцамъ. Отправясь въ Джоуфъ съ двумя храбрыми воинами, Омаромъ и Селикомъ, которые пристали къ нему во время его странствованія и обѣщали раздѣлять съ нимъ опасности, — онъ хотѣлъ сперва отыскать всѣхъ товарищѣй своихъ и съ ними вмѣстѣ сдѣлать нападеніе на враговъ; но уже не нашелъ своего поколѣнія. Азды, чувствуя себя слишкомъ слабыми, принуждены были раздѣлиться на нѣсколько партій; нѣкоторые изъ нихъ соединились съ другимъ поколѣніемъ, прочие удалились въ Тегаму. Тѣхъ, кого Шанфарій успѣлъ отыскать, всѣми мѣрами убѣждалъ онъ возвратиться съ нимъ въ Недждъ и кровью враговъ смыть нанесенную имъ

обиду; но никто не рѣшился участвовать въ этомъ благородномъ предпріятіи.

— Прощайте, малодушные! сказалъ имъ тогда герой, воспаленный гнѣвомъ. Друзья! поднимите съ земли вашихъ верблюдовъ; я пойду искать другихъ для себя товарищевъ. Вотъ небо, пылающее безчисленными звѣздами: мы найдемъ между ними вѣрныхъ для себя путеводителей въ безлюдныхъ и глухихъ степяхъ Аравіи. Для честныхъ есть въ мірѣ убѣжище отъ обиды, какъ для путника есть прохладный пріютъ отъ полуденного зноя. На землѣ не бываетъ тѣсно человѣку, одаренному умомъ и одушевленному благородными чувствами, стремится ли онъ къ достиженію предположенной цѣли, или избѣгаетъ преслѣдованія злобыхъ. Въ замѣну васъ, презительные потомки храбраго Азда, друзьями моими будуть быстроногій волкъ пустыни, пестрый леопардъ и гравистая хромая гіенна: они не страшатся опасностей, не знаютъ ни подлости, ни измѣны; они всегда готовы защищаться отъ враговъ и мстить за обиду, имъ нанесенную. Неблагодарные! всегда я первый бросался на вашихъ непріятелей и всегда послѣдній, при раздѣлѣ добычи, протягивалъ побѣдоносную руку для полученія своей доли, которую потомъ всегда жертвовалъ въ пользу бѣднѣйшихъ семействъ вашихъ. Вы теперь оставляете меня! и думаете ль, что помощь ваша для меня необходима? Неустрашимое сердце, кривой мечъ мой и желтый дребезжацій лукъ, вотъ мои вѣрные товарищи въ благородномъ подвигѣ! Вы знаете твердость моего духа и мою рѣшительность: ни голодъ, ни жажда, ни стужа, ни зной, никогда не были для меня препятствіемъ въ моихъ предпріятіяхъ. Ни одинъ изъ вашихъ бѣгуновъ не опережалъ моей бѣлоногой Шакры, никто изъ Бедуиновъ, сѣвъ на нее, не догонялъ меня бѣгущаго пѣшкомъ по кремнистой почвѣ Неджда. Боги мнѣ пособятъ: они покровительствуютъ храбрымъ, исполняющимъ долгъ мщенія. Клянусь Всевышнимъ Существомъ, со-здавшимъ степи и горы, и семью блуждающими звѣздами, и генiemъ хранителемъ стадъ нашихъ, и священнымъ храмомъ Каабы, и небесною водою колодезя Земземъ, что ни гребень

не коснется волосъ моихъ, ни капля вина не упадетъ на уста мои, доколѣ собственной рукою не убью ста развратныхъ сыновъ Саламановыхъ!

Произнесши эту клятву, Шанфарій, съ вѣрными друзьями своими, Омаромъ и Селикомъ, отправился въ Недждъ и прибылъ въ окрестности кочевья Саламанцевъ. Онъ избралъ для себя небольшой холмъ, не слишкомъ отдаленный отъ ихъ табора, и съ него сторожилъ своихъ враговъ, отлучающихся въ пустыню за разными надобностями. Каждый разъ, когда усматривалъ въ степи одного или нѣсколькихъ Саламанцевъ, онъ устремлялся на нихъ съ своей возвышенности, какъ стрѣла, пущенная съ тугаго іеменского лука, какъ громъ, ниспадающій съ неба въ вершину криваго дерева, растущаго косвенно на скатѣ песчанаго бугра. Вы видали, друзья мои, какъ въ ясное весеннее утро, когда ровная степь Саламанская, усыпанная бѣлымъ пескомъ и острыми кремнями, отражая лучи солнца, блеститъ какъ бохгатый шлемъ аджемскаго ^{*32} воина, — внезапно восточный вѣтеръ наносить черную тучу: бурныя облака накопляются подъ сводомъ огромнаго голубаго шатра, которымъ осѣнилъ Аллахъ отчину смертныхъ; тихій трескъ грома катится въ отдаленности, весь воздухъ наполненъ густыми клубами песку; свѣтъ гаснетъ; только молния, сверкающая безпрестанно, ослыпляетъ глаза уединенного всадника, поспѣшно возвращающагося въ свое кочевье; потерявшиесь среди пыльныхъ завертней, онъ не знаетъ, въ какомъ направлениі продолжать путь свой; слѣзаетъ съ коня и привязываетъ его къ своему копью, водруженному имъ въ землю. Уже дождь начинаетъ падать рѣдкими, но крупными каплями. Бѣлая лань, уходящая отъ волковъ, растерзавшихъ въ горахъ двухъ ея дѣтищъ, едва успѣла скрыться подъ захирѣлое дерево, осѣняющее скатъ холма, гдѣ дрожащія ея ноги скользятъ въ пескѣ, какъ вдругъ ударъ грома раздробилъ оное; высокій столбъ пыли поднялся отъ холма, несчастная мать быстро отпрянула оттолѣ, пораженная ужасомъ, и помчалась въ пу-

³² * Персидскаго.

стынью; но вскорѣ силы ея ослабѣли: она упала и испустила духъ. Такъ точно Шанфарій внезапно нападалъ на своихъ враговъ: когда они совершенно того не ожидали, онъ всегда являлся предъ ними съ смертоноснымъ оружiemъ своимъ. Рука его была такъ мѣтка, что, догнавъ кого-либо изъ Саламанцевъ, онъ всякий разъ напередъ кричалъ, предостерегая, что нанесетъ ему ударъ въ глазъ, въ сердце, въ желудокъ. Такимъ образомъ Шанфарій, въ теченіе трехъ лѣтъ, повсюду слѣдуя за шатрами разрушителей счастія своего, истребилъ изъ нихъ девяносто-девять человѣкъ. Напрасно они переходили въ разныя страны Неджда и занимали неприступныя мѣста, напрасно истощали всю хитрость свою, чтобы поймать его, или убить, преодолѣвъ его числомъ людей: онъ былъ повсюду и они нигдѣ не могли окружить его, ни догнать.

Клятва Шанфарія была уже почти исполнена; но душа его не могла позабыть Дальфы. Съ холмовъ, всегда бывшихъ его убѣжищемъ, вблизи табора Саламанцевъ, онъ часто примѣчалъ ее въ толпѣ женщинъ этого поколѣнія, ходившихъ всякое утро съ большими глиняными сосудами на головѣ черпать воду изъ ключа, лежащаго на краю стана, или изъ ручья, при которомъ онъ былъ расположенъ. Сердце любовника легко узнавало возлюбленную, хотя она, наравнѣ съ прочими женщинами, всегда была покрыта длиннымъ темнымъ никабомъ, падавшимъ съ головы до ногъ. Ростъ, походка отличали ее въ глазахъ Шанфарія отъ всѣхъ ея подругъ: она была прямая, какъ пальма; при движеніи, она нѣжно колебалась подобно вѣтви гибкаго бана, или копью арабскаго воина, сдѣланному изъ длинной тегамской трости. Пылая желаніемъ освободить ее изъ рукъ похитителей, и чтобы удобнѣе обмануть ихъ бдительность, Шанфарій рѣшился удалиться на нѣкоторое время отъ ихъ кочевья.

Омар, вѣрнаго товарища Шанфаріева, уже не было: онъ погибъ, въ теченіе этого времени, отъ стрѣлы одного Саламанца. У Шанфарія остался одинъ только спутникъ, Селикъ, сынъ Аземовъ, къ которому питалъ онъ нѣжнѣйшія чувства дружбы, и которымъ былъ любимъ пламенно. Уже болѣе

года одинъ лишь храбрый Селикъ раздѣлялъ всѣ труды его и страданія; онъ стоялъ на стражѣ во время сна друга своего, онъ утѣшалъ его въ печали, и какъ левъ бросался на враговъ, коль скоро видѣлъ его въ опасности. Съ нимъ Шанфарій отправился въ Хеджазъ. Тамъ, во всѣхъ поколѣніяхъ, онъ былъ принятъ съ восторгомъ. Всѣ *нашиды* воспѣвали славные его подвиги; воины повторяли съ восхищеніемъ превосходныя его стихотворенія. Спустя шесть мѣсяцевъ, онъ неожиданно опять явился въ пустыняхъ Неджда. Для совершенія своей клятвы, онъ хотѣлъ непремѣнно убить злобнаго Асира; но желалъ напередъ возвратить свободу Дальфѣ. Прибывъ въ ту страну, здѣсь кочевали Саламанцы, онъ оставилъ Селика въ пустынѣ, а самъ, чтобы съ точностью освѣдомиться о мѣстѣ ихъ пребыванія, заѣхалъ къ поколѣнію Бени-Зобейдѣ. Потомъ, соединившись съ своимъ товарищемъ, сказалъ ему:

— Селикъ! лицо твое незнакомо нашимъ врагамъ; они мало видали тебя вблизи. Пойзжай, другъ, по направленію юго-восточнаго вѣтра: тамъ кочуютъ сыны Саламановы. Ты прійдешь въ ихъ тaborъ и будешь стараться, сдѣлавшись ихъ гостемъ, узнать обстоятельно положеніе ихъ юрты, и шатерь, подъ которымъ живетъ Дальфа. Я буду ожидать тебя здѣсь.

— Клянусь глазомъ своимъ, отвѣчалъ Селикъ, что исполню твое желаніе: ты можешь положиться на мою дружбу.

Сказавъ это, Селикъ взлетѣлъ на коня и помчался по направленію юго-восточнаго вѣтра.

Цѣлые сутки Шанфарій ожидалъ возврата Селикова. Наконецъ, на краю горизонта, онъ видитъ черный движущійся пунктъ, и вскорѣ узнаетъ въ немъ всадника, летящаго къ нему, какъ западный вѣтеръ, сметающій песокъ въ пустыни. Черезъ нѣсколько минутъ Селикъ уже былъ при Шанфаріи.

— Ну, что? торопливо спросилъ его витязь: какое извѣстіе?

— Все благополучно, отвѣчалъ Селикъ. Я преломилъ съ Саламанцами хлѣбъ гостепріимства, и былъ принятъ ими

какъ нельзя лучше. Но въ прошедшую ночь пріѣхалъ къ нимъ какой-то незнакомый мнѣ всадникъ, давній гость ихъ шейха, Асира, сына Джаберова. Асиրъ немедленно созвалъ къ себѣ знаменитѣйшихъ воиновъ своего поколѣнія. Въ присутствіи этого незнакомца они долгое время производили свои совѣщанія. Между-тѣмъ я успѣль войти въ сношенія съ одною старухою изъ вашего поколѣнія, живущею у нихъ въ плѣну. Эта женщина называетъ себя родственницею твою: она доставила мнѣ всѣ нужныя свѣдѣнія о Дальфѣ, и отъ моего имени увѣдомила ее о намѣреніи твоемъ освободить ее изъ рукъ похитителей. Сегодня, по-утру, пришелъ ко мнѣ Асири и сказалъ о желаніи своемъ, чтобы я, какъ гость его, участвовалъ наравнѣ съ ними, въ важномъ предпріятіи, о которомъ вчера они совѣщались между собою. Я согласился на его предложеніе. Тогда онъ увѣдомилъ меня, что незнакомый всадникъ, о которомъ я говорилъ тебѣ, привезѣ имъ извѣстіе, что какой-то богатый персидскій *мерзебанъ*^{*33} изъ числа Хосроевыхъ царедворцевъ, Ѳдетъ изъ Аджема^{*34} въ Іеменъ. — «Онъ будетъ проѣзжать недалеко отъ нашего стана,» сказалъ мнѣ потомъ Асири тихимъ голосомъ, «и мы рѣшились ограбить этого нечистаго огнепоклонника. Сего дня къ вечеру, мы всѣ отправляемся караулить его на пути.»

— И ты согласился участвовать въ разбоѣ? спросилъ съ удивленіемъ Шанфарій.

— Я буду только свидѣтелемъ ихъ безчинства: отвратить его я не въ состояніи. Съ другой стороны, я не хотѣль возбуждать въ Асири ни малѣйшаго на свой счетъ подозрѣнія, тѣмъ болѣе, что отлучка Саламанцевъ изъ тaborа, показалась мнѣ удобнѣйшимъ случаемъ къ достижению нашей цѣли. Я сказалъ ему, что охотно поѣду съ ними для этого набѣга, съ тѣмъ однакожъ, чтобы онъ далъ на этотъ разъ коня своего, на смѣну моего, совершенно изнуренаго даль-

³³ * «Мерзебанами» Аравитяне называли губернаторовъ персидскихъ провинцій, и это слово означало у нихъ то же, что «сатрапъ» у Грековъ. Оно также употреблялось въ значеніи «вельможи» и «богатаго человѣка».

³⁴ * *Аджемъ* — Персія.

нимъ путешествіемъ, и сверхъ того позволилъ бы мнѣ отлучиться прежде, на нѣсколько часовъ, въ пустыню, чтобы взять другое копье и стрѣлы, зарытыя мною въ песку, въ извѣстномъ мнѣ мѣстѣ.

— Я не понимаю этихъ условій, сказалъ Шанфарій: какую все это имѣть связь съ цѣлью твоего путешествія къ Саламанцамъ?

— Величайшую, отвѣчалъ Селикъ. Асиръ согласился на мои требованія безъ всякаго противорѣчія, и я, подъ предлогомъ взятія стрѣлъ и лука, поспѣшилъ къ тебѣ съ извѣстіемъ о томъ, что въ нынѣшнюю ночь всѣ его воины оставлять таборъ, и ты весьма удобно можешь увезти Дальфу. Она отвѣчала мнѣ чрезъ старуху, что готова тотчасъ уйти, если только я дамъ ей къ тому средства. Это рѣшило меня воспользоваться предложеніемъ Асира, чтобы достать у него другаго коня, необходимо нужнаго въ этомъ случаѣ. Я велѣлъ сказать Дальфѣ, что, когда всѣ воины уѣдутъ изъ стана, она, одѣвшись въ мужской эгрѣмъ, должна идти къ палаткѣ, отведенной для меня по приказанію Асира: тамъ найдетъ надежную лошадь, привязанную къ копью, и на ней должна немедленно отправиться къ тремъ пальмамъ, растущимъ въ небольшомъ разстояніи отъ тaborа, гдѣ ты уже будешь ожидать ее. Въ началѣ ночи, прибавилъ Селикъ, я возвращусь туда и оставлю для нея коня своего у входа моей палатки.

— Какой же отвѣтъ получилъ ты отъ Дальфы? Обѣщалась ли она исполнить твое распоряженіе? спросилъ обрадованный витязь, сжимая руку своего друга.

— Она все исполнить, продолжалъ Селикъ. Но дай мнѣ твое меньшое копье и нѣсколько стрѣлъ Сомгаровыхъ^{*35}, чтобы имѣть съ чѣмъ возвратиться къ Саламанцамъ. Ты же ступай, не спѣша, чтобы въ исходѣ первой половины ночи быть у трехъ пальмъ; ты ихъ легко найдешь: онѣ находятся на прямомъ пути отсюда въ тaborъ.

³⁵ * Стрѣлы эти такъ назывались отъ имени Сомгара, ихъ фабриканта; онѣ весьма славились у древнихъ Бедуиновъ.

— Другъ мой! сказалъ Шанфарій, смотря съ умиленіемъ на Селика. Ты возрождаешь новую жизнь въ моемъ сердцѣ! но я не смѣю вѣрить своему счастью. Я опасаюсь, нѣтъ ли тутъ какой-либо измѣны? Ты не знаешь злобнаго Асира: онъ никогда не говоритъ правды; хитрая и беспокойная душа его безпрестанно вѣстся въ его груди, какъ черный змѣй между частыми кустами вереску. Совѣтую тебѣ поступать съ нимъ сколько можно осторожнѣе.

— Мнѣ кажется, отвѣчалъ Селикъ, что въ этомъ случаѣ мнѣ нечего опасаться. Они меня не знаютъ, и я всегда могу найти средство ускользнуть отъ нихъ и соединиться съ тобою. Но гдѣ я найду тебя?

— Я буду ожидать тебя въ Айнъ-Заркѣ, сказалъ Шанфарій, и предался глубокой думѣ, какъ бы смущенный какимъ-то печальнымъ воспоминаніемъ.

— Ты страждешь, Шанфарій? спросилъ Селикъ, взявъ его дружески за руку.

— Меня мучить ужасное предчувствіе, отвѣчалъ витязь. Когда мы были въ Хеджазѣ, старая колдунья Ханса ворожила мнѣ на песку девятью круглыми камешками, и предсказала....

— Что же она предсказала?

— Большое несчастіе. Она поворожила мнѣ, что я вдругъ потеряю друга и любовницу, и что я самъ буду причиною ихъ гибели, равно-какъ и своей собственной. Ты оставляешь меня, Селикъ: я боюсь, чтобы предсказаніе Хансы не сбылось слишкомъ скоро.

— И ты вѣришь пустословію старой обманщицы! Пословица говоритъ: «колдунъ лжетъ, глупый платить».

— Другъ мой! отвѣчалъ Шанфарій: всѣ говорятъ, что Ханса понимаетъ языкъ птицъ и имѣеть сношеніе съ дивами. Она легко можетъ знать предопредѣленіе. Пословица говоритъ: «ворожея отгадываетъ судьбу другихъ, хотя не знаетъ, что сдѣлается завтра съ нею самою».

— Шанфарій! ты напрасно предаешься печальнымъ думамъ въ то время, когда боги явно благопріятствуютъ твоимъ намѣреніямъ и даже предупреждаютъ твои желанія. Ты

знаешь пословицу: «если радость и печаль случатся вмѣстѣ, то радуйся сегодня, а печаль откладывай на завтра». Но, прощай любезный другъ! мнѣ пора возвратиться къ Асиру; ты поѣзжай къ тремъ пальмамъ. — Сказавъ это, Селикъ взялъ десять стрѣлъ и меньшое копье у Шанфарія, и оставилъ его.

Въ сумерки Селикъ явился къ Саламанцамъ и нашелъ всѣхъ воиновъ уже готовыхъ къ походу.

— Мы думали, сказалъ ему Асиръ, что ты уже не возвращишься. Вотъ для тебя лошадь: садись; пора отправиться.

— Я не могъ скоро отыскать Сомгаровыхъ стрѣлъ своихъ, отвѣчалъ Селикъ.

— У тебя есть Сомгаровы стрѣлы? съ удивленiemъ спросилъ шейхъ Саламанцевъ.

— Да, есть десять, самыхъ лучшихъ, изъ которыхъ пять подарю тебѣ, почтенный мой хозяинъ! Да принесутъ онъ тебѣ благополучіе!

Говоря это, Селпкъ подалъ десять стрѣлъ корыстолюбивому Асиру, который восхищенъ былъ этимъ подаркомъ. Потомъ воткнувъ въ землю, у своей палатки, копье, имъ привезенное, и привязавъ къ нему своего коня, вооружился, сѣль на коня Асирова, и отправился вмѣстѣ съ Саламанцами. Ихъ было всего двѣсти человѣкъ. Выѣхавъ изъ стана, они раздѣлились на пять отрядовъ, и пустились въ разныя стороны, чтобы занять назначенные мѣста.

Въ свою очередь, Шанфарій отправился къ тремъ пальмамъ. Приближаясь къ нимъ, онъ вскорѣ увидѣлъ всадника, Ѣдущаго тихимъ шагомъ, и узналъ подъ нимъ буланаго коня Селикова.

— Это она! вскричалъ Шанфарій: Дальфа! любезная моя Дальфа! и поскакалъ къ ней.

Голосъ любезнаго пронзилъ сердце Дальфи: дрожащею рукою она повернула къ нему коня своего, и нѣсколько наклонилась; Шанфарій протянулъ къ ней свою руку и, нѣжно обнимая милую, спросилъ:

— Ты меня не позабыла еще!

Но Дальфа быстро произнесла: «мой двоюродный

брать! *³⁶ намъ должно скорѣе уйти отсюда: жизнь твоя въ опасности! Куда намѣренъ ты отправиться?»

— Мы поѣдемъ въ Айнъ-Зарку.

— Въ Айнъ-Зарку! вскричала Дальфа: тамъ кочуютъ Бени-Зобейды; они наблюдаютъ за тобою и сообщаютъ Саламанцамъ о всѣхъ твоихъ движеніяхъ.

— Этого быть не можетъ: третьяго дня я былъ у нихъ въ гостяхъ; они приняли меня весьма радушно и преломили со мною хлѣбъ.

— Они въ прошлую ночь присылали сюда человѣка, продолжала Дальфа, съ извѣстіемъ, что ты былъ у нихъ, и разспрашивалъ о мѣстѣ пребыванія Саламанцевъ. Теперь я узнала отъ женщинъ Асира, что онъ, съ воинами своими, отправился стеречь «чернаго льва», опять здѣсь появившагося: такъ всѣ тебя называютъ здѣсь. Прибытие твоего пріятеля, котораго впрочемъ Саламанцы не узнали, затрудняло ихъ чрезвычайно: они боялись оставить его въ юртѣ, чтобы въ ихъ отсутствіе, не уѣхалъ онъ и, отыскавъ тебя, не помѣшалъ ихъ видамъ. Итакъ, не смотря на то, что онъ сдѣлался ихъ гостемъ, они хотѣли убить его; но одинъ добрый старикъ возсталъ противъ этого гнуснаго намѣренія и присовѣтовалъ взять его съ собою, утаивъ отъ него настоящую цѣль ихъ набѣга. Всѣ Саламанцы крайне негодовали на Асира, что онъ позволилъ этому неизвѣстному имъ гостю отлучиться въ пустыню за стрѣлами, и съ нетерпѣніемъ ожидали его возврата.

— Итакъ, они вѣроятно стерегутъ меня въ направленіи кочевья Бени-Зобейдовъ, скаваль Шанфарій, съ нѣкоторымъ беспокойствомъ. Недавно я точно слышалъ въ этой сторонѣ шумъ Ѣдушихъ всадниковъ. Намъ должно отправиться въ другую сторону. Бѣдный Селикъ!... я не увижу тебя болѣе!...

Немедленно Шанфарій и Дальфа пустились оттуда по направленію съверовосточнаго вѣтра. Три часа они Ѣхали

³⁶ * Обыкновенное выраженіе Бедуиновъ, у которыхъ друзья и любовники всегда называютъ другъ друга «двоюродными братьями», хотя бы вовсе не были родственниками между собою.

скорымъ шагомъ, и прибыли къ берегу потока. Нѣсколько разъ Шанфарій пытался черезъ него переправиться, но глубина потока, темнота ночи, страхъ Дальфы, всегда ему препятствовали. Находясь въ странѣ совершенно незнакомой, ему оставалось только слѣдовать берегомъ рѣки, пока не наступить день. Такимъ образомъ прибывъ къ ущелю одной горы, Шанфарій остановился и сошелъ съ коня.

— Сестра моя! сказалъ онъ Дальфѣ, будемъ здѣсь ожидать разсвѣта. Я не знаю, куда намъѣхать и гдѣ мы находимся; но думаю, что мы уже внѣ опасности.

Утомленная Дальфа попросила воды. Лишь только Шанфарій сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ потоку, какъ раздался со всѣхъ сторонъ крикъ:

— Это онъ! Это черный левъ!

Герой, изумленный этимъ неожиданнымъ крикомъ, спѣшить къ копью своему и бѣлоногому коню, не сомнѣвясь, что попалъ на засаду; но вдругъ видить себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ. — Саламанцы, желая взять Шанфарія живаго, направляютъ на него копья свои и требуютъ, чтобы онъ сдался. Но Шанфарій, схвативъ свой мечъ, мужественно защищается противъ сорока враговъ и многимъ изъ нихъ наносить раны.

— Подлые разбойники! отвѣчаетъ имъ неустрашимый витязь, голосомъ отчаянія и изступленія. Вы знаете, что между вами и мною нѣть другаго условія, кроме красной смерти.

На этотъ голосъ одинъ изъ всадниковъ, остававшійся до толѣ назади, пробивается сквозь толпу и стремится прямо къ Шанфарію; но онъ, двинувшись впередъ, встрѣчаетъ его сильнымъ ударомъ меча въ голову.

— Я поклялся, воскликнулъ тогда Шанфарій, истребить сто сыновъ саламанскихъ! Теперь моя клятва исполнена.

Несчастный! онъ не зналъ, что ему не суждено было исполнить сію клятву при жизни! Всадникъ, убитый его рукою, былъ вѣрный другъ его Селикъ, который, узнавъ свою ошибку и гнусный обманъ Саламанцевъ, спѣшилъ къ другу своему, рѣшась защитить его, или умереть съ нимъ вмѣстѣ.

Но въ то самое время, когда Шанфарій произносилъ слова клятвы своей, злобный Асиръ пронзилъ его копьемъ въ плечи. Определенія судьбы неизбѣжны! Когда наступить роковое время, напрасно человѣкъ ухищряется избѣжать гибели: если онъ уклонится отъ смерти въ одномъ мѣстѣ, встрѣтить ее непремѣнно въ другомъ.

Дальфа также погибла въ минуту кончины Шанфарія: нѣкоторые повѣствуютъ, что одинъ изъ Саламанцевъ, принявъ ее за мужчину, нанесъ ей смертельный ударъ копьемъ въ грудь; иные же говорятъ, что она бросилась въ воду потока и въ немъ утонула. Такъ сбылось предсказаніе Хансы.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Шанфарія, коварный Асиръ проѣзжалъ чрезъ то мѣсто, где убитъ этотъ славный воинъ и поэтъ. Тѣло его уже содѣгалось пищею хищныхъ звѣрей, только бѣлыя кости лежали, разбросанныя по песку. Асиръ, увидѣвъ черепъ Шанфарія, съ пренебрѣніемъ толкнулъ его ногою: но въ тоже мгновеніе осколокъ черепа вонзился ему въ ногу, — и Асиръ чрезъ нѣсколько дней испустилъ духъ, въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ. Такъ совершилась и клятва великаго Шанфарія.

Воръ.³⁷

Арабская повесть.

Я пріѣхалъ однажды въ Бассору, говорить извѣстный арабскій писатель **Абу-Саидъ-Асмаи**, и явился прямо къ губернатору сего города, Халеду, сыну Абдаллахову. Я нашелъ его въ приемной залѣ, окруженнѣй низкими софами; полъ ея покрытъ былъ драгоцѣнными коврами персидскими, стѣны испещрены золотыми надписями изъ Алкорана и поэмъ, сочиненныхъ въ похвалу Халеда. Средь залы находился фонтанъ, коего вода съ шумомъ ниспадала въ мраморный водоемъ, поддерживаемый четырьмя бронзовыми львами, и прохлаждала зноный воздухъ. Вокругъ водоема стояли имѣнитые граждане въ разноцвѣтныхъ шелковыхъ кафтанахъ, съ богатыми чалмами на головѣ, и сухощавые, смуглые *шайхи* или начальники бедуинскихъ поколѣній, кочевавшихъ тогда въ окрестностяхъ Бассоры: сіи послѣдніе закутаны были въ просторныя епанчи съ широкими бѣлыми и черными полосами, а на головахъ имѣли бѣлые полотняныя *фезки*, обвязанныя трижды снуркомъ изъ пальмового волоса. За ними толпою стояли, въ красныхъ и синихъ ферезяхъ, военные чиновники, клевреты и слуги Халеда, сложивъ руки на брюхѣ и вывернувъ ноги такъ, что острые носки башмаковъ ихъ вдались нѣсколько въ средину. Самъ Халедъ сидѣлъ, или лучше сказать, лежалъ въ одномъ углу софы. Два маленькие Араба стояли возлѣ него на софѣ и отгоняли мухъ огромными позолоченными опахалами; а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стоялъ *джеллядъ* (палачъ), съ огромнымъ кривымъ мечемъ подъ мышкой: онъ безотлучно находился при губерна-

³⁷ Съверные цвѣты на 1830 годъ. Санктпетербургъ. Въ типографії Департ. Народ. Просвещ. 1829. Стр. 242—276. Подпись: Сенковскій. Примѣчанія въ конце повести.

Библіографія, № 45.

Собраніе сочиненій Сенковскаго (Барона Брамбеуса). Томъ первый. Санктпетербургъ. 1858. Стр. 289—307. Восточная повесть. Дата: 1829. Раздел «Повѣсти и Поэмы, переведенные съ восточныхъ языковъ», VIII.

торъ и не спускалъ съ него глазъ, чтобы по первому мановенію исполнять его приказанія. Въ семъ-то изнѣженномъ положеніи, Халедъ правиль дѣлами обширной области, рѣшалъ важнѣйшія тяжбы, и хладнокровно отдавалъ приказы — бить виновныхъ по пятамъ въ его присутствіи, или отсѣкать имъ головы противъ оконъ его замка.

— «Селямъ алейкумъ (миръ съ тобою)!» воскликнулъ Халедъ, увидѣвъ меня и не трогаясь съ мѣста.

— «Да сохранитъ Богъ правителя!» отвѣчалъ я, положа руку сперва на грудь, а потомъ коснувшись чела и слегка поклоняясь Халеду (*³⁸).

— «Мы давно желали бесѣдоватъ съ тобою!» сказалъ онъ.

— «Да умножитъ Богъ твоє благо!» промолвилъ я, и къ сему обыкновенному отвѣту, присовокупилъ нѣсколько восклицаній, употребительныхъ въ подобномъ случаѣ. Халедъ указалъ рукою на софу, и я сѣлъ на ней, въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, поджавъ подъ себя ноги.

— «Ну, Абу-Сайдъ! ты всегда при Халифѣ, сочиняешь стихи да врешь, благословенный (*³⁹)! Мнѣ сказывали, что въ одной касидѣ, посвященной повелителю правовѣрныхъ (да сохранитъ его Аллахъ!), ты пощучивалъ и на мой счетъ. Я не люблю сердиться на вашу братью, и потому прощаю тебѣ отъ чистаго сердца, не для того, что ты любимецъ пророка (да благословить и ласково привѣтствовать его Аллахъ!); но я увѣренъ, что ты будешь говорить обо мнѣ совершенно другое, когда узнаешь меня покороче.

— «Правитель (да исполнить Аллахъ всѣ твои желанія)!» воскликнулъ я: «меня оклеветали передъ тобою....

— «Полно, полно, братъ (проклялъ тебя отецъ твой (*⁴⁰)! Ужъ я знаю васъ, стихотворцы!» сказалъ Халедъ, улыбаясь.

³⁸ 1) Слова, напечатанныя курсивомъ и восклицанія, поставленныя въ скобкахъ, суть подлинныя и обще-принятые выраженія арабскія, сохранившиеся здѣсь переводчикомъ для того, чтобы познакомить читателя съ настоящимъ тономъ арабскаго разговора.

³⁹ 2) Привѣтствіе, или ласковое слово Арабовъ.

⁴⁰ 3) Шуточное выраженіе Аравитянъ.

«Ваше дѣло — выкинуть острое словцо; а тамъ, правда ли, ложь ли — вамъ до того какая нужда? Но кстати: ты здѣсь, благословенный. Ты въ стихахъ своихъ говоришь, что я странно рѣшаю дѣла. Вотъ, рѣши за меня одно дѣло, въ которомъ, признаюсь, я долженъ положить мое упованіе на Бога (*⁴¹). Увидимъ твою премудрость. На сей разъ, я даю тебѣ власть мою: суди! Подойдите сюда, сыны тяжбы! Ты, отецъ съдой бороды, расскажи этому господину твою повѣсть.»

Изъ толпы, стоявшей вокругъ водоема, выступило нѣсколько Аравитянъ, между коими привлекъ мое вниманіе одинъ молодой человѣкъ, отличавшійся дивною пріятностію лица и богатою одеждой: на головѣ у него была пышная чалма изъ зеленої іеменской матеріи; въ складкахъ же оной замѣтилъ я остатки розы, заткнутой туда вѣроятно наканунѣ.

— «Повѣсть наша коротка,» сказалъ Аравитянинъ съ сѣдою бородою. «Сыновья мои, коихъ ты видишь передъ союбою, поймали вчерашнею ночью, въ нашемъ саду, вотъ этого брата зеленої чалмы, тогда какъ онъ краль съ деревъ апельсины. При немъ нашли мы нѣсколько платковъ и рубахъ, которая онъ также припряталъ, изъ бѣлья, просыхавшаго въ саду. Теперь мы привели его къ правителю (да упрочить Аллахъ его правосудіе!), дабы онъ исполнилъ надъ нимъ то, что повелѣваетъ законъ исламскій.

— «Да возвеличитъ Аллахъ праведныхъ и да накажетъ клеветниковъ по мѣрѣ клеветы ихъ!» сказалъ я старику; потомъ, обратясь къ юношѣ, примолвилъ: «ты слышалъ рѣчь отца обвиненія; нѣтъ ли у тебя отвѣта на его повѣсть?

— «Онъ говорить правду,» — хладнокровно отвѣчалъ юноша.

— «Однако же, судя по твоему великколѣпному наряду, ты долженъ быть богатый человѣкъ. Твое имя? отчество? ре-

⁴¹ 4) Обыкновенная поговорка у Аравитянъ, когда хотятъ сказать: не знаю, мнѣ неизвѣстно.

месло твоего родителя?

— «Меня зовутъ Зейдъ, сынъ Амру. Отецъ мой принадлежалъ къ числу именитыхъ гражданъ здѣшняго города. Онъ умеръ, оставя мнѣ въ наслѣдство довольно значительное состояніе; но я прожилъ его.

— «О, Зейдъ, сынъ Амру! клянусь Всевышнимъ Аллахомъ, и его пророкомъ, и головою Алія, и глазомъ Халифа, и моей бородою и твоимъ животомъ! у тебя должна быть другая повѣсть. Ты, мнѣ кажешься, о сынъ арабскій (да содѣляетъ Аллахъ лицо твое бѣлымъ)! ты мнѣ кажешься юношемъ прекрасно воспитаннымъ и умнымъ. Въ глазахъ твоихъ я вижу гордость, несвойственную низкому преступнику. Ты напрасно обвиняешь себя въ воровствѣ, не зная, конечно, какое наказаніе священный законъ полагаетъ за подобное преступленіе. Тебѣ слѣдуетъ отсѣчь правую руку по локтю....

— «Только руку?» — возразилъ юноша, горько улыбаясь. «Я думалъ, что за это потеряю голову.

— «Барахахъ Аллахъ (да благословитъ тебя Богъ)!» восклинулъ я вѣнѣ себя, положивъ въ уста свои палецъ удивленія. «Ты видно, братъ, наскучилъ жизнью, что нарочно дѣлаешь лицо твое чернымъ передъ правителемъ (да возвысится Аллахъ сань его!)

— «Это ужъ не ваше дѣло,» отвѣчалъ онъ спокойно. «Исполняйте надо мною то, что повелѣваетъ законъ исламскій. Мы всѣ Божіи и къ Богу возвратимся! Я готовъ подвергнуть себя суду Всевышняго и Его пророка.

— «Нѣтъ другаго божества, кроме Аллаха, и нѣтъ силы, ни крѣпости, кроме какъ у Аллаха!» вскричалъ я, обратясь къ Халеду. — «Это дѣло, правитель, удивительнѣе небесной птицы Онка и непостижимѣе камня Кимія (⁴²): признаюсь, я и самъ долженъ тутъ положить упованіе мое на Бога. Здѣсь таится что-то мудреное. Но если юноша сей сознается въ винѣ и проситъ обѣ исполненіи надъ нимъ того, что по-

⁴² 5) Такъ называется по-арабски философскій камень. Отъ сего слова происходятъ названія: химія, и съ членомъ аль, альхимія.

велѣваетъ законъ исламскій, то....

— «То и я столько же знаю, сколько ты, благословенный!» сказалъ губернаторъ, перебивъ рѣчъ мою. «Я полагаю, что ты мнѣ дашь добрый совѣтъ. Отведите этого молодца въ тюрьму, а ты Сѣхебъ-эш-шорта⁽⁴³⁾, пошли глашатаевъ возвѣстить всему городу, что завтра, въ два часа по восходенію солнца, на площади большаго базара будуть исполнять надъ Зейдомъ, сыномъ Амру, судъ Бога и пророка.»

Всѣ удалились изъ залы; я одинъ остался съ Халедомъ, въ лицѣ коего примѣчалъ смущеніе и горесть.

— «Я вижу, о правитель (да озаритъ Богъ могилу отца твоего)!» сказалъ я Халеду, «что сердце твое окружено облакомъ печали и на рѣсицы твои упала роса состраданія. Вспомни, что сказано въ книгѣ Безошибочной: знаніе всего, что тайно и что явно въ природѣ, принадлежитъ единому Богу: единъ Онъ Всемогущъ и Всевѣдущъ, единъ направляетъ, кого хощетъ, на путь истины. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ прекрасный юноша не воръ, и что у него должна быть другая повѣсть; но когда онъ скрываетъ ее нарочно, то тебѣ какая нужда узнавать ее? Однако жъ, я подамъ тебѣ добрый совѣтъ. Отклоняйте вину сомнѣніемъ, сказалъ Аллахъ въ Алкоранѣ; посему и тебѣ, правитель, должно стараться извлечь изъ сего несчастнаго какое-либо показаніе, наводящее сомнѣніе на его извѣсты: основываясь же на ономъ, ты въ правѣ освободить его отъ казни, которой онъ ищетъ, вѣроятно, съ отчаянія. Ты слышалъ изъ его устъ, что онъ прожилъ все отцовское наслѣдство. Я не сомнѣваюсь, что долги и недостатокъ довели его до поступка, посредствомъ котораго рѣшился онъ избавиться отъ тягостной жизни, не имѣя довольно мужества прекратить ее собственою рукою....

— «Ты правъ, Абу-Сайдъ!» отвѣчалъ мнѣ Халедъ. «Дружеская бесѣда, увеселенія, вино, могутъ намъ открыть тайну его сердца. Абу-Сайдъ! ты поэтъ и сочинилъ столько прекрасныхъ стиховъ въ похвалу вина, что навѣрное и пьешь его порядочно....

⁴³ 6) Начальникъ тѣлохранителей.

— «Въ винѣ заключается благо человѣковъ и наслажденіе, говорить книга Безошибочная,» сказалъ я съ улыбкою, постигнувъ мысль Халеда.

— «Умно!» воскликнулъ Халедъ. «Впрочемъ, лишь самъ Аллахъ знаетъ, что должно думать о семъ предметѣ. Я пью хорошее вино, а что касается до Алкорана, то возлагаю мое упованіе на Бога. Не правда ли, Абу-Саидъ?»

— «Такъ точно, правитель! Намъ зачѣмъ добиваться истиннаго смысла книги Безошибочной? въ ней же сказано: Эль-хѣкмету, фѣтнетонъ! т.е. мудрость человѣковъ есть гордость передъ Богомъ.»

Халедъ захлопалъ въ ладони, и черный, безобразный евнухъ, его любимецъ, вышедъ изъ боковой комнаты, явился передъ нами. Халедъ, посмотрѣвъ ему въ глаза, съ значительною улыбкою сказалъ тихимъ голосомъ: «Мурджанъ! послѣ вечерней молитвы, я желаю отужинать съ нашимъ пріятелемъ Абу-Саидомъ-Асмаи и тѣмъ молодымъ преступникомъ, котораго я недавно велѣлъ отвести въ тюрьму. Не пускай къ намъ никого изъ постороннихъ. Мы хотимъ сдѣлать кейфъ (⁴⁴). Понимаешь?

— «На мой глазъ и мою голову!» — отвѣталъ важно старый Арабъ и ушелъ тихимъ шагомъ, переваливаясь на обѣ стороны, какъ гусь, и таща за собой по землѣ длинныя полы красной своей ферязи.

Во второмъ часу по захожденіи солнца, въ одной изъ внутреннихъ комнатъ Халедова замка, великолѣпно освѣщенной, приготовлены были, на низкихъ скамейкахъ возлѣ софы, огромные жестяные подносы, установленные множествомъ мелкихъ блюдичекъ. На нихъ лежали разныя отмѣнного вкуса яствы, сласти, варенья, миндалъ, и свѣжий виноградъ различныхъ породъ. Шесть глухонѣмыхъ невольниковъ, подъ предводительствомъ стараго Мурджана,

⁴⁴ 7) Техническое слово на Востокѣ, котораго нельзя перевести ни на одинъ европейскій языкъ. Оно означаетъ вообще всѣ роды наслажденій восточныхъ.

стояли рядомъ для прислуги. Халедъ сидѣлъ на софѣ передъ однимъ изъ подносовъ, а по правую сторону помѣстился я на землѣ, поджавъ подъ себя ноги. Губернаторъ подаль знакъ евнуху, тотъ вышелъ изъ комнаты и черезъ нѣсколько минутъ возвратился съ молодымъ узникомъ.

— «Миръ съ тобою, сынъ Амру!» Халедъ привѣтливо сказалъ Зейду. «Мы давно желали бесѣдоватъ съ тобою: ты гость у насъ.» — Зейдъ низко поклонился губернатору и положивъ правую свою руку сперва себѣ на грудь, а потомъ поцѣловавъ ее въ знакъ почтенія, по обычаю бассорскихъ Аравитянъ, промолвилъ съ покорностю: «Да утвердитъ Аллахъ могущество правосуднаго правителя!»

— «Садись, о сынъ Амру, и откушай съ нами нашей пищи.» —

Зейдъ приблизился безмолвно къ нашему столику и сѣлъ на землѣ противъ меня. Насъ окропили розовой водою и мы принялись за ужинъ. Каждый изъ насъ отвѣдывалъ по немногу изъ блюдечекъ, стоявшихъ передъ нами; а невольники съ удивительною ловкостью уносили на головахъ подносы и замѣняли оные другими. Безмолвіе господствовало во все продолженіе ужина. Вдругъ три мальчика, прекрасные лицемъ и великолѣпно разряженные, вошли въ комнату, держа въ рукахъ пучки розъ и серебряныя ракве⁽⁴⁵⁾, наполненные ширазскимъ виномъ. Они подали каждому изъ насъ по пучку розъ и наполнили виномъ поставленные передъ нами серебряные стаканы. Зейдъ посмотрѣлъ сперва на Халеда, потомъ на меня, и послѣ нѣсколькихъ минутъ нерѣшимости, послѣдоватъ нашему примѣру и началъ пить вино.

— «Сынъ Амру! ты вѣрно не знаешь, съ кѣмъ судьба дозволяетъ тебѣ бесѣдоватъ? Это извѣстный Абу-Сайдъ-Асмаи,» сказалъ Халедъ, указывая на меня.

Зейдъ началъ пристально всматриваться въ меня и потомъ воскликнулъ: — «Ты Абу-Сайдъ-Асмаи? Аллахъ! Ал-

⁴⁵ 8) Родъ кружекъ, похожихъ на наши кофейники.

*лахъ! я хотѣлъ нарочно отправиться въ Дамаскъ, чтобы посмотреть на тебя, послушать твоего *нашда* (импровизацій) и твоего пѣнія. Предопредѣленіе исполнило мое желаніе наканунѣ моей казни. Мы есть Божіи, и къ Богу возвратимся! Я также *нашидъ* (импровизаторъ).»*

Между тѣмъ вошли въ комнату шесть *раккасъ* (танцовщицы), цвѣтъ бассорскихъ *гавази* (⁴⁶). Лица ихъ были прелестнѣе полной луны, станъ прямѣе стебля пальмы и гибче вѣтви бана. Отъ блеска красоты ихъ помрачились у меня глаза, стрѣлы же очаровательныхъ взоровъ ихъ пронзили мое сердце. Онѣ держали въ рукахъ *тамбуры* и *каманджи* (⁴⁷), и подойдя къ нашему столику, сѣли, поджавъ подъ себя ноги, рядомъ на полу, между мною и Зейдомъ, напротивъ Халеда, который сталъ бросать на нихъ розы изъ своего пучка и шутить съ ними свободно. Имъ подали вина, миндалю и винограду.

— «Нѣть божества кромѣ Аллаха, ни пророка, кромѣ Магомета!» воскликнулъ Зейдъ, надъ которымъ вино уже начинало производить свое дѣйствіе. «Я увѣренъ, что и ты, Абу-Саидъ, въ маджлесъ (⁴⁸) самого повелителя правовѣрныхъ не видаль прелестнѣйшихъ *гавази*. Мнѣ, въ Бассорѣ, никогда не случилось встрѣтить ничего подобнаго симъ шести чудеснымъ лунамъ.

— «Ты *нашидъ*?» сказалъ Халедъ, обратясь къ Зейду. «Посмотримъ твоего искусства. Не хочешь ли состязаться съ Абу-Саидомъ?

— *Тафаддалъ* (изволь)!» отвѣчалъ Зейдъ торжественно, и взялъ тамбуру у сидѣвшей возлѣ него *раккасы*. Я также потребовалъ тамбуру у другой *раккасы*, и импровизировалъ слѣдующіе стансы:

Что кроешь въ душѣ, исповѣдай ты мнѣ!
Здѣсь все улыбается счастьемъ тебѣ:

⁴⁶ 9) *Газіе* или *гавази*, сословие танцовщицъ и пѣвицъ въ городахъ арабскихъ.

⁴⁷ 10) Инструменты музыкальные, похожіе на гитары и балалайки.

⁴⁸ 11) Увеселеніе, собраніе у восточныхъ.

И ласки сихъ *гурій*, и милость Халеда,
И полная дружбы и пѣсней бесѣда.

Богатъ ты отъ Бога умомъ, красотою,
И доблестью сердца, и чувствъ высотою:
Нѣть, нѣть! невозможно быть воромъ тебѣ!
Что кроешь въ душѣ, исповѣдай ты мнѣ.

Едва окончилъ я сіи стансы, какъ Зейдъ, нисколько не останавливаясь, началъ пѣть стихами такой отвѣтъ:

«Честь велитъ мнѣ воромъ быть!
Милость чту Халеда я;
Но невиннаго сгубить
Не проши меня!

Кровь во мнѣ моихъ отцовъ;
Честно мы привыкли жить.
Я на казнь итти готовъ:
Честь велитъ мнѣ воромъ быть!

Необыкновенная пріятность и чистота голоса, совершенство стопосложенія и замысловатость его отвѣта привели всѣхъ наскъ въ восторгъ. — «*Аллахъ! Аллахъ!*» воскликнулъ Халедъ: «ты краснорѣчивѣе *Кодамы* и остроумнѣе *Локмана* (⁴⁹). Нѣть, сынъ Амру! ты напрасно ищешь погубить свою голову; я спасу ее, вопреки твоему упрямству. Я знаю разстройство твоего имѣнія: тебя увлекаетъ неумѣстное отчаяніе. Дарю тебѣ десять тысячъ *динаріевъ*: поправь свои дѣла, но признайся, что ты не воръ, и что у тебя есть другая повѣсть.

— «*Да продлить Богъ годы твои, о правитель!*» отвѣчалъ узникъ. «Я не имѣю нужды въ деньгахъ, и хотя прожилъ наслѣдство моего родителя, но мнѣ остается еще значительное имѣніе послѣ матери моей. Я довольно богатъ; и

⁴⁹ 12) *Локманъ*, Езопъ восточный. — *Кодама*, лице поэтическое, которому Аравитяне приписывали необыкновенную силу краснорѣчія.

когда ты исполнишь надо мною то, что повелѣваешь законъ исламскій — прошу тебя, правитель, пожаловать ко мнѣ на домъ и убѣдиться, что мною не руководствуетъ ни скудость, ни отчаяніе.

— «Кто же ты таковъ?» спросилъ Халедъ съ жаромъ. Я знаю, что ты не Зейдъ, сынъ Амру; что ты скрываешь отъ насъ настоящее твое имя. Разскажи намъ твою повѣсть.... Ты молчишь?... Говори, благословенный; полно, полно упра-миться! *Междуд нами союзъ Бога и пророка!* Нѣть! я увѣренъ, что ты откроешь намъ свою тайну. Эй, сѣхъ (⁵⁰)! наливайте вино почтенному нашему гостю. *Сперва беспѣда, а потомъ разправа*, говорить пословица. —

Важный Халедъ началъ самъ произносить на-разпѣвъ стихи въ похвалу вина и красоты. Милыя раккасы, знаяшія на-изусть множество прекрасныхъ газаль (⁵¹), читали намъ ихъ наперерывъ и восхищали насъ своими остротами; потомъ пустились онѣ танцевать, подъ звукъ своихъ там-бурз и кастаньетовъ. Ловкость и волшебство тѣлодвиженій сихъ земныхъ гурій, нѣжность ихъ страстныхъ взглядовъ, ихъ умъ, веселость и ласки приводили насъ въ очарованіе. Вино, острыя слова, импровизаціи, лились у насъ обильнѣе водъ Евфрата и Нила: дружба и любовь управляли наслажденіями. Я не помню, чтобы когда-либо въ моей жизни провелъ ночь веселѣе и пріятнѣе. Между тѣмъ, среди забавъ, Халедъ и я не забывали главнаго предмета — овладѣть тайною любезнаго нашего преступника; нѣсколько разъ настоятельно уговаривали мы его открыть намъ истину, и нѣсколько разъ онъ былъ уже близокъ къ тому, чтобы удовлетворить наше требованіе; но, не взирая на всѣ наши хитрости, убѣжденія, обѣты, и на самое даже дѣйствіе превосходнаго, хотя ненавистнаго небу напитка, — онъ всегда успѣвалъ опомниться во-время, и оставался при своей тайнѣ. Наконецъ мы удвоили наши усилия, и Зейдъ въ силь-

⁵⁰ 13) Мальчики, которые на восточныхъ пирушкихъ наливаютъ вино и шербеты собесѣдникамъ.

⁵¹ 14) Такъ называются восточные Анакреонтики.

номъ движениі чувствъ сказалъ намъ: «Ля иляхъ илля' ллахъ (нѣтъ Бога кромѣ Аллаха)! Да будетъ междуду нами союзъ Бога и пророка! Оставьте меня теперь въ покоѣ: завтра, на площиади казни, я разскажу вамъ мою повѣсть.» —

Халедъ приказалъ отвести Зейда снова въ тюрьму. Я легъ спать тутъ же на софѣ, подлѣ остатковъ нашего ужина; уснуль крѣпко и видѣлъ во снѣ, будто я находился въ раю, гдѣ за мои заслуги былъ мнѣ назначенъ жилищемъ великолѣпный садъ, вокругъ котораго возносились семьдесятъ пышныхъ дворцовъ, а въ каждомъ дворцѣ было семьдесятъ огромныхъ комнатъ, а въ каждой комнатѣ семьдесятъ богатыхъ постелей, а на каждой постель по одной прелестной *гуріи*, столь милой, столь очаровательной, что если бъ одна изъ нихъ явилась ночью въ нашемъ земномъ воздухѣ, то блескъ ея красоты озарилъ бы всю землю свѣтомъ, равнымъ свѣту семидесяти солнцевъ. Между сими *гуріями* узналь я нѣкоторыхъ изъ вчерашихъ нашихъ раккасъ. Аллахъ! Аллахъ! нѣтъ крѣпости, ни могущества, кромѣ какъ у Аллаха!

Едва стало восходить солнце и правовѣрные принялись за утреннюю молитву, какъ у дверей каждого дома Бассоры послышался стукъ деревяннаго молотка, и громкій голосъ на улицѣ: «Въ два часа по восхожденіи солнца, на площиади большаго базара будутъ исполнять надъ Зейдомъ, сыномъ Амру, судъ Бога и пророка. Кто хочетъ видѣть казнь Зейда, сына Амру? Кто хочетъ видѣть судъ Бога и пророка?»

Къ назначенному времени, толпы народа стеклись отовсюду на площиадь, коей одну сторону занимали исключительно женщины, закутанныя въ широкія синія, зеленые и красныя епанчи, а на лицахъ имѣвшія маленькая волосы на сита чернаго цвѣта, которыя служили имъ вмѣсто покрывалъ и придавали видъ довольно странный. Халедъ, окруженный своимъ дворомъ и многочисленною стражею, пришелъ также на площиадь и сталъ неподалеку отъ столба, находившагося посреди оной и у котораго стояль уже Зейдъ въ оковахъ; подлѣ него прогуливался огромный *Джеллядъ* (палачъ) въ красномъ одѣяніи, играя широкимъ обнаженнымъ мечемъ.

Халедъ приказалъ привести къ себѣ преступника. — «Зейдъ, сынъ Амру!» сказалъ онъ ему: «Всевышній Аллахъ говоритъ въ книгѣ Безошибочной: *отклоняйте вину сомнѣніемъ*. Я усматриваю сомнѣніе въ твоей повѣсти, и посему повелѣваю тебѣ объяснить мнѣ, по всей справедливости, настоящій поводъ твоего преступленія.

— «У меня нѣтъ другой повѣсти, кромѣ той, которую ты слышалъ вчера,» отвѣталъ Зейдъ. «Прикажи, о правитель, исполнить надо мною то, что повелѣваетъ тебѣ законъ исламскій.

— «Какъ? Развѣ ты не далъ мнѣ слова, открыть на этомъ мѣстѣ свою тайну?» съ гнѣвомъ вскричалъ Халедъ.

— «Не помню!» отвѣталъ Зейдъ хладнокровно.

Халедъ пришелъ въ изступленіе. Онъ заревѣлъ, какъ раненый левъ въ глухой пустынѣ *Тедморской* (⁵²), и бросаясь на Зейда, ударилъ его нѣсколько разъ по щекѣ. — «*Джеллядъ! джеллядъ!*» воскликнулъ онъ: «отсѣки этому сыну пса и ослицы правую руку по локоть: да исполнится надъ нимъ судъ Бога и пророка! и сверхъ того, отрѣжь ему конецъ языка, котораго онъ не умѣетъ употреблять на то, чтобы говорить правду передъ закономъ!» —

Палачъ обнажилъ руку преступника и готовился уже занести на нее орудіе казни, какъ вдругъ сильное волненіе обнаружилось въ толпахъ зрителей. Видъ прекраснаго юноши возбудилъ общее состраданіе. Женщины, бывшія на площади, подняли столь ужасный вопль, что Халеду показалось, будто мятежъ вспыхнулъ въ народѣ. Изъ среды женской толпы опрометью выбѣжала дѣвушка, покрытая *джельбомъ* (⁵³), держа въ поднятой на воздухъ рукѣ свитокъ бумаги. — «*Амѣнъ! амѣнъ!*» кричала она съ плачемъ и воплями. «О пророкъ! о Магометъ! о Али! *амѣнъ!*... Халедъ, правосудный правитель! не губи невиннаго! кровь невиннаго дороже всего мира!»

Халедъ подалъ знакъ палачу пріостановиться, и взявъ

⁵² 15) Пальмирской. — *Тедмороомъ* Арабы называютъ Пальмиру.

⁵³ 16) Родъ женского покрывала, доходящаго почти до колѣнъ.

свитокъ изъ рукъ дѣвушки, развернуль онъ. Въ немъ заключались слѣдующіе четыре стиха:

«Прости ему невинный сей обманъ!
Въ любви воровъ, ты знаешь, не бываетъ;
Когда жъ и есть, — правитель также знаетъ:
Не положилъ имъ казни Алкоранъ.

Прочитавъ эти стихи, Халедъ приказалъ окружавшимъ его удалиться на нѣкоторое разстояніе и сталъ разспрашивать дѣвушку.

— «Объясни мнѣ твою повѣсть, о дочь арабская!» сказалъ онъ ей.

— «Правосудный правитель (да умножитъ Аллахъ твои добродѣтели)!» отвѣчала она, заливаясь слезами. «Узникъ сей — мой возлюбленный, а я подруга его сердца. Свѣдавъ о намѣреніи отца моего, выдать меня за-мужъ за старого, богатаго *кади* Хатема, онъ не смѣлъ открыть ему взаимныя наши чувства. Ни отецъ мой, ни братья, лично его не знаютъ; но онъ приходилъ иногда тайно въ нашъ садъ, отъ которого я ввѣрила ему ключъ, и мы бесѣдовали другъ съ другомъ о взаимной нашей любви, сквозь рѣшетку окна моего терема. Минувшею ночью, онъ также пришелъ въ нашъ садъ въ условленное время; и, дожидаясь его, я къ несчастью уснула. Не видя меня у окна, онъ рѣшился бросить въ него камнемъ, чтобы извѣстить меня о своемъ прибытіи. Стукъ камня разбудилъ собаку; на ея лай, отецъ и братья мои бросились въ садъ, и несчастный мой любовникъ, чтобы охранить честь мою, притворился воромъ; онъ схватилъ нѣсколько бѣлья и нарочно сталъ рвать апельсины: его поймали. Ты видишь, что онъ великодушно пожертвовалъ своею честью и головою, лишь бы только не допустить, чтобы лицо мое сдѣлалось чернымъ въ глазахъ народа, а можетъ быть и спасти жизнь мою отъ гнѣва раздраженнаго родителя....»

Несчастная дѣвушка не могла говорить долѣе: слезы и рыданія подавляли голосъ ея. Самъ Халедъ былъ тронутъ ея рассказомъ и благороднымъ поступкомъ честной и нѣжной

любви юноши. — «*Нътъ божества, кромъ Аллаха, ни пророка, кромъ Магомета! нътъ кръности, ни могущества, кромъ какъ у Аллаха!*» воскликнулъ онъ, вознося руки къ небу, и немедленно приказалъ снять оковы съ велиокодушнаго преступника. Потомъ призвавъ его къ себѣ, нѣжно поцѣловалъ въ чело, между глазами, и сказалъ: «Благородный юноша! Богъ не допустилъ мнѣ совершить надъ тобою неправый судъ. Чтобы возблагодарить Его за сію милость, я на себя принимаю обязанность пещись о твоемъ благополучії, равно какъ и о счастіи будущей твоей подруги. Я исходатайствую у отца ея прощеніе вамъ обоимъ и соглашу его на вашъ союзъ. Между тѣмъ, дарю вамъ на свадьбу тѣ 10,000 динаріевъ, которыя предлагалъ тебѣ вчера.» —

Ізвѣстіе о семъ необыкновенномъ происшествіи разнеслось между зрителями съ быстротою молніи. Восклицанія радости и удивленія раздались со всѣхъ сторонъ, и отецъ дѣвицы тутъ же, передъ столбомъ казни, далъ свое соизволеніе на бракъ любовниковъ.

Молодой человѣкъ, который назвалъ себя въ этомъ слу чаѣ Зейдомъ, сыномъ Амру, былъ Саидъ, сынъ Джаферовъ, прославившійся въ послѣдствіи, какъ поэтъ, риторъ и грамматикъ, подъ именемъ **Абу-Навваса**.

Съ Арабскаго — *Сенковскій*.

Рассказ о Халиде ибн Абд-Аллахе аль-Касри⁵⁴ (ночи 297–299)

Рассказывают также, что Халид ибн Абд-Аллах аль-Касри был эмиром Басры и к нему пришла толпа людей, которые вцепились в юношу, обладавшего блестящей красотой, явной образованностью и великим умом; его облик был красив, и от него хорошо пахло, и отличался он спокойствием и достоинством.

И юношу подвели к Халиду, и тот спросил, какова его история, и ему сказали: «Это вор, которого мы застигли вчера в нашем жилище».

И Халид посмотрел на юношу, и ему понравилась его красота и чистота его одежды. «Отпустите его!» — сказал он и подошел к юноше и спросил, какова его история, и юноша сказал: «Эти люди были правдивы в том, что говорили, и дело обстоит так, как они сказали». — «Что побудило тебя на это, когда ты красиво одет и прекрасен внешностью?» — спросил его Халид, и юноша сказал: «Меня побудили на это жадность к мирским благам и приговор Аллаха — слава ему и величие!» — «Да потеряет тебя твоя мать! Разве не было в красоте твоего лица, в совершенстве твоего ума и в прекрасной образованности для тебя запрета, который бы удержал тебя от воровства?» — воскликнул Халид. «Оставь это, о эмир, иди к тому, что повелел Аллах великий, — это воздаяние за то, что стяжали мои руки, и Аллах не обидчик для рабов», — сказал юноша.

И Халид молчал некоторое время, раздумывая о его деле, а затем он велел ему приблизиться и сказал: «Твое признание в присутствии свидетелей меня смущает, и я не думаю,

⁵⁴ Книга тысячи и одной ночи. Перевод и комментарии *M. A. Салье* под ред. акад. *И. Ю. Крачковского*, IV. [Л.], «Academia», 1933, стр. 98—103.

Книга тысячи и одной ночи в восьми томах. Перевод с арабского *M. A. Салье*. [Под ред. акад. *И. Ю. Крачковского*.] Том 6. Ночи 607—756. Государственное Издательство Художественной Литературы, 1959. Стр. 83—87. Публикуется по этому изданию.

что ты вор. Может быть, у тебя есть какая-нибудь история, кроме кражи? Расскажи мне ее». — «О эмир, — сказал юноша, — пусть не западет тебе в душу что-нибудь, кроме того, в чем я перед тобою признался. У меня нет истории, которую я бы мог тебе рассказать, кроме того, что я вошел в дом этих людей и украл, что мог, и меня настигли и отняли от меня украденное и привели меня к тебе».

И Халид велел заточить юношу и приказал глашатаю кричать в Басре: «Эй, кто хочет посмотреть, как будут наказывать такого-то вора и отрежут ему руку, пусть придет с утра в такое-то место!» И когда юноша расположился в тюрьме и ему на ноги наложили железо, он испустил глубокие вздохи и пролил слезы и произнес такие стихи:

«Грозил отсеченьем Халид руки моей,
Когда ему не скажу я, в чем дело с ней.

Сказал я: «Вовек не будет, чтоб выдал я
Все то, что таится в сердце из страсти к ней.

Пускай мне отрубят руку, — признался я, —
То легче, чем опозорить любимую».

И это услышали люди, сторожившие юношу, и они пришли к Халиду и рассказали ему о том, что случилось. А когда спустилась ночь, Халид приказал привести к себе юношу, и, когда тот явился, стал его допрашивать и увидел, что юноша умен, образован, понятлив, остроумен и сообразителен. Он велел принести юноше еду, и тот поел и поговорил с эмиром некоторое время, а потом Халид сказал ему: «Я знаю, что у тебя есть история, кроме кражи. Когда наступит утро и придут люди, и явится кади и спросит тебя насчет кражи, отрицай ее и скажи что-нибудь, что отвратит от тебя наказание посредством отсеченья руки. Сказал же посланник Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует): «Отвращайте наказание при помощи сомнительных обстоятельств».

И затем он велел отвести его в тюрьму...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволен-

ные речи.

Когда же настала двести девяносто восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Халид, иосле того как поговорил с юношой, велел отвести его в тюрьму, и юноша правел там ночь. Когда же настало утро, люди пришли посмотреть, как будут отсекать юноше руку, и не осталось в Басре никого, ни мужчины, ни женщины, кто бы не пришел, чтобы увидеть, как станут наказывать этого молодца. И приехал верхом Халид и с ним знатные жители Басры и другие, а затем эмир позвал судей и велел привести юношу. И он пришел, ковыляя в своих оковах, и никто среди видевших его не мог не заплакать, и женщины возвысили голоса, рыдая. И судья велел заставить женищин замолчать и сказал юноше: «Эти люди утверждают, что ты вошел к ним в дом и украл их имущество; может быть, ты украл меньше облагаемого количества?» — «Нет, я украл как раз столько», — отвечал юноша. «Может быть, ты владел им совместно с этими людьми?» — спросил судья, и юноша ответил: «Нет, оно все принадлежит им, и я не имею на него права». И тогда Халид рассердился, и сам подошел к юноше, и ударил его бичом по лицу, и произнзс такой стих поэта:

«И хочет муж желанного добиться,
Но даст ему Аллах лишь то, что хочет».

И затем он позвал палача, чтобы отсечь руку юноше, и палач подошел и вынул нож, а юноша вытянул руку, и палач приложил к ней нож, и вдруг выбежала из толпы женщин девушка, на которой были грязные одежды, и вскрикнула и бросилась к юноше, а затем она открыла лицо, подобное луне, и люди подняли великий шум, от которого едва не возникла скута, мечущая искры. И девушка крикнула во весь голос: «Заклинаю тебя Аллахом, о эмир, не торопись рубить, пока не прочтешь этой бумажки!» И она подала ему бумажку, а Халид развернул ее и прочел, и вдруг оказалось, что на ней написаны такие стихи:

О Халид, влюбленный вот, любовью охваченный,
Из луков очей моих метнул в него взгляд стрелу,

И был поражен стрелой моих он очей — ведь он
Друг страсти; болезнь ее вздохнуть не дает ему.

Признался он в том, чего не делал, как будто счел,
Что лучше так поступить, чем облик явить любви.

Потише же с юношем печальным! Поистине,
Он выше других людей по свойствам, и он не вор.

И когда Халид прочел эти стихи, он отошел в сторону и удалился от людей и, призвав к себе женщину, спросил ее, в чем тут дело, и она рассказала ему, что этот юноша любит ее, и она любит его, и он только хотел посетить ее, и пошел к дому ее родных, и бросил в дом камень, чтобы дать ей знать о своем приходе. И ее отец и братья услышали шум от камня и вышли к юноше, и, когда юноша заслышал их, он собрал всю материю и сделал вид, что он вор, чтобы прикрыть свою возлюбленную. И девушка говорила: «Когда его увидели при таких обстоятельствах, его взяли и сказали: «Вор!» — и привели его к тебе. И он признался в воровстве и уперся на этом, чтобы не опозорить меня. И такие дела совершил тот, кто сам себе бросил обвинение в воровстве из-за чрезмерного своего благородства и величия души». — «Поистине, он достоин того, чтобы ему помогли добиться желаемого!» — воскликнул Халид. А затем он позвал к себе юношу и поцеловал его между глаз и велел привести отца девушки и сказал ему: «О старец, мы были намерены исполнить приговор над этим юношем и отсечь ему руку, но Аллах — велик он и славен! — уберег меня от этого. И я приказал выдать юношу десять тысяч дирхемов, так как он не пожалел своей руки, чтобы охранить твою честь и честь твоей дочери и уберечь вас обоих от позора. И я велел выдать твоей дочери десять тысяч дирхемов, так как она рассказала мне об истине в этом деле, и я прошу тебя, чтобы ты мне позволил выдать ее за него замуж». — «О эмир, я позволяю тебе это», — сказал

старец, и Халид прославил Аллаха, и восхвалил его, и произнес прекрасную проповедь...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же наступала двести девяносто девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Халид прославил Аллаха и восхвалил его и произнес прекрасную проповедь, и сказал юноше: «Я женил тебя на такой-то девушке, присутствующей здесь, с ее позволения и согласия и с разрешения ее отца, за эти деньги в размере десяти тысяч дирхемов». — «Я согласен на этот брак», — ответил юноша. И затем Халид велел доставить деньги в дом юноши, неся их на подносах, и люди ушли, радостные. И я не видел дня диковинней этого! Началом его был плач и огорчения, а концом — веселье и радость.

Антарь.⁵⁵

Восточная повѣсть.

Прекрасна Шамская пустыня; прекрасны въ Шамской пустынѣ развалины волшебного Тедмора (*⁵⁶). Кто жилъ въ этихъ огромныхъ чертогахъ?... Кому воздвигнуты эти храмы?... Кѣмъ построены эти длинныя улицы столбовъ?... То знаютъ книжники Дамаска и Іерусалима: Антару то неизвѣстно. Антарь, краса степей, мечъ побѣды, роса дружбы, тѣнистый кипарисъ гостепріимства. Онъ знаетъ, гдѣ отыскать тѣхъ, кои осмѣлились нанести обиду ему или его поколѣнїю; онъ покажетъ вамъ всѣ, далеко разбросанныя и почти истертыя вѣтромъ, могилы враговъ своихъ; онъ защитить васъ въ пустынѣ отъ жадности и вѣроломства ста Арабскихъ всадниковъ и раздѣлить съ вами послѣднюю горсть жаренаго проса; но онъ не знаетъ того, что написано въ книгахъ. Старцы сосѣдственныхъ улусовъ сказывали ему, что это остатки города, построенаго въ старину зловредными духами, и совѣтовали не приближаться къ этому мѣсту; но Антарь не страшится ни людей ни духовъ, и гордо смотритъ на великолѣпныя развалины Тедмора.

Онъ стоитъ и смотритъ. Копье его, кровавое — какъ мщеніе, быстрое — какъ ударъ грома, стоитъ возлѣ него, во-друженное въ безплодную почву. Балька, благородная его кобыла, царица кобылъ Неджда, стоитъ у копья и, устремивъ на него глаза свои, черные, огненные, проницательные, хочетъ, кажется, узнать, что происходитъ въ пылкой его душѣ. Она печальна, потому, что онъ печаленъ. Балька отгадала, что люди огорчили ея господина, и сильно бѣть ногою, негодяя на ихъ неблагодарность. Антарь постигнулъ мысль Бальки, обнялъ ее за шею и поцѣловалъ въ чело, украшен-

⁵⁵ **Новоселье.** — Санктпетербургъ. Въ типографіи вдовы Плюшар съ сыномъ. 1833. Стр. 69—108.

⁵⁶ * *Тедморъ*, Пальмира, знаменитая столица Зиновія.

ное бѣлою звѣздочкою, блестящею издали, подобно лунѣ въ первую ночь мѣсяца.

Антарь оставилъ людей навсегда. Онъ проливалъ за нихъ свою кровь, жертвовалъ имуществомъ, расточалъ для нихъ свою любовь и дружбу: они ему измѣнили!... Доколѣ вѣтеръ въ пустынѣ будетъ переносить песчаные холмы съ одного мѣста на другое, доколѣ облака будутъ бросать сѣрую тѣнь на землю, доколѣ мечи будутъ утолять свою жажду краснымъ напиткомъ, текущимъ въ жилахъ сыновъ Адама: до тѣхъ поръ онъ не увидится съ людьми. На сто выстрѣловъ изъ лука нога его не подойдетъ къ жилищу человѣка; на всю длину копья его никто изъ смертныхъ да не дерзнетъ подойти къ нему. Антарь произнесъ клятву: онъ никогда вотще не давалъ обѣта.

Онъ стоитъ. Голодъ рветъ его внутренность; но онъ умѣетъ преодолѣвать голодъ. Зажженный палящимъ солнцемъ воздухъ, среди совершенного безвѣтря, дрожитъ, трясеется, мелькаетъ тонкимъ пламенемъ, подобнымъ тому, какой вьется по раскаленному желѣзу, и знойныя блестки, въ видѣ частыхъ огненныхъ иголокъ, быстро пляшутъ въ воздухѣ предъ его глазами; но всѣ ужасы пустыннаго зноя не заставятъ его тронуться съ мѣста. Земля горитъ подъ его стопами: онъ терпѣливо переносить и это, и стоитъ неподвижно, дожидаясь, пока пробѣжитъ пустынею строусь или сѣрна, чтобъ мигомъ вскочить на коня, догнать добычу и сразить ее копьемъ.

Вотъ что-то шевелится между кочками песку, наваленного послѣднимъ вѣтромъ у подножія ближней скалы. Это навѣрное газель. Антарь уже на конѣ, и держитъ копье надъ своею головою. Онъ не ошибся: это газель, милая, легкая, прелестная. Балька тоже увидѣла ее, и понеслась стрѣлою въ ту сторону: она не требуетъ, чтобъ узда указывала ей направлениe; ею править мысль всадника, и она мчится быстрѣе мысли.

Антарь уже настигалъ газель, бывъ отъ нея не далѣе какъ на одинъ выстрѣлъ. Вдругъ, раздался надъ его головою ужасный шумъ, и воздухъ помрачился черною тѣнью. Онъ

приподнялъ голову, и увидѣлъ огромную хищную птицу, которая, подобно весенней тучѣ, закрывала собою болѣшую часть небеснаго свода. Глаза ея сверкали какъ молніи; рас-простертые когти, по своей величинѣ и силѣ, могли бъ об-хватить и унести утесь, образующій грозную вершину Эль-Аксы. Антарь примѣтилъ, что страшная, исполинская птица тоже преслѣдуется газелю, которая, при видѣ новой опасно-сти, понеслась еще быстрѣе. Но Антарь всегда былъ защит-никомъ слабыхъ: онъ немедленно забылъ, что самъ гонится за газелю съ намѣренiemъ лишить ее жизни, и думалъ толь-ко о спасеніи ея отъ ярости воздушнаго врага. Птица, Антарь и газель долго и быстро стремились въ одну и ту же сторону, болѣе и болѣе сближаясь другъ съ другомъ; и когда взаим-ное ихъ разстояніе уменьшилось почти до двадцати шаговъ, храбрый всадникъ повергъ копьемъ надъ головою и мет-нуль имъ вверхъ. Оно полетѣло, свистя какъ влажный вѣтеръ между столбами Тедмора, и вонзилось въ грудь кры-латому великану. Птица испустила ужасный стонъ съ ре-вомъ, заставившимъ вздрогнуть самого Антара. Она поколе-балась: казалось, что она упадетъ и своимъ паденiemъ раз-давить дерзкаго сына пустыни; но боль принудила ее быст-ро подняться на воздухъ, тогда, какъ уже конецъ одного крыла коснулся-было земли. Отъ удара ея перьевъ по сухой, раскаленной почвѣ, густый туманъ пыли наполнилъ все пространство и песокъ засыпалъ глаза Антару. Онъ тотчасъ слѣзъ съ коня, и нѣсколько минутъостоялъ на мѣстѣ во мракѣ; но когда пыль начала осѣдать, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ у своихъ ногъ ту самую газелю, которая незадолго уходила отъ его копья и когтей хищной птицы. Она, умиль-но, поглядывала на своего спасителя: прекрасные глаза ея выражали нѣжную благодарность. Антарь хотѣлъ поласкать ее рукою, но, едва онъ пошевелился, она порхнула и исчезла въ пыльной степи.

Пораженный такимъ необыкновеннымъ случаемъ, Ан-тарь возвратился къ развалинамъ Тедмора, вошелъ въ одинъ изъ опустѣлыхъ чертоговъ и бросился отдыхать на землѣ. Мечъ его стоялъ у стѣны; вѣрная Балька щипала

скудную траву, растущую у входа; онъ, на этотъ разъ, оставался безъ пищи, но голова его такъ была занята мыслями о странной, сраженной имъ птицѣ и милой, благодарной газели, что о своемъ голодѣ онъ почти и не думалъ.

Антаръ уснулъ въ разрушенномъ чертогѣ. Когда онъ проснулся, новое, чудесное явленіе поразило его взоръ. Онъ увпдѣлъ себя лежащимъ на пышной софѣ изъ голубаго атласа съ золотыми кистями и серебряною бахрамою, въ огромной комнатѣ, убранной шелковыми занавѣсами и богатыми коврами, расписанной лазурю и золотомъ и украшенной великолѣпнымъ водометомъ, вокругъ которого стояли невольники и евнухи въ блестящихъ нарядахъ, держа золотые тазы и рукомойники, осыпанные яхонтами и изумрудами, Китайскіе сосуды съ розовою водою, драгоцѣнныя опахала и подносы съ рѣдкими плодами. Пятьдесятъ дѣвицъ, завѣшанныхъ бѣлыми покрывалами, стояли по обѣимъ сторонамъ залы съ гитарами и бубенчиками. Воздухъ былъ напитанъ свѣжестью и роскошнымъ запахомъ алоя.

Какъ скоро Бедуинъ раскрылъ глаза, двое невольниковъ, подошедъ къ его ложу, стали почтительно на колѣни и поднесли воду, пахучее мыло и шитое золотомъ полотенце; два другіе окропили его духами.

— «Ради вашей жизни!» вскричалъ изумленный Антаръ, срывааясь съ постели: «что это значитъ?... кто вы такие?... Гдѣ я?... чего вы отъ меня хотите?...»

Всѣ невольники и евнухи ударили челомъ и сказали: — «Я сиди! о, честной господинъ! вы въ гостяхъ у благороднѣйшей, стыдливѣйшей, цѣломудренѣйшей, великой Царицы Тедмора, — да продлится ея царствіе до дня преставленія свѣта! Намъ приказано прислуживать и воздавать вамъ такую же честь, какъ ей самой.»

— «Да проклянетъ васъ вашъ отецъ!» гнѣвно воскликнулъ Антаръ. «Вы шутите надо мною?... Я не знаю вашей Царицы, и никогда не слыхалъ, чтобы въ развалинахъ Тедмора царствовалъ кто либо. Я сынъ пустыни, и къ Царямъ не хожу въ гости. Мнѣ здѣсь тошно. Отдайте мнѣ мою лошадь: она

драгоцѣннѣе всего вашего царства; другой такой нѣтъ во всей степи.»

— «Честной господинъ,» сказали слуги, кланяясь ему въ землю: «ваша лошадь ъстъ теперь сѣно изъ розъ и тюльпановъ, и пьетъ воду изъ снѣга горъ Ливанскихъ. Мы рабы ваши, но вы не можете уѣхать отсюда безъ дозволенія нашей Государыни, ибо находитесь въ странѣ заколдованный, безъ входа и безъ выхода.»

— «Кто же такая ваша Царица, и гдѣ она?» спросилъ Антаръ, еще болѣе изумленный этимъ извѣстіемъ.

— «Имя ея Гюль-назаръ,» отвѣчали слуги. «Она Пери, изъ рода добрыхъ геніевъ.»

— «Ведите меня къ ней,» сказалъ онъ. «Я хочу съ нею объясниться и посмотретьть ей въ лице.»

— «Это не возможно,» возразили слуги. «Красота лица ея столь блистательна, что могла бы ослѣпить васъ и навсегда лишить зрѣнія. Вы будете къ ней допущены, но не иначе, какъ съ должностными предосторожностями и напередъ побывавъ въ банѣ.» —

Не смотря на всю свою пылкость, на необузданную дерзость степнаго витязя, Антаръ повиновался ихъ требованію. Онъ чувствовалъ надъ собою дѣйствіе какой-то невидимой силы, которая лишала его воли и наполняла сердце смиренiemъ.

Евнухи повели его въ баню, построенную изъ бѣлаго мрамора, съ яшмовыми колоннами и золотымъ куполомъ, гдѣ двѣнадцать молодыхъ и прекрасныхъ невольницъ были назначены для его прислуги. Оттуда перешелъ онъ въ богатую комнату, ярко освѣщенную огнемъ алмазовъ, покрывавшихъ стѣны и потолокъ. Пышный красный занавѣсь раздѣлялъ ее на двѣ половины: всѣ входивши въ нее были челомъ, и никто не смѣлъ оборачиваться задомъ. Антару сказали, что и онъ долженъ съ благоговѣніемъ поклониться занавѣсу, потому, что позади его сидитъ стыдливѣйшая царица Тедмора. Онъ безпрекословно исполнилъ обрядъ, и былъ посаженъ на софѣ, примыкающей къ занавѣсу.

Тихое, заунывное пѣніе, смѣшанное со звуками воздушной музыки, пріятно потрясало слухъ Бедуина, который съ беспокойствомъ оглядывался во всѣ стороны, стараясь угадать, откуда оно происходитъ. Вдругъ, отворились двери, и вошелъ длинный рядъ служителей, несущихъ на головѣ золотые подносы , уставленные множествомъ блюдъ и сосудовъ съ яствами, сластями и шербетами. Вкусный ихъ запахъ сильно раздражилъ обоняниѳ голоднаго Антара: съ жадностью гіены, похищающей трупъ изъ среды сражающихся воиновъ, бросился онъ на поднесенные блюда и сталъ очищать ихъ горстями. Слуги, улыбаясь, безпрестанно подавали ему новыя кушанья и вина.

Въ половинѣ обѣда, послышался изъ-за краснаго занавѣса привѣтливый женскій голосъ:

— «Миръ съ вами, Антаръ, сынъ Рабіевъ! Мы ожидали васъ съ нетерпѣніемъ.»

— «И съ вами миръ, великая Царица, да умножится роса ваша!» отвѣчалъ Аравитянинъ.

Голосъ умолкъ, и Ангаръ въ безмолвіи продолжалъ ъсть и пить попрежнему. Спустя нѣсколько минутъ, повторилось изъ-за краснаго занавѣса то же самое привѣтствіе, на которое Бедуинъ отвѣтствовалъ новымъ выраженіемъ степной учтивости, пожелавъ Царицѣ, чтобы влажность ея пролилась на всю пустыню, и чтобы ея благополучіе всегда оставалось холоднымъ (*⁵⁷).

Опять наступило молчаніе, и опять, послѣ нѣкотораго времени, тотъ же голосъ произнесъ прежнее привѣтствіе. Антаръ сказалъ: — «Да разстелется ваша тѣнь, Царица, обширнѣе тѣни горъ Тудыха! Я вашъ богомолецъ; пью въ честь и на пользу Вашей Милости.»

⁵⁷ * Въ языкѣ Бедуиновъ, обитающихъ въ знойныхъ и безводныхъ пустыняхъ Аравіи, слова, означающія *росу*, *дождь*, *влажность*, заключаютъ въ себѣ также понятія *благодѣянія*; *холодный* значить у нихъ тоже и превосходный; *низменный*, *мокрый*, *увлажненный*, употребляются въ смыслѣ словъ: *счастливый*, *обильный*, *роскошный*, потому, что въ низменныхъ мѣстахъ ростетъ трава, столь необходимая въ ихъ кочевомъ быту.

— «Да будетъ на здоровье!» примолвилъ голосъ: «Антаръ, сынъ Рабіевъ, вы нашъ гость и, надѣюсь, проведете у насъ нѣсколько дней. Я вамъ обязана спасенiemъ свободы и жизни. Вѣрно, вы и сами не знаете, какую оказали мнѣ услугу.»

— «Я оказалъ вамъ услугу?...» воскликнулъ Антаръ въ изумлениі. «Какъ же это случилось?.... Я никогда не видалъ васъ въ глаза. Да разроютъ враги могилу моего родителя, ежели я понимаю, что вы мнѣ говорите и что здѣсь со мною дѣлается! Ради свѣта вашихъ глазъ, ради имени вашей матери, объясните мнѣ, какъ я сюда попалъ, кто вы такие и за что меня такъ честите? У меня умъ изъ головы вонъ отъ всего, что тутъ вижу и слышу.»

— «Успокойтесь, сынъ Рабіевъ, и присядьте у насъ на коврѣ безопасности,» отвѣчалъ голосъ. «Я удовлетворю вашему любопытству. Вы находитесь въ Тедморѣ, развалины коего поутру удивляли васъ своею красотою и огромностю. Вѣдайте, храбрый богатырь пустыни, что этотъ городъ построенъ Джиннами, зловредными и безобразными духами, коими Соломонъ — да будетъ съ нимъ миръ! — повелѣвалъ посредствомъ волшебного перстня, подаренного ему ангеломъ Джебраиломъ. Соломонъ населилъ его народомъ благочестивымъ, смирнымъ, безвреднымъ, поручивъ ему угождать всѣхъ путниковъ, странствующихъ въ этой пустынѣ, и снабжать ихъ живностью и водою. Жители Тедмора долгое время свято исполняли завѣтъ Царя-Пророка, и жили въ покоѣ и изобилиї. Наконецъ, свойственная роду человѣческому гордость изгладила изъ ихъ памяти обязанности, предписанныя основателемъ ихъ быта и благополучія. Они предались разврату, стали пить вино, есть свинину, съ нерадѣнiemъ совершали обряды вѣры, и прогоняли отъ себя несчастныхъ странниковъ и путешествующихъ къ Святымъ мѣстамъ богомольцевъ. Слава ихъ злобы разнеслась по миру, и всѣ убѣгали Тедмора. Случилось, однакожъ, что нѣкоторый Тарикъ-асъ-салатъ, «атеистъ», явно презиравшій долгъ пяти ежедневныхъ молитвъ, заѣхалъ въ ихъ городъ на пути къ Индійскимъ волхвамъ, и былъ принятъ ими съ отличною честію. Они дали ему великолѣпный пиръ, но какъ скоро бо-

го отступникъ сей дотронулся устами ихъ яствъ и напитковъ, вся вода въ городѣ и околоткѣ превратилась въ горькую морскую воду, вино приняло видъ и вкусъ крови, хлѣбъ и прочіе жизненные припасы мгновенно окаменѣли. Угнетенные гнѣвомъ Аллаховымъ, жители Тедмора начали умирать съ голоду, грызли землю, пожирали своихъ дѣтей и женъ, и наконецъ принуждены были покинуть жилища, чертоги и храмы, и разбрестись по разнымъ краямъ, гдѣ невѣрные поработили ихъ и обходились съ ними съ крайнею жестокостью. Опустѣлый городъ скоро превратился въ развалины. Тогда, Лале-рехъ, одна изъ первостепенныхъ и прекраснѣйшихъ Пери, испросила у Асафа, наслѣдника Соломонова, позволеніе поселиться въ нихъ и основать для себя новое царство, потому, что Джинны, то есть, зловредные духи, безпрестанными набѣгами тревожили ея родину. Подвластные ей кроткіе духи, переведенные ею изъ Перистана, страны волшебной, обитаемой моимъ родомъ, воздвигли для своей повелительницы эти величественные зданія, развели эти сады и рощи, и всею роскошью искусства и природы оживили пустынное, и унылое мѣсто, въ которомъ смертные не примѣ чаютъ ничего, кроме прежняго разрушенія, разбросанныхъ камней, торчащихъ столповъ и грудъ горячаго песку; и тотъ только изъ вѣсъ, о сынѣ Ребіевѣ, можетъ наслаждаться этимъ, невидимымъ для людскихъ глазъ, зреющемъ, кому таинственная владѣтельница Тедмора сама захочетъ оказать благоволеніе допущеніемъ его въ предѣлы сокровенного быта своихъ духовъ. Лале-рехъ жила здѣсь нѣсколько столѣтій въ счастіи и покоя. Извѣстный Шанфари, поэтъ и герой пустыни, плѣнилъ ея сердце своими подвигами, дарованіями и красотою; любовь соединила ихъ въ этомъ мѣстѣ, и Ляле-рехъ сдѣлалась матерью прекрасной Эльмасы. Когда дочь достигла совершеннолѣтія, Лале-рехъ удалилась въ Перистанъ, оставивъ ее полною владѣтельницыю Тедмора. Эльмасъ повелѣвала здѣсь до временъ Халифа Омара. Она полюбила знаменитаго Лебида, прославившагося своими несчастіями, мужествомъ и стихами; Лебида, пѣсни котораго гремятъ до сихъ порь въ пустынѣ, лишенаго пре-

стола коварнымъ братомъ и орошавшаго царскою кровію своею, въ теченіе долговременнааго скитанія, сыпучіе пески Аравийскихъ кочевьевъ, для защиты угнетенныхъ и безпріютныхъ, страждущихъ подобно ему отъ несправедливости своихъ близкихъ. Изнуренный сраженіями, голодомъ и жаждою, преслѣдуемый завистниками и неблагодарными, онъ нерѣдко находилъ здѣсь убѣжище, и здѣсь получиль онъ тѣ высокія вдохновенія, коимъ люди никогда не перестанутъ удивляться, читая бессмертныя его касыды. Лебидъ былъ мой отецъ. Послѣ его смерти, онъ погибъ отъ измѣны Греческаго Кесаря, — мать моя рѣшилась оставить эти мѣста, и, подобно своей родительницѣ, удалилась въ отчество Пері. Съ того времени я управляю обитающими въ этихъ развалинахъ и въ окрестностяхъ кроткими духами, число коихъ простирается за многія тысячи тысячь. Владѣнія мои занимаютъ ограниченную поверхность древняго Тедморскаго Царства, но они прелестны, отлично воздѣланы, усѣяны красивыми зданіями и садами, хотя людямъ кажутся нагою пустынею. Основанное моєю прародительницею государство долгое время было неизвѣстно злобнымъ Джиннамъ, врагамъ нашего рода, и тихія Пері наслаждались въ этой странѣ истиннымъ благоденствіемъ. Но съ нѣкотораго времени, одинъ изъ безобразнѣйшихъ Джинновъ, коварствомъ и лютостью превосходящій всѣхъ своихъ соплеменниковъ, открылъ мирное наше обиталище и сталъ беспокоить его своими нападеніями. Онъ называется Джань-гиръ, и величинаю похожъ на огромную гору. Много уже претерпѣли мы отъ этого свирѣпаго духа, хотя, по завѣту Соломона (да будетъ съ нимъ миръ!) Джинны не смѣютъ проникнуть внутрь черты города, построенного въ древности ихъ руками; но никогда не находилась я въ такой опасности отъ его злобы, какъ сегодня. Я гуляла въ близкихъ горахъ, и неосторожно перешла за неприступный для его племени рубежъ, какъ вдругъ увидѣла вдали голову этого чудовища, вылѣзающую изъ-за края горизонта. Чтобы обмануть его вниманіе и скорѣе добраться домой, я прикинулась газелью, и бросилась бѣжать къ Тедмору; но онъ

успѣль завидѣть меня, привалилъ какъ бурный вихрь и заступилъ мнѣ дорогу. Я принуждена была уходить въ противную сторону. Тогда и вы меня увидѣли, и погнались за мною верхомъ, съ копьемъ въ рукѣ, какъ за обыкновенною серною. Коварный Джанъ-гиръ, примѣтивъ это, тотчасъ принялъ на себя видъ страшной птицы унки, похищающей слоновъ и верблюдовъ, и тоже полетѣлъ за мною. Спасаясь отъ двухъ враговъ, я уже выбивалась изъ силъ и считала себя погибшею, когда вы великодушно, вмѣсто меня, сразили моего злодѣя. Копье ваше вонзилось ему между горломъ и костью: онъ хотѣлъ припасть къ землѣ, чтобы вырвать его изъ тѣла, но въ быстромъ паденіи, невзначай, попалъ древкомъ въ утесь, и цѣлое копье погрузилось въ его груди, пробивъ ее до самаго легкаго. Ужасная боль исторгнула у него стонъ, оглушившій нась обоихъ. Онъ улетѣлъ и, за Ливанскими горами, упалъ въ Соленое Море, на днѣ коего будетъ онъ лежать и мучиться тысячу лѣтъ, доколѣ древко не истлѣеть само собою и ржа не изгрызетъ желѣза. Вотъ какимъ образомъ, Антаръ, сынъ Ребіевъ, спасли вы мнѣ жизнь и свободу. Я вамъ благодарна и, — клянусь Аллахомъ и всѣми его пророками! — сдѣлаю для васъ все, о чемъ меня ни попросите.»

— «Царица!...» воскликнулъ Антаръ, держа въ зубахъ палецъ, отъ удивленія, возбужденнаго въ немъ разсказомъ Перри: «великая, благородная

Царица!... да истребитъ Аллахъ всѣхъ враговъ вашихъ!... могъ ли я думать, что газель, за которую погнался, была существо свыше не только сернѣ, но и самыхъ людей? Я никогда не воображалъ себѣ, чтобы на свѣтѣ водились такія чудеса. Радуюсь душевно, что имѣль случай оказать вамъ подобную услугу, но просить васъ мнѣ не о чемъ. Я несчастливъ. Я произнесъ обѣтъ блуждать уединенно въ пустыняхъ и убѣгать сообщества людей, доколѣ стрѣла рока не повергнетъ меня гдѣ нибудь на горячій песокъ, и гіены не разнесутъ моихъ членовъ по всѣмъ горамъ Аравіи. Между мною и людьми кровь и смерть желѣзнай.»

— «Намѣреніе ваше не обдумано и не достойно вашей храбрости,» сказала Пери. «Воротитесь къ вашимъ ближнимъ, которыхъ должны вы быть предводителемъ и защищено. Вамъ суждено наполнить свѣтъ славою вашего имени. Предопредѣленію противиться невозможно.»

— «Ежели такъ написано на скрижаляхъ судебнъ,» промолвилъ Антаръ, «то я слушаюсь и повинуюсь. Я ворочусь къ людямъ; но, ради вашей головы, скажите мнѣ, Царица, что мнѣ у нихъ дѣлать? Они слишкомъ несправедливы и неблагодарны. Во время моего малолѣтства, мои родственники и опекуны лишили меня всего имущества, ввѣренного ихъ чести покойнымъ отцемъ. Съ тѣхъ поръ какъ я началъ владѣть копьемъ и лукомъ, я сражался какъ левъ за ихъ обиды, а они всегда платили мнѣ за то измѣною. Мое гостепріимство и великодушіе не только не обезоружили ихъ злобы, но еще навлекли на меня ихъ клевету и зависть. Кромѣ огорченій, тяжкихъ, жестокихъ огорченій — я ничего другаго не испытывалъ въ ихъ обществѣ. Внутренность моя запылилась горемъ; въ моей груди торчить ножъ ненависти. Что же мнѣ у нихъ дѣлать?»

— «Но жизнь человѣческая,» отозвался голосъ за краснымъ занавѣсомъ: «имѣеть также свои наслажденія, и вы, при нѣкоторомъ съ моей стороны пособіи, можете вкусить ихъ, если только захотите.»

— «Жизнь наша имѣеть свои наслажденія!...» вскричаль Антаръ съ громкимъ смѣхомъ. «Наша жизнь имѣеть наслажденія!... Да простить вамъ Аллахъ грѣхи ваши, Царица; но вы шутите надо мною. Въ нашей жизни одно лишь забвеніе страданій нѣсколько уподобляется пріятности, но его надоно безпрерывно поддерживать отсутствиемъ мысли или пустыми мечтами. Ради утробы вашей матери, я хочу дознаться истины вашихъ словъ. Окажите мнѣ свое покровительство: пусть я вкушу хоть одну изъ этихъ сладостей, кои, по вашимъ словамъ, составляютъ приданое нашей жизни. Увидимъ, изъ какой онѣ долины родомъ и по какимъ горамъ пасли свои стада.»

— «На мой глазъ и мою голову,» отвѣчала Царица кроткихъ духовъ. «И такъ, вѣдай, о сынъ Ребиевъ, что, по непреложной волѣ предопредѣленія, существованію человѣка, состоящаго въ общественной связи съ его родомъ, присвоены три великия сладости: сладость мщенія, сладость властовданія надъ подобными ему тва....»

— «Сладость мщенія!...» воскликнулъ Антаръ съ неисторымъ восторгомъ, прерывая рѣчь Пери. «Да!... правда ваша: я чувствую, что мщеніе должно быть величайшою сладостью. Съ меня довольно этого. Если чѣмъ либо одолжилъ я васъ, Царица, позвольте мнѣ упоить душу этою сладостію. Болѣе ничего отъ васъ не желаю.»

— «Охотно!» отвѣчала Гюль-назаръ съ притворнымъ равнодушіемъ, въ коемъ отражалась досада. «Возьми свою кобылу и поѣзжай въ степь. Тамъ упоишь душу этою сладостью. Когда опять захочешь быть нашимъ гостемъ, то прїѣзжай въ развалины Тедмора, и старайся уснуть въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь очутишься.» —

При сихъ словахъ, исчезли въ глазахъ юноши волшебные чертоги, и онъ увидѣлъ себя сидящимъ на длинномъ, тесанномъ камнѣ, который могучимъ перстомъ времени столкнуть съ вершины столбовъ полуразрушенного храма. При немъ стояла вѣрная Балька и новое копье, даръ таинственной хозяйки и залогъ будущихъ его подвиговъ. Щитъ и сабля лежали въ томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ оставилъ ихъ поутру. Пылкій юноша схватилъ оружіе, сѣлъ на коня и помчался въ пустынѣ. Только свистъ сверкающихъ кремней и длинный столбъ пыли, похожій на дымъ, валяющій изъ костра, составленного изъ сырого терновника — долго еще показывали его направленіе.

Жаркіе и холодные вѣтры неоднократно пронеслись надъ Шамскою пустынею; вешнія созвѣздія неоднократно пролили на нее пучины водъ изъ ночныхъ и дневныхъ облаковъ, а пески Тедмора не исчертились ни однажды слѣдомъ конскихъ копытъ. Никто изъ всадниковъ не огласилъ пѣснею звучныхъ его развалинъ.... Вотъ ѣдетъ юноша на прекрасномъ гнѣдомъ конѣ. У него щитъ за плечами; на бедрѣ тя-

желая, прямая сабля; лукъ его привязанъ сзади. Но видъ юноши печаленъ, и сердце движется въ немъ чаще, чѣмъ тонкая оконечность гибкаго и упругаго копья его, сдѣланаго изъ огромной трости. Онъ поворачиваеть къ Тедмору и вскорѣ исчезаетъ изъ виду между его колоннами.

Красный занавѣсъ виситъ въ алмазномъ чертогѣ; у краснаго занавѣса сидить печальный юноша; за занавѣсомъ слышенъ милый, серебряный голосъ:

— «Миръ съ вами, Антаръ, сынъ Ребіевъ! Мы вѣсъ ожидали съ нетерпѣніемъ.»

— «И съ вами миръ, о Царица!» говоритъ уныло сынъ пустыни. «Да благословитъ Аллахъ ваши взоры! да зацвѣтутъ розы ваши на всѣхъ холмахъ сыпучаго песка!»

— «Вы нашъ гость,» сказалъ голосъ.

— «Я вашъ рабъ,» сказалъ Бедуинъ и, послѣ нѣкотораго молчанія, примолвилъ: «Я напоилъ душу сладостю мщенія, — да надѣлить васъ, Царица, Аллахъ здоровьемъ и благополучіемъ!... Точно, это большая, неизъяснимая сладость. Благодаря вашему покрову, я отмстилъ всѣмъ врагамъ моимъ. Тѣла ихъ валяются въ пустынѣ безъ погребенія, и стада врановъ и волковъ слѣдуютъ за мною повсюду, какъ за своимъ вождемъ. Мое имя наносить ужасъ и возбуждаетъ удивленіе по всѣмъ улусамъ: люди называютъ меня великимъ человѣкомъ, ибо никто не истребилъ ихъ столько, сколько я. Я купался въ крови и дышалъ вредомъ. При всякомъ пораженіи ненавистнаго мнѣ человѣка, громъ радости раздавался въ моей груди, и его отголоски, какъ ревъ тигра въ горахъ Акабы, долго еще потомъ повторялись въ пропастяхъ каменной души моей. Въ судорожныхъ корчахъ губъ врага, приколоченнаго копьемъ къ землѣ, я видѣлъ улыбку моей обиды: она прелестна!... хоть нѣсколько ужасна. Я садился среди убитыхъ мною клеветниковъ, лежащихъ на дымящемся кровью пескѣ, и бесѣдовалъ съ ними, какъ съ дорогими сердцу. О, никогда бесѣда съ любезнѣйшими и друзьями, съ нѣжною матерію, съ обожеемою любовницею, не можетъ быть слюще, веселѣе, восхитительнѣе той, какую находишь съ трупами своихъ злодѣевъ!... Мщеніе большая сладость: я

испыталъ ее въ полной мѣрѣ, и нахожу, что судьба не могла придумать ничего лучше, для услажденія томного бытія нашего на землѣ. Поистинѣ, стойть родиться, чтобы хоть нѣсколько поотмстить роду человѣческому. Но эта единственная, почти небесная сладость, по несчастію, слишкомъ кратковременна. Упоеніе ея проходитъ какъ утренній туманъ, и она оставляетъ послѣ себя непріятное ощущеніе. Что мнѣ сказать вамъ, Царица?... Когда смѣль я съ лица земли всѣ противныя глазамъ моимъ твари; когда у меня не стало ни поводовъ къ мщенію, ни предметовъ ненависти, я почувствовалъ въ сердцѣ жестокую скуку и, среди свѣтлой, яркой, многолюдной пустыни, увидѣлъ себя окруженнымъ другою пустынею, необитаемою, мертвую, холодною, блѣдною, мрачною, гдѣ солнце — рокъ, вѣтеръ — страхъ, а роса — слезы. Я безпрестанно ощащаю на языкѣ соленый вкусъ человѣческой крови; кругомъ себя я обоняю запахъ смерти. Посмотрите на мои руки: на нихъ кожа засохла, будто отъ палящаго прикосновенія завистника. Кости во мнѣ кажутся не мои, а чужія, безжизненные, окаменѣлые: онѣ холодны и тяжелы, какъ кости измѣнника, занесенные геною въ пещеру. Кровь горька, окисла, подобно водѣ покрытаго зеленою плѣсенью солончака: она мнѣ жжетъ жилы и въ горлѣ отзывается отчаяніемъ. Сырость убийства завелась въ моей груди, и я чувствую, какъ ржа красными зубами грызеть мое сердце и съѣдаетъ его мало-по-малу. Мнѣ хочется мстить.... я буду мстить самому себѣ, если вы не скажитесь надо мною. Я пришелъ просить васъ, Царица, чтобы вы меня исцѣлили. Мщеніе большая сладость, но послѣдствія ея разрушительны.»

— «Это обыкновенныя послѣдствія всѣхъ наслажденій вашей жизни,» сказала Пери. «Вѣдай, о сынъ Ребіевъ, что ядъ, оставляемый въ душѣ одною сладостью, не иначе истребляется, какъ пріемомъ другой сладости. Ихъ только три въ природѣ: всѣ прочія искусственны и требуютъ особенного напряженія умственныхъ способностей, чтобы быть постигнутыми. Первая изъ сихъ естественныхъ сладостей, какъ я уже тебѣ говорила, есть сладость мщенія: ты вкусишь ее;

вторая, сладость властованиі надъ подобными себѣ существами; третья....»

— «Я хочу испытать эту вторую сладость,» прерваль пылкій Бедуинъ. «Я увѣренъ, что она исцѣлитъ меня....»

— «И такъ, ты испытаешь ее,» примолвила таинственная повелительница Тедмора. «Поручаемъ васъ Аллаху!»

— «Да упрочитъ онъ ваше владычество!» воскликнуль витязь.

Занавѣсь исчезъ. Антаръ опять уѣхалъ въ пустыню.

Спустя нѣсколько лѣтъ, всадникъ на гнѣдомъ конѣ еще разъ появился въ окрестностяхъ Тедмора. Онъ долго кружила около развалинь, какъ-будто не рѣшаясь вступить въ черту разрушенія. Видъ его казался еще грустнѣе прежняго. Онъ остановился; думалъ долго.... наконецъ прыгнулъ съ мѣста и быстро скрылся между высокими грудами земли и камней. Съ тѣхъ поръ никто уже не видалъ его въ пустынѣ: только въ алмазномъ чертогѣ раздались голоса: — «Къ царицѣ опять приѣхалъ гость!... онъ уже не уѣдетъ отсюда.» —

Гость сидитъ у краснаго занавѣса, погруженный въ мрачную думу; царица радушно привѣтствуетъ гостя:

— «Миръ съ вами, Антаръ, сынъ Ребіевъ! Мы ждали васъ съ нетерпѣніемъ.»

— «И съ вами миръ, Царица!» отвѣчаетъ всадникъ. «Я приѣхалъ къ вамъ поклониться и поблагодарить за вашу милость. Я испыталъ сладость властованиія надъ своими близкими: она велика, удивительна и едва ли не пріятнѣе самой сладости мщенія. Оставилъ чертогъ вашъ, я признанъ былъ главою и повелителемъ безчисленныхъ поколѣній, которыя соединились у моего копья, и составили народъ сильный, храбрый и богатый. Я предводительствовалъ имъ на полѣ браны, и самовластно управлялъ имъ изъ моей ставки во время мира. Начальники и богатыри его толпились у ея веревокъ, съ благоговѣніемъ ожидая моихъ приказаній. Нѣть ничего восхитительнѣе, какъ видѣть тысячи тысячъ подобныхъ вамъ тварей, движущіяся по вашему слову, волю свою почерпающія изъ общаго источника вашей воли и, для исполненія вашихъ мыслей, охотно жертвующія своими

мыслями, имуществомъ и жизню. Властелинъ поистинѣ чувствуетъ себя духомъ и тѣломъ выше человѣка: понятія его возвеличиваются, страсти облагороживаются и теряютъ всю свою вредную силу, отъ легкости удовлетворить имъ, и его желанія уподобляются желаніямъ самой добродѣти. Обладаніе всѣмъ поселяетъ въ его душѣ спокойствіе, и клонитъ ее къ великодушію, къ щедрости, къ распространенію собственного ея счастія на все окружающее ее, словомъ, ко всеобщему благу. Но тутъ и рубежъ сладости: за нимъ начинается горечь, страшная, убѣйственная, отравляющая своимъ ядомъ дражайшія минуты его жизни. Едва примется онъ за дѣло блага, какъ тотчасъ примѣчается, что тѣ же самые, коихъ такъ пламенно желалъ онъ составить истинное благополучіе, не умѣютъ и не хотятъ возвыситься до его образа мыслей, ни понять его сердца, и съ высоты своего престола открываетъ у ногъ своихъ отверзтый адъ пронырства, гдѣ днемъ и ночью пылаютъ низкія страсти, поглощающія всѣ его благодѣянія; гдѣ лучшія его намѣренія мгновенно пережигаются въ гнусный уголь личной корысти сильнѣйшаго или проворнѣйшаго. Послѣ долгаго и утомительного боренія съ усилиями людей всячески воспрепятствовать упроченію благоденствія ихъ рода, онъ чувствуетъ усталость, исполняется негодованія, начинаетъ презирать людей, и съ того времени становится несчастнымъ. Это именно случилось и со мною. Я скоро убѣдился, что тѣ, которыхъ допускалъ я къ себѣ, старались только дѣлать меня орудіемъ ихъ жадности или средствомъ къ погибели ихъ враговъ, и мученія недовѣрчивости растерзали мою душу. Безпрестанное злоупотребленіе моей снисходительности поставило меня въ необходимость быть строгимъ и неприступнымъ. Я зналъ, какъ меня обманывали, какъ вокругъ меня разставляли сѣти и заводили пружины, чтобы поймать мою улыбку, которую потомъ безстыдно торговали въ народѣ: это поселило во мнѣ отвращеніе, лишило меня даже удовольствія смѣяться, и я, среди шумнаго сборища, среди моего могущества, увидѣлъ себя одинокимъ, безсильнымъ, обремененнымъ тяжестью бесполезной власти, преслѣдуе-

мымъ блѣдными привидѣніями подозрѣній, опасностей, измѣны. Сначала воля моя еще находила нѣкоторую пріятность въ испытаніи повиновенія моихъ приверженцевъ; но, въ послѣдствіи, ихъ работѣство отняло у нее и это утѣшительное занятіе: она уже носилась и господствовала лишь въ пустомъ воздухѣ, не хватая головъ ихъ, потому, что они ползали слишкомъ низко. Тогда скука и пресыщеніе ввергли меня въ пропасть своенравія, развлеченія коего, насильственные и изысканные, измучили мой умъ и мои чувства; и мое сердце, засохшее, обожженное снаружи и пустое внутри, подобно зрѣлому яблоку колокинта, растущаго у подножія скалы, лопнуло съ трескомъ и распрыскalo въ душѣ моей черныя, язвительныя сѣмена отчаянія. Нѣсколько разъ хотѣлъ я бросить и княжескіе шатры, и своихъ подвластныхъ, и бѣжать въ горы; но какая-то невидимая сила, вопреки моему убѣждѣнію, приковывала меня къ моему сану. Въ этой сладости властовданія, я вижу, таится тонкій, летучій огонь, который безпрестанно жжетъ вамъ сердце, держить чувства въ опьянѣніи и возбуждаетъ въ горлѣ неутолимую жажду, невольно увлекающую уста ваши къ горькой чашѣ повелительства. Наконецъ, я восторжествовалъ надъ самимъ собою, покинулъ все и прилетѣлъ къ вамъ, великая Царица, просить, чтобы вы исцѣлили мою душу. Я стражду неимовѣрнымъ образомъ: сладость властовданія произвела во мнѣ смертельную тошноту, которая душитъ, давитъ, убиваетъ меня; но мнѣ все еще хочется властовать, управлять, приказывать, располагать судьбою моихъ близкихъ: я не могу жить безъ власти, и оставивъ ее, мнѣ кажется, что я безразсудно отрекся отъ воздуха, воды и солнца.»

— «Ты страждешь естественнымъ слѣдствіемъ этой сладости,» сказала Пери. «Въ доказательство моей къ тебѣ благодарности, я душевно желала бѣ исцѣлить твою душу; но ты знаешь, о сынъ Ребіевъ, что ядъ, выжатый въ сердцѣ изъ одной сладости, уничтожается только вкушеніемъ другой. Ты уже испыталъ ихъ двѣ: рѣшаешься ли испытать третью? Но предваряю тебя, что и эта третья сладость, — великная, сильная, даже очаровательнѣе всѣхъ прочихъ, — также

оставляетъ послѣ себя ужасную, нестерпимую горечь, и, — что важнѣе — этой горечи, когда она однажды отравитъ душу, уже ничѣмъ уладить невозможнно.»

— «Я на все рѣшаюсь,» воскликнулъ Антаръ съ жаромъ. «Напрасно пожелалъ я вкусить первую сладость: лучше бы мнѣ всю жизнь оставаться несчастнымъ, какъ былъ въ молодости, не зная ни одной изъ сладостей, опредѣленныхъ намъ судьбою; но когда я отравилъ себя одною изъ нихъ, то уже хочу испытать ихъ до послѣдней. Пусть мой трупъ, напитанный ядомъ всѣхъ сладостей нашей жизни, валяясь въ пустынѣ безъ погребенія, служитъ отравою для волковъ и ястребовъ; пусть отвѣдаются они горькаго тѣла человѣка, вскормленного хлѣбомъ страстей, называемыхъ у насъ нѣжными, возвышенными и благородными, и перескажутъ товарищамъ своимъ въ горахъ Емамы, каковъ вкусъ людскаго счастія. Какъ называется эта третья сладость?...»

— «Любовь,» отвѣчала Пери.

— «Любовь?...» вскричалъ Бедуинъ. «Неужъ-то любовь сладость?... Я всегда почиталъ ее мученіемъ.... Ахъ, Царица, я уже испыталъ любовь!... Тому лѣтъ десять, на берегу потока, вблизи коего чернѣлись юрты враждебнаго мнѣ поколѣнія, встрѣтилъ я дѣвицу рабской красоты, въ длинномъ синемъ покрывалѣ, свободно накинутомъ на голову, изъ-за котораго, при всякомъ дуновеніи вѣтра, мелькало лицо свѣжѣе и прелестнѣе полной луны, появляющейся ночью изъ-за тучи и немедленно скрывающейся за другою. Она черпала воду, и когда стояла, то станѣя, ровностю своею, пристыжалъ трости, ростшія въ руслѣ потока; когда сгибалась или двигалась, то ея тѣло казалось гибче черной змѣи, прыгающей по раскаленному полуденному зноемъ песку. Въ большихъ, круглыхъ глазахъ ея мерцалъ тотъ же ясный, волшебный лучъ нѣги, какой сверкаетъ изъ взоровъ лани, поворачивающей гладкую, лоснящуюся свою шею, чтобы глядѣть на бѣлаго птенца, повисшаго у сосцевъ ея. Ослѣпленный блескомъ ея лица, я стоялъ неподвижно, какъ столбъ, указывающій путь въ пустынѣ; наконецъ рѣшился подойти къ ней и вступить въ разговоръ. Она ласково отвѣчала на мои вопро-

сы, выслушала съ пріятною улыбкою мою клятву любить ее до самой смерти, и назначила свиданіе на слѣдующій день въ томъ же мѣстѣ; потомъ подняла на голову свой сосудъ съ водою, и удалилась въ улусъ. На другое утро, я пришелъ, но она не являлась: ея уже не было въ той странѣ, и юрты того поколѣнія исчезли ночью съ береговъ потока. Тщетно искаль я ея въ цѣлой пустынѣ: никто не могъ сказать мнѣ, куда она дѣвалась. Но образъ ея съ того времени не разставался болѣе со мною: я носилъ его въ душѣ, лелѣяль въ сердцѣ и усыпляль въ своей крови. Сколько разъ ни находился я въ опасности, всегда призракъ ея представлялся явно моимъ взорамъ и, казалось, защищалъ меня отъ ярости превозмогающаго непріятеля. И мстя людямъ копьемъ, и попирая ихъ властію, не переставалъ я искать ея, думать обѣ ней и плакать. Съ нею только могъ бы я ощущать сладость любви, ежели въ любви есть какая нибудь сладость; но, безъ сомнѣнія, не увижу ея болѣе. Это, я думаю, было только привидѣніе, колдовство старой Шармаи, извѣстной во всемъ Хеджазѣ вѣдьмы, сына коей убилъ я въ единоборствѣ на копьяхъ....» —

Въ пылу рассказа о прекрасной незнакомкѣ, Анчаръ не примѣтилъ, что красный занавѣсъ раскинулся, и что всѣ, бывшіе въ комнатѣ, поверглись на землю предъ лицемъ показавшейся Царицы. Но, когда печальныя воспоминанія пресѣкли его голосъ, онъ нечаянно приподнялъ голову, и взоръ его столкнулся съ блескомъ новооткрывшагося зрѣлища, которое потрясло его душу соединеннымъ ударомъ удивленія и восторга. На пышномъ престолѣ, сияющемъ золотомъ и алмазами, сидѣла та же Бедуинка въ синемъ покрывалѣ, о которой онъ разсказывалъ.

— «Да проклянетъ меня отецъ!» вскричалъ онъ быстро, срываюясь съ софы. «Аллахъ, Аллахъ!... это чародѣйство!...»

— «Успокойтесь, сынъ Ребіевъ,» сказала она умильнымъ голосомъ: узнайте въ нелицезримой Царицѣ Тедмора ту простую дочь пустыни, которая назначила вамъ свиданіе на берегу потока, которая охраняла васъ въ опасностяхъ и невидимо исполняла ваши мысли. Я та газель, которая,

послѣ пораженія вами злобнаго Джинна, хотѣла изъявить вамъ свою признательность, ласкаясь у ногъ вашихъ. Будьте не гостемъ, а хозяиномъ въ нашемъ домѣ. Здѣсь давно ожидала васъ сладость любви, которую пожелали вы узнать такъ поздно, уже послѣ всѣхъ другихъ сладостей.» —

Она встала, подошла къ нему, и, взявъ его за руку, посадила возлѣ себя на престолѣ. Онъ все еще не вѣрилъ своему счастію, когда занавѣсь снова сомкнулся и отдѣлилъ ихъ отъ свидѣтелей.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Антаръ и Гюль-назаръ сидѣли у окна, выходящаго въ садъ, пользуясь свѣжестью прекраснаго вечера. Онъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ. Огненные его взоры, вонзясь въ розовыя щеки и роскошную грудь Пери, жадно пили изъ нихъ видъ очаровательныхъ прелестей, подобно тому, какъ свѣтлая радуга пьетъ воду въ лужѣ, образованной дождемъ на краю нагой пустыни. Дрожащія отъ страсти уста напечатлѣвали на нихъ пламенныя поцѣлуи, коихъ жаръ проникалъ до самаго сердца счастливой супруги. Вдругъ Антаръ судорожно прижалъ ее къ своей груди. — «Другъ мой!...» вскричалъ онъ: «теперь я подлинно увѣренъ, что въ жизни человѣческой нѣть ни одной сладости, которая могла бы сравниться съ сладостью любви, раздѣляемой обожаемымъ предметомъ. Она все наше существованіе наполняетъ неизъяснимою кротостью, истинно весеннимъ веселіемъ, не оставляя въ тѣлѣ ни малѣйшаго уголка для злобы, ни для печали. Кровь въ жилахъ становится сладка, какъ сокъ сахарной трости, и мечта принимаетъ виды красивѣ, плѣнительнѣе, разнообразнѣе бѣлаго тумана, являющаго въ степи въ жаркое утро обманчивую картину озеръ, деревьевъ, замковъ и городовъ съ куполами и минаретами. Душа, пылающая любовію, находится въ своемъ цвѣтѣ и дышитъ багровымъ, благовоннымъ счастіемъ розы, распускающейся подъ лучами восходящаго солнца. Но я знаю, чѣмъ оканчиваются наши сладости, и ты сама предварила меня о неминуемыхъ слѣдствіяхъ той, которую такъ сильно теперь ощущаю. Я боюсь яда, остающагося на днѣ сердца послѣ ея испаренія; боюсь новыхъ душевныхъ страданій,

хуже чѣмъ голодной смерти, и умоляю тебя потушить мою жизнь послѣднею каплею этой сладости, коль скоро примѣтишь во мнѣ, что уже горечь начинаетъ въ ней пробиваться. Поклянись мнѣ, что исполнишь мое желаніе!» —

Пери бросилась къ нему на шею, страстно слѣпила уста свои съ его устами и, послѣ долгаго... долгаго и выразительного молчанія, отрывая ихъ съ болью, дрожащимъ голосомъ, подавляемымъ слезами, произнесла: — «Клянусь!...» —

Еще минули годы. Антаръ лежитъ на мягкой и благовонной постели возлѣ прелестной Пери, и держитъ ея руку въ своихъ рукахъ; но онъ, кажется, скучаетъ. Уста его молчатъ; глаза, руки молчатъ тоже; мысль его блуждаетъ въ пустынѣ. Вѣрная Пери смотритъ на него съ состраданіемъ, прискорбiemъ, любовію; теплые лучи ея взоровъ уже не разогрѣваютъ души Антара. Она роняетъ двѣ крупныя слезы, и страстно оплетаетъ его своими руками. Онъ, какъ-будто пробужденный отъ сна внезапнымъ ударомъ крови, бросается въ ея объятія, и краснѣеть при мысли о своей холодности. Огонь ея сильною искрою перелетѣлъ въ его сердце. Любовь взволновала въ немъ всю жизнь, и зажгла ее радужнымъ пламенемъ роскоши; потомъ погрузила ее въ упоеніе, — сладкій составъ чувствъ сна, обморока и смерти, минутный образецъ райскаго благополучія, — и Антаръ, прикованный къ устамъ пылкой любовницы, нѣжно уснулъ на ея груди, уснулъ навсегда!... Пери, съ послѣднимъ поцѣлуемъ, вдохнула въ себя его душу, и соединила ее съ своею собственною. Она исполнила свой обѣтъ. Душа Антара будетъ вѣчно жить любовію въ душѣ его подруги, не вкусивъ горечи, слѣдующей за удовольствіями сей страсти въ земномъ быту человѣка.

Жизнь его вдругъ погасла, но въ его тѣлѣ, и послѣ смерти, всѣ жилы долго еще дрожали отголоскомъ счастія послѣдней минуты, подобно тому, какъ звукъ послѣдняго удара въ Христіанской колоколѣ длится безконечно въ глухихъ горахъ Ливана. Вѣрная Пери не выпускаетъ его изъ своихъ объятій. Она страстно жметъ къ сердцу холодный трупъ любовника, обливая его горячими слезами: жаръ ея

согрѣваетъ мраморную его поверхность, и холодный трупъ еще ощущаетъ сладость любви на своей поверхности.

Члены его посинѣли, тѣло уже отпадаетъ отъ костей, но Пери все-еще съ нимъ не разстается. Она нѣжно поддерживаетъ руками бренные останки возлюбленнаго человѣка, и приклоняетъ ихъ къ бѣлой какъ молоко груди своей. Она никогда не разлучится съ тѣмъ, кого такъ пламенно любила. Счастливый человѣкъ!...

Вотъ уже Антарь превратился въ бѣлый, сухой, безобразный оставъ. Она, однако жъ, ни на минуту не разнимала рукъ, коими опоясала его при смерти, и сухія кости любовника, осыпаемыя ея поцѣлуями, неоднократно проникались чувствомъ сладчайшей нѣги.

Но и кости истлѣваютъ. Кости Антара истлѣли, а сердце доброй любовницы не измѣнилось. По истечениіи многихъ столѣтій, еще могли бъ вы увидѣть кроткую Пери, неподвижно лежащую на томъ же мѣстѣ, гдѣ она въ послѣдній разъ упоялась счастіемъ любви въ его объятіяхъ. Одною рукою подпирала она прелестную свою голову, осѣненную черными, распущенными волосами; въ другой она держала горсть сѣрой пыли, весь остатокъ великаго между людьми Антара. Она умилъно смотрѣла на эту горстку летучаго праха: изъ глазъ ея упала на него слеза, и прахъ любимаго смертнаго, мгновенно обвиваясь кругомъ сего посланца сердца любезнай, еще разъ закипѣлъ сладостію.

Сенковскій.

Поэзія пустыни, или Поэзія Аравитянъ до Магомета.⁵⁸

Величайшее несчастіе древней арабской поэзіи состоитъ, конечно, въ томъ, что тѣ, которые старались нась познакомить съ нею посредствомъ переводовъ, не видали никогда Аравитянъ и неспособны были чувствовать ни какой поэзіи. Отличнѣйшій арабистъ нашего времени, покойный **Сильвестр де-Саси**, болѣе всѣхъ сдѣлалъ извѣстными въ Европѣ произведенія арабскаго поэтическаго генія, и болѣе всѣхъ лишилъ эти произведенія существенной ихъ занимательности для европейскаго поэта. Переводы его, гладкіе и точные, блѣдны до крайности: можно себѣ представить, какова должна казаться бурная, кипучая рѣчъ вдохновленнаго бедуина, когда ее переодѣнуть въ парижскую фразеологію! Школа, которую создалъ этотъ знаменитый ориенталистъ во Франціи и Германіи, наслѣдовала его любовь къ арабской поэзіи, и продолжаетъ переводить намъ ея творенія, то есть, продолжаетъ убивать ее въ своихъ переводахъ, въ которыхъ отчаянная буквальность истребляетъ всю красоту, всю силу, весь характеръ оригиналовъ. Эти деревянные переводы составляются безъ всякаго чувства поэзіи и даже безъ точнаго уразумѣнія силы и живописности выраженій; словарь играетъ здѣсь гораздо большую роль нежели основательное понятіе о предметѣ. Хлопочутъ о словахъ, трудолюбиво сливаютъ рукописи, подбираютъ и сравниваютъ различныя чтенія, мучительно добиваются до логическаго смысла: все

⁵⁸ **Бібліотека для Чтенія.** 1838. Томъ 31. Часть вторая. № 60. Іюнь. [Отдѣленіе] I. Русская Словесность. Проза. Стр. 93–130. Подпись: СЕНКОВСКІЙ. В колонититуле название: «Поэзія пустыни». Перевод «Муаллаки» Лебида на стр. 123–130.

Бібліографія, № 82. Примечание: К общей характеристику арабской поэзии приложен почти буквальный перевод «Муаллаки» Лебида.

Собраніе сочиненій Сенковскаго (Барона Брамбѣуса). Томъ седьмой. Санктпетербургъ. 1859. Стр. 165–201. Дата: 1839. Раздел «Филология. Словесность Древняя и Восточная». Перевод «Муаллаки» Лебида опубликован в Томе I.

это очень похвально, но бесполезно для поэзии. Да и можно ли передавать на другомъ языкѣ древнюю арабскую поэзію, поэзію пустыни, никогда не видавъ ни пустыни арабской, ни образа жизни ея жителей? Какое понятіе имѣеть Европеецъ о кочевомъ народѣ и его быту? Это такие предметы, которыхъ городской житель, и воображеніе, воспитанное европейскою образованностью, никогда не постигнуть, если сами ихъ не видали. Не удивительно, такимъ образомъ, если ориенталисты, которые никогда не выѣзжали изъ Европы, судять объ нихъ чрезвычайно странно. Этотъ упрекъ можно обратить и къ двумъ недавно вышедшими сочиненіямъ, въ которыхъ говорится о поэзіи Аравитянъ до Магомета, именно, *Lettres sur l'histoire des Arabes*, Г. Френеля, и *Die Poesie der Araber*, доктора Вейля. Правда, оба эти писателя были въ Египтѣ; но Египетъ не пустыня и Египтяне не бедуины, и, при всемъ уваженіи къ познаніямъ доктора Вейля, нельзя не назвать взглядовъ его на эту поэзію чисто нѣмецкими кабинетными взглядами. Между прочимъ, онъ, съ большими усилиями учености, старается убѣдить насъ, что можно писать стихи «и вѣѣ покойного кабинета», и все это для того чтобы приготовить насъ къ своему открытию, что первые арабскіе поэты были въ то же время и воины. Да кто жъ въ томъ сомнѣвался? Развѣ мы этого не видимъ изъ самаго содержанія ихъ твореній? Мы осмѣлимся сказать болѣе Г. Вейлю: эти поэты были простые кочевые бедуины.

Первое, и совершенно ложное, понятіе всякаго Европейца о кочевыхъ племенахъ заставляетъ его воображать эти народы дикими. Онъ смѣшиваетъ ихъ съ дикарями Америки и острововъ Южнаго Океана. Между-тѣмъ большая часть кочевыхъ племенъ грамотна, имѣеть книги, литературу, и не чужда даже искусствъ. Посмотрите, какъ рисуютъ наши Буряты! Право, ихъ картинки во сто разъ лучше тѣхъ, какими украшались европейскія книги въ семнадцатомъ вѣкѣ. Въ этихъ дымныхъ юртахъ неоднократно учреждались училища, семинаріи, и даже академіи; эти «пастухи» неразъ сочиняли правильныя исторіи своего племени; въ этихъ степяхъ, между стадъ овецъ и верблюдовъ, часто гремѣла слава

поэтовъ, умозрительныхъ философовъ и богослововъ. Даже созерцательная жизнь находила доступъ къ ихъ улусамъ, и нѣтъ сомнѣнія, что многія кочевыя поколѣнія бывали и бываютъ несравненно образованнѣе иныхъ народовъ земледѣльческихъ и осѣдлыхъ. Монголы, конечно, выше Черногорцевъ и Албанцевъ въ этомъ отношеніи. Какъ ни страною кажется намъ возможность существованія такихъ обществъ, которые съ своими училищами, съ своей литературой, съ своими поэтами, историками, художниками, каждую весну переходятъ въ другое мѣсто, на новое пастваще, и пытаютъ непреодолимое отвращеніе къ осѣдлой жизни и ея удобствамъ, тѣмъ не менѣе эта возможность – фактъ, который неоднократно встрѣчаемъ мы въ исторіи человѣчества и можемъ повѣрить еще и въ наше время.

Умственныя способности такихъ народовъ необходимо должны быть различны, какъ онѣ различны и у народовъ осѣдлыхъ. Если турецкія кочевыя поколѣнія отличаются особенною тупостью ума, зато монгольскія обнаруживаются рѣшительное расположеніе къ созерцательной жизни, умозрѣніямъ и отвлеченнымъ тонкостямъ, а кочевые Аравитяне, или бедуины, чистой породы, врожденную склонность къ поэзіи. Бедуинъ – стихотворецъ отъ природы и по-превосходству импровизаторъ. Можно было бы счастье за восточные гиперболы безпрерывные разсказы исторіи арабской литературы о необыкновенныхъ дарованіяхъ кочевыхъ мальчиковъ и дѣвшукъ, которые говорили не иначе какъ стихами, и превосходными стихами; но тѣ, которые бывали въ улусахъ Арабовъ Аназе, и хорошо знаютъ ихъ языкъ, могутъ засвидѣтельствовать, что и теперь, при всемъ унижениіи бедуиновъ, встрѣчаются у нихъ этого рода маленькие, оборванные, или и совсѣмъ голые геніи, которые на всякий вопросъ вашъ отвѣ чаютъ двустишиемъ. Если вспомнимъ всю трудность правилъ арабского стихосложенія, до сихъ-прѣ совершенно эллинического, основанного на точной просодіи слововъ, и притомъ сопряженного съ условными окончаніями словъ, чуждыми языку разговорному, то этотъ даръ импровизаціи въ неученыхъ юношахъ покажется

почти чудомъ, и мы легко поймемъ, почему арабскіе писатели всегда ему такъ сильно удивлялись и съ такимъ удовольствиемъ приводятъ стихи, слышанные отъ степныхъ Саннацаровъ и Кориннъ. И до-сихъ-поръ бедуины съ презрѣніемъ отзываются о стихахъ осѣдлыхъ Аравитянъ, утверждая, что горожане неспособны къ поэзіи. Мы никогда не забудемъ наивной причины, которую намъ далъ одинъ степной резонеръ, приписывая превосходство бедуинскихъ стиховъ передъ всѣми прочими тому обстоятельству, что у бедуина не бываетъ насморка. Онъ, мы думаемъ, хотѣлъ сказать этимъ, что въ его жаркихъ, сухихъ пустыняхъ мысль у человѣка всегда легка, голова всегда свѣтла и свободна, и никогда не отягчается мокротами, которыхъ накопленіе въ органѣ обонянія такъ непріятно дѣйствуетъ на мозгъ и на умственные способности. Если его замѣчаніе справедливо, и наше толкованіе вѣрно, то они могли бъ послужить къ выведенію общаго закона, что самыя неурожайныя для поэзіи страны должны быть тѣ, которыя самыя богатыя простудами. Но, какъ бы то ни было, дѣло въ | томъ, что нѣкогда и сами осѣдлые Аравитяне оказывали большое уваженіе къ поэтическимъ талантамъ бедуиновъ: доказательство этого – заботливость многихъ ученѣйшихъ Аравитянъ среднихъ вѣковъ собирать длинныя и короткія поэмы знаменитыхъ степныхъ поэтовъ, и составлять изъ нихъ антологіи съ весьма подробными комментаріями. Изъ числа такихъ сбраній, *Хамаса* славится донынѣ и нашла себѣ издателей даже въ Европѣ. Второе и еще болѣе сильное доказательство, это – всеобщее, рабское подражаніе городскихъ поэтовъ формамъ и даже фразеологіи бедуинскихъ поэмъ. Какъ во время французского классицизма греческие боги, богини и миѳы, были главными пружинами европейской поэзіи и источниками всѣхъ сравненій и метафоръ, такъ точно у городскихъ арабскихъ поэтовъ во всѣ времена обстоятельства кочевой жизни и пустыни составляли единственный колодецъ, въ которомъ они почерпали свои фигуры, свои аллегоріи, всѣ свои поэтическія выраженія. Городской стихотворецъ, который никогда не видаль ни пустыни,

ни бедуина, всегда однако жь считалъ своей обязанностью представить вамъ себя кочующимъ, говорить о своихъ перекочевкахъ, и показать свою любовницу уѣзжающею на верблюдѣ на другое пастище среди вооруженныхъ всадниковъ (*фѣрисъ*). Этотъ-то разительный и особенный характеръ арабской поэзіи Г. Вейлю слѣдовало бы прежде всего замѣтить и растолковать своимъ читателямъ.

Такимъ образомъ бедуинскій наѣздникъ обыкновенно былъ въ то время и поэтъ, особенно въ поэтическое время своего язычества, пока ученіе Магомета не превратило его въ религіознаго фанатика и не наложило печати отверженія на поэзію какъ на внушеніе діавола и занятіе противное Аллаху. Но причины быстраго упадка бедуинской поэзіи, то есть, единственной древней поэзіи Аравитянъ, потому что осѣдлые всегда, кажется, были только плохіе стихотворцы и подражатели бедуиновъ, не должно искать исключительно въ исламизмъ, религіи впрочемъ крайне враждебной поэтическимъ порывамъ и свободѣ воображенія. Этотъ огромный переворотъ, который вывернулъ всѣ понятія, всѣ нравы осѣдлыхъ и кочевыхъ Аравитянъ, долженъ былъ конечно постепенно убить поэзію пустыни и въ самой даже пустынѣ, давъ совершенно другое направленіе мыслямъ, чувствамъ, занятіямъ и отношеніямъ. Но бедуины всегда были плохіе мусульмане, и главная причина – другая: оружье бедуиновъ обращено было противъ «невѣрныхъ», то есть, иностранцевъ; съ той поры они могли сочинять поэмы только въ похвалу себѣ и своимъ подвигамъ, и самое однообразіе похвалъ должно было отнять всю прелесть у ихъ поэзіи. Кончились времена независимости и тѣхъ междуусобныхъ войнъ одноплеменныхъ поколѣній, которыхъ *фѣрисы* (рыцари) вызывали другъ друга на бой съ тростниковымъ копьемъ въ рукѣ и съ риѳмическою бранью на устахъ, и старались быть побѣдителемъ противника и оружиемъ и стихотворнымъ искусствомъ, потому что въ этомъ и состояла слава настоящаго фариса; а съ уничтоженіемъ подобныхъ состязаній рушилось по-необходимости и искусство, несмотря на врожденную склонность къ поэзіи. Передвиженія

бедуинскихъ массъ на чужбину и войны ихъ съ иностранца-ми, подъ знаменами первыхъ халифовъ, были безспорно важнѣйшею и первою причиною упадка ихъ любопытной и оригинальной поэзіи.

Безпредѣльная пустыня, съ своимъ раскаленымъ, дви-
жущимся пескомъ, который безпрерывно измѣняетъ ея по-
верхность, уподобляя ее океану; ея скалы, камни, потоки,
рѣдкіе кустарники и еще болѣе рѣдкіе зеленые оазисы съ
тѣнію; ея коренные обитатели, — львы, тигры, гіены, барсы,
волки, сайги, дикія ко|зы, миловидныя газели, пугливые
страусы, зловѣщіе вороны; солнце, пылающее надъ этойю пу-
стынею; воздухъ кипящій, наполненный огненными иголка-
ми, которыя «пляшутъ» передъ ослѣпленнымъ взоромъ;
волшебныя преображенія миража; облака бѣлыя, безвод-
ныя, сухія какъ самая почва; и облака дожденосныя, кото-
рыхъ «каждая капля равна благодѣянію», словомъ всяко-
го рода и цвѣту облака, явленія столь обыкновенныя для
сѣверного человѣка, но столь важныя, столь занимательныя
для вѣчно жаждущаго сына пустыни, который съ напряжен-
нымъ вниманіемъ слѣдить каждый клочокъ паровъ на небѣ
и связываетъ съ нимъ свои надежды и свое отчаяніе; и по-
среди этой ужасной природы человѣкъ, ставка, перекочевка,
ссора, война, истребленіе; человѣкъ, большою частью го-
лодный, съ своей любовью, съ своей местью, гордостью, ни-
щетою и славою, со всѣми страстями и доблестями своими;
человѣкъ, который Ѳдетъ одинъ въ пустыню, чтобы сра-
жаться со всѣми странствующими фарисами, единственно
для прославленія своего мужества; его страданія и подвиги,
его несчастія и пѣсни; его конь, вѣрный другъ, который
терпѣливо дѣлить съ нимъ недостатокъ и мужественно спа-
саетъ его въ несчастіи отъ «красной смерти»; его верблюдъ,
второй другъ его, все его богатство, котораго онъ боготов-
рить и воспѣвать какъ любовницу, и котораго однако жъ
всегда готовъ убить великодушно, чтобы угостить странни-
ковъ его мясомъ, или чтобы по жеребію раздѣлить части его
тѣла между голодныхъ сподвижниковъ своихъ опасныхъ
предпріятій для отмщенія сильному врагу; наконецъ одно-

кая могила этого человѣка въ пустынѣ, и кости храбраго, валяющіяся на жгучемъ пескѣ, – таковы вообще главные предметы этой удивительной поэзіи, которой нельзя уподобить ни какой другой на свѣтѣ. Отсюда-то пѣвецъ пустыни почерпаетъ всѣ свои краски, сравненія, весь свой теплый колоритъ. Здѣсь-то ищетъ онъ своихъ вдохновеній; здѣсь открываетъ незнаемыя красоты, и, наслаждаясь ими, находя счастіе въ своихъ бѣдствіяхъ, наслажденіе въ своихъ лишеніяхъ, блаженство въ своей страдальческой свободѣ, громить презрѣніемъ къ осѣдлому, котораго называетъ онъ толстякомъ, что въ языкѣ сухаго, тощаго бедуина значитъ – трусь, лѣнтия, мерзавецъ. Нельзя не признать, что такое положеніе человѣка и такой взглядъ на жизнь заключаютъ въ себѣ высокую поэтическую сторону, которая, при врожденномъ стихотворномъ дарѣ кочевыхъ Аравитянъ, должна рождать пѣсни, изумительныя для насть своей силою, своей неожиданною оригинальностью, новостью и красотою, но въ то же время пѣсни не выразимыя ни на какомъ другомъ языкѣ, образовавшемся внѣ пустыни, внѣ этой особенной природы и этой необычайной жизни. Ничто такъ рѣзко не знаменуетъ отдѣльного характера бедуинской жизни и ея поэзіи, какъ синонимы поэтическаго языка Аравитянъ: въ этомъ языкѣ все, что значитъ «щедрость» значитъ въ то же время «добродѣтель», и на-оборотъ; все, что облака – благодѣяніе; все, что низменно, сырьо, влажно, – довольство и счастіе; все, что *холодно* – превосходно, и такъ далѣе. Это почти языкъ ада: только жители пламени могутъ слить въ одно понятіе холодное и превосходное, сырость и счастіе.

Кромѣ этихъ особенностей, и параллелизма, свойственнаго также еврейской поэзіи, но о которомъ мы не станемъ говорить въ этомъ мѣстѣ по трудности растолковать подобный предметъ, не прибѣгая къ утомительнымъ филологическимъ подробностямъ, въ стихотворномъ языке древнихъ пѣвцовъ пустыни есть еще одна примѣчательная черта, а именно, постоянное усиление избѣгать употребленія существительныхъ именъ и живописать предметы посредствомъ однихъ прилагательныхъ. Поэтъ долженъ подбирать всегда |

такіе эпитеты, которые бы ясно и живо изображали предметъ, между-тѣмъ какъ онъ не называетъ. Здѣсь не нужно даже знать по-арабски, чтобы почувствовать, сколько это средство должно сообщать быстроты поэтической рѣчи: въ самомъ дѣлѣ, она мчится со скоростью арабского всадника; предметы мелькаютъ передъ вами и мгновенно исчезаютъ, и воображеніе читателя, въ безпрерывномъ очарованіи, спѣшить, и съ трудомъ успѣваетъ, пополнять подробностями картины, которая поэтъ едва позволяетъ вамъ завидѣть и различить по краскамъ. Но тутъ же всякой скажетъ, что подобной поэзіи нѣтъ возможности передать на другомъ языкѣ. «Лился крупный, обильный изъ всякаго утренняго и ночнаго, несомаго южнымъ и отвѣчавшаго другому трескомъ»: такъ говорить *Лебидъ* о дождѣ, облакахъ и вѣтрѣ. Вся сила этого стиха исчезаетъ въ переводѣ, который прошлось бы растянуть всѣми выпущенными именами, чтобы сдѣлать его совершенно понятнымъ для западнаго читателя. И это неудобство является въ полной своей силѣ особенно тамъ, гдѣ надобно переводить арабскія поэтическія сравненія, которые не заключаются въ одномъ или двухъ стихахъ, какъ у насъ, но обыкновенно составляютъ огромную и богатую картину, стиховъ въ сорокъ и болѣе: при непостижимой быстротѣ поэтической рѣчи, стремящейся съ силою горнаго потока, пропускающей все, чтѣ можетъ быть дополнено воображеніемъ, набрасывающей однѣ только краски, широко, рѣзко, какъ въ театральной декораціонной живописи, гдѣ художникъ старается единственно произвести эффектъ въ цѣломъ, посредствомъ искуснаго освѣщенія, читатель невольно увлекается самою этой быстротою рѣчи и преходитъ къ предмету сравненія безъ усталости, какъ-бы перенесенный волшебствомъ черезъ огромныя пространства: но станьте пополнять эти великолѣпныя картины по правиламъ нашей тяжелой и осторожной фразеологии, и длина ихъ удвоится, – и сравненіе покажется утомительнымъ, – вся прелесть, вся оригинальность будутъ потеряны. Поэтому всѣ переводы древнихъ арабскихъ поэмъ ужасны, и рѣшительно несносны для того, кто въ состояніи читать эти

поэмы въ подлинникѣ. Переводы, которые мы предложимъ впродолженіи этой статьи, ужасны тоже, но мы и не выдаемъ ихъ за переводы: это будутъ только общія содерянія.

Пятое и шестое столѣтіе по Рождествѣ Христовомъ были по-видимому золотымъ вѣкомъ поэзіи аравійской пустыни. **Мугальгиль** сочинилъ первую поэму въ тридцать стиховъ, или, правильнѣе, первую, которая дошла до насъ. Онъ-то, говорять, далъ поэтическому языку Арабовъ подлежащую окружность и утонченность, отъ чего, по мнѣнію многихъ писателей, и присвоено ему проименованіе Утончителя, **Мугальгиль**. Онъ былъ фарисъ, странствующій рыцарь пустыни, и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ, и, по преданіямъ, вельможа безпокойную и полную приключеніями. **Мугальгиль** былъ братъ **Кулейба** изъ колѣна **Вайль**, который, начальствуя надъ Арабами племени Маадъ, со славою предводительствовалъ ими въ походахъ на защиту ихъ свободы противъ владѣтелей Счастливой Аравіи. **Кулейбъ** употребилъ во зло свою власть; присвоилъ лучшія пажити и воды для себя и стадъ своихъ, и наконецъ въ гордости выстрѣлилъ по чужому верблюду, который заблудился въ его владѣніи: за это и былъ убитъ **Джасаномъ**, сыномъ **Мурра**, изъ племени Бекритовъ. **Мугальгиль**, по священному обычаю пустыни, долженъ былъ мстить за кровь своего брата, собралъ Таглебитовъ, пошелъ войною на Бекритовъ и воевалъ съ ними сорокъ лѣтъ; въ то же самое время онъ воспѣвалъ свои подвиги. Небольшой отрывокъ его пѣсней сохранился у **Суоти**. Г. Френель приводить другой отрывокъ изъ **Ибнъ-абдъ-Наббуви**.

«О Кулейбъ! что осталось добраго на землѣ и меж|ду ея обитателями, съ тѣхъ поръ какъ ты отъ нихъ скрылся? О Кулейбъ! кто сравняется съ тобою въ храбости и великолѣдіи на полѣ брани, кто могъ въ палаткѣ, съ чашою въ руки, состязаться съ тобой въ питьѣ среди веселыхъ гостей? Когда вѣстники смерти произнесли имя, я закричалъ имъ: «И земля еще не трясется? И горы еще стоять на своихъ основаніяхъ? Не онъ ли удерживалъ дѣла этого свѣта въ равновѣсіи? Не его ли сила, и не его ли рѣшимость?..» О, мой

брать! я не въ состояніи исчислить всѣхъ твоихъ доблестей. Кто могъ подобно тебѣ управлять конемъ? Кто, какъ ты, умѣль возбуждать и вести всадниковъ въ величайшія опасности? При тебѣ, какъ у юныхъ дѣвицъ окрашены пальцы розовымъ сокомъ хенны, такъ у каждого всадника конецъ копія обагренъ быль всегда вражьюю кровью.»

Славнымъ соперникомъ **Мугальгилы** быль начальникъ тѣхъ же Бекритовъ, наѣздникъ и поэтъ **Харитъ**: изъ поэмы его, составлявшей около ста стиховъ, мы имѣемъ только слѣдующій отрывокъ, приведенный покойнымъ **де Саси**:

«Въ то время, какъ бразды правленія Ноамовъ были въ моихъ рукахъ, война съ сынами Вайля истощила мои силы, и лѣта ослабили мое тѣло.

«Въ то время, какъ въ рукахъ моихъ были бразды правленія Ноамовъ, волосы у меня такъ посѣдѣли, что мои домашніе не узнавали меня болѣе.

«Богу извѣстно, что я не принадлежу къ виновникамъ этой пагубной войны, но пламя ея пожрало и меня.»

Вскорѣ потомъ являются **Шанфари** и **Антарь**, первый – изъ поколѣнія Аадъ, столь же славный воинъ, бѣгунъ, стрѣлокъ, какъ и поэтъ. Тестъ **Шанфари** быль убитъ племенемъ Саламанцевъ за то, что дочь свою отдалъ за Шанфари, потомка рабы. Поэтъ наложилъ на себя обѣтъ не стричь волосъ, не обрѣзывать ногтей и не мыться, пока не убьетъ ста человѣкъ изъ племени Саламанцевъ. Онъ долго странствовалъ въ пустынѣ, преслѣдуя вездѣ своихъ противниковъ. Ему удалось собственною рукою предать смерти девяносто девять Саламанцевъ: послѣ того онъ погибъ. Черепъ его валялся на пескѣ. Одинъ Саламанецъ съ презрѣніемъ толкнулъ этотъ черепъ ногою, но осколокъ кости героя смертельно ранилъ гордаго Саламанца, и такимъ образомъ обѣтъ исполнился. Стихи **Шанфари** можно почесть за лучшіе и самые сильные изъ всей арабской словесности. Собственныя его слова яснѣе покажутъ, какъ онъ жилъ.

«Сыны матери моей, говорить онъ своимъ соплеменникамъ, которые не хотѣли помочь ему отмстить Саламанцамъ за смерть его тестя: отвяжите вашихъ верблюдовъ, уѣзжай-

те, не ждите меня! Я пристаю къ обществу хищныхъ звѣрей, скрывающихся въ пещерахъ и среди скаль! Все уже готово къ вашему отъѣзду; луна освѣщаетъ пустыню; верблюды осѣдланы; подпруги подтянуты: вы можете пуститься въ путь; ждать нечего. А я остаюсь здѣсь, остаюсь одинъ. Есть еще на землѣ мѣсто, куда можетъ укрыться благородный отъ насилия! Найдется еще убѣжище для того, кому измѣняютъ низкія души!

«О, да! просторна земля для храбраго, который не страшится и мрака ночнаго, когда надобно убѣгать злыхъ, или стремиться къ цѣли своего желанія. Будутъ у меня товарищи лучше и вѣрнѣе вась: ненасытимый волкъ, щетинистый барсъ, и гіенна съ косматымъ затылкомъ. Вотъ друзья, которые крѣпко хранять вѣренную тайну! вотъ души, которыхъ не измѣняютъ въ несчастій! Никто изъ нихъ не стерпитъ обиды; быстро спѣшатъ они на битву: да я быстрѣе ихъ, когда надобно стремиться навстрѣчу непріятелю! Только тогда какъ надобно протягивать руку къ добычѣ, я не такъ быстръ какъ они, потому что въ подобныхъ | случаяхъ самые низкіе дѣлаются первыми. По моему великодушію поступаю я такъ при раздѣлѣ добычи; и нѣтъ сомнѣнія, что кто бываетъ тогда великодушнѣе прочихъ, тотъ и доблестнѣе всѣхъ. Три друга замѣнятъ мнѣ потерю людей, которые за мои благодѣянія воздали мнѣ неблагодарностью: гордое, храброе сердце, восточенный мечъ, и мой длинный лукъ изъ крѣпкаго дерева! Я не изъ тѣхъ малодушныхъ, которые не отходять отъ своихъ женъ и совѣтуются обо всемъ съ ними. Я не принадлежу къ числу тѣхъ трусовъ, которыхъ страусово сердце дрожитъ, будто несомо было на трепещущихъ крыльяхъ птички. Я не ничтожный сластолюбецъ, который вѣчно забавляется съ дѣвушками, и натирается цѣлый день благовонными мазями. Ежели матушка Воина грустить теперь обѣ удаленіи Шанфари, зато прежде былъ онъ ея радостью. Но слишкомъ долго былъ онъ игрушкою несправедливостей, которая дѣлились его тѣломъ по жеребью, какъ дѣлять мясо убитаго верблюда. Когда онъ спалъ, злая судьба бодрствовала, чтобы приготовить ему новую бѣду.

Несчастія стали посещать его такъ исправно, какъ четверодневная лихорадка. Часто я ихъ отгонялъ, но всѣ новыя приходятъ со всѣхъ сторонъ..... Я бываю то бѣденъ, то богатъ; но тотъ только и пріобрѣтаетъ прочныя богатства, кто съ великимъ, предпріимчивымъ духомъ соединяетъ терпѣніе. Мой духъ не упадетъ, и ни передъ кѣмъ не скрыта моя бѣдность; но если иногда блестѣли и мои богатства, зато я не зналъ гордости и высокомѣрія.»

Антаръ, одинъ изъ семи поэтовъ, которыхъ творенія, возбуждавшія всеобщій восторгъ, повѣщены были на золотыхъ цѣпяхъ въ меккскомъ храмѣ Каабѣ, пантеонѣ древнихъ Аравитянъ, и оттого получили название *моаллака* (привѣщенныхъ), храбрый Антаръ еще въ юношествѣ освободилъ родственниковъ и друзей своихъ изъ плѣна. Онъ былъ исустрашинѣйший фарись поколѣнія Абсъ, и дѣятельнѣйший герой въ сорока-лѣтней войнѣ, известной у Арабовъ подъ именами Дагесь и Габра. Изъ его «привѣщенной» поэмы мы приведемъ то мѣсто, гдѣ онъ говорятъ своей возлюбленной:

«Если ты меня не знаешь, то распроси фарисовъ обо мнѣ⁵⁹. Видишь ли, я всегда на сѣдлѣ, на быстро-ногомъ конѣ моемъ, который уже причиною погибели многихъ воиновъ: стремится онъ одинъ въ сѣчу, и мгновенно возвращается въ ряды опытныхъ стрѣлковъ. Кто вмѣстѣ со мною сражался, тотъ расскажетъ тебѣ, что я всегда первый въ битвѣ, и послѣдній тамъ, гдѣ дѣлять добычу.

«Многихъ героевъ, которыхъ страшились и храбрѣйшіе, героевъ, которые никогда не обращались въ бѣгство и не сдавались, сразила уже рука моя; по краткомъ боѣ, прямымъ и упругимъ копьемъ. Ихъ латы разлетаются въ куски; копье мое прокладываетъ себѣ дорогу ко всякому храброму сердцу, и сраженнаго врага какъ заколотаго барана я отдаю на сѣденіе дикимъ звѣрямъ, которые гложутъ его мощныя

⁵⁹ * Говоря о рыцарствѣ (Б. для Ч., 1838, номеръ 52, отдѣленіе третье), мы уже сказала, что слова *chevalier*, *cavaliere*, суть буквальный переводъ слова *фарись*, которое въ арабскомъ происходитъ отъ *фарасъ*, конь, какъ *chevalier*, *cavaliere*, происходитъ отъ *cheval*, *cavallo*. Нѣмецкое *Ritter* (рыцарь) выражаетъ ту же идею, какъ происшедшее отъ *Reiter*, всадникъ.

плечи и желѣзные пальцы. Сколько мой мечъ раздробилъ кольчугу на всадникахъ, которые умѣли храбро защищать все для нихъ дорогое! Сперва я повергаю ихъ копьемъ, а потомъ устремляюсь на нихъ съ блестящимъ мечемъ. Ивой былъ такъ крѣпокъ и такого огромнаго росту, что можно было почесть его за дубъ, одѣтый въ латы, и что цѣлая воловья кожа нужна для закутанія одной ноги его.»

Самое блестящее время поэзіи аравійской пустыни относится, какъ мы уже сказали, къ пятому столѣтію,¹ когда потомки **Маада** подъ предводительствомъ **Рабія**, отца **Мугаль-гиля**, когда всѣ бедуины воевали за свою независимость противъ соединенныхъ государей Емена; къ той эпохѣ, когда сорока-лѣтняя война кровавою чертою раздѣляла многія племена Арабовъ. Большая часть поэмъ этого времѣни отличается рыцарскимъ духомъ, и содержаніемъ служить имъ сраженія, стычки, поединки. Неустрашимость при видѣ врага, и ловкость въ битвѣ, воспѣваются въ нихъ съ сильнѣйшимъ восторгомъ. Главная цѣль тогдашнихъ поэтовъ заключалась въ томъ, чтобы въ пѣсняхъ своихъ возвѣстить свѣту живо и вѣрно события, въ которыхъ сами пѣвцы и ихъ поколѣнія покрылись славою, и по этой причинѣ стихотворное искусство было въ такомъ уваженіи у бедуиновъ, что при первомъ всенародномъ одобреніи поэта, все поколѣніе въ торжественной процессіи отправлялось къ его родителямъ, чтобы поздравить ихъ съ такимъ счастіемъ. Всякому колѣну необходимы были свои поэты, не для того только, чтобы его военные подвиги были воспѣты въ улусѣ, но чтобы и отдаленныя колѣна уважали и боялись его. Потому-то на ярмаркѣ въ Оккадѣ, гдѣ собирались бедуины изъ всѣхъ поколѣній, бывали публичныя состязанія поэтовъ, для награды достойнѣйшихъ. Пѣвецъ,увѣнчанный всеобщимъ одобреніемъ, по приговору избранныхъ судей имѣлъ право повѣстить свою поэму въ храмѣ Каабѣ, гдѣ она, получивъ золотыя украшенія, привлекала къ себѣ удивленіе богомольцевъ: съ тѣхъ поръ она жила въ изустныхъ преданіяхъ народа, и прочитывалась при торжественныхъ случаяхъ. Арабскіе поэты играли часто роль скандинавскихъ Скаль-

довъ при междоусобныхъ распрахъ. Продолжительныя вражды часто утишались черезъ посредничество сильного сосѣда, и на поэтовъ возлагалась защита, передъ избранными судьями, правъ того и другаго племени. Такъ послѣ сорока-лѣтней| войны, при возникшемъ спорѣ между Таглебитами и Бекритами обѣ одномъ источникѣ въ пустыни, выбраны были царь **Амру-ибнъ-Гиндъ** въ посредники, а два поэта **Амру-ибнъ-Кельтумъ** и **Харетъ** въ защитники правъ, первый Таглебитами, второй Бекритами. Каждый изъ нихъ хвалитъ въ стихахъ добродѣтели своего племени и укоряетъ противника въ трусости и насилии. **Амру** славить своихъ за то, что они всегда пребыли независимыми и не преклоняли головы, подобно Бекритамъ, подъ иго сосѣднихъ властителей.

«О Амру, говорить онъ царю-судѣ, не спѣши, погоди; мы возвѣстимъ тебѣ правду. Мы тебѣ скажемъ, что всегда выступаемъ въ поле битвы съ бѣлыми знаменами, но приносимъ назадъ обагренныя непріятельскою кровью. Мы напомнимъ тебѣ славныя битвы. Мы сражались и противъ тебя, потому что не хотѣли унизить себя дотого чтобы покориться твоей царской власти.

«Копья наши пронзаютъ бѣгущихъ отъ нась, и мы всегда хватаемся за мечъ, когда на насъ нападаютъ. И тогда черепы непріятельскіе лежать по землѣ кучами, подобно караваннымъ выюкамъ, снятymъ съ верблюдовъ во время ночлега въ каменистой пустынѣ. Мы открыли у противниковъ нашихъ столько измѣнъ, что удерживаемая досада наконецъ должна была разразиться. Ежели какое-нибудь племя, страшась бѣдствій, не дерзalo само выступить, то мы выставляли свои войска, какъ утесъ съ острыми боками, и первые шли защищать нашу славу. Мы выходимъ съ юношами, любящими смерть благородную, и со старцами опытными въ войнѣ. Ни одинъ народъ не припомнить, чтобы мы когда-либо унижались: никогда не покорялись мы по малодушію! Какъ же могъ ты требовать отъ нась, **Амру**, чтобы мы сдались твоимъ намѣстникамъ? Какъ могъ ты внимать клеветѣ и смотрѣть на| нась съ презрѣніемъ? Остановись съ твоими

совѣтами и угрозами! Когда были мы данниками твоего дома? Копья наши, **Амру**, и прежде тебя, не уступали ни чимъ въ свѣтѣ. И вы, сыны **Бекра**, не слыхали ли вы уже отъ нась правды? Не знаете ли вы нашихъ и своихъ воиновъ, когда они сражаются копьями и стрѣлами? Прекрасныя жены слѣдуютъ за нами на войну, и мы мужественно охраняемъ ихъ, чтобъ онѣ не сдѣлались добычею вашей и не были посрамлены. Онѣ кормятъ нашихъ коней и говорятъ: Вы не мужья намъ, если насть не обороните! Когда колѣна Маадовы разбиваютъ свои юрты въ долинахъ, то имъ очень хорошо извѣстно, что мы остаемся тутъ же, пока намъ нравится, и переходимъ въ другое мѣсто только тогда, какъ намъ захочется. Мы пьемъ воду, пока она свѣтла и чиста, и коль-скоро сдѣляется мутною и грязною, мы ее оставляемъ другимъ. Другія поколѣнія часто переносили гнѣтъ жестокой власти: мы не допустимъ до себя подобнаго безчестія! Мы будемъ распространяться по землѣ, пока она не сдѣляется для нась тѣсною, и пока море не покроется нашими кораблями! Едва наши дѣти покинутъ грудь матерей, и герои уже падаютъ передъ ними съ почтеніемъ.»

Харстъ не такъ силенъ въ своей защитѣ какъ **Амру**; вмѣсто того чтобъ восторженностью увлечь судью, онъ старается убѣдить его тонкостями и уловками; онъ дѣляетъ Бекритамъ язвительные упреки въ безпрестанной невѣрности данному слову и въ пустомъ хвастовствѣ; напоминаетъ многія пораженія, за которыя они не отмстили; указываетъ на ихъ случайныя побѣды, постыдно употребленныя ими во зло, и обращается къ своему противнику: «О ты, который клевещешь на насть передъ **Амру!** долго ли устоить твоя ложь? Не думай, чтобы твои нападенія имѣли какую-нибудь силу противъ нась. И прежде тебя, другіе непріятели много худаго взводили на насть; но отъ всей¹ ихъ злобы защитили насть твердыни и наша незыблемая слава, которыя во многихъ уже возбуждали зависть, и всегда поражали дерзавшихъ покушаться противъ насть.

«Если постигали насть неудачи или несчастія, это все ровно какъ-будто ниспадали они на высокую и мрачную гору,

которая вершиною, прорывая облака, съ спокойнымъ видомъ и неподвижно отражаетъ отъ себя всѣ дерзкие удары. Спросите, что произошло между **Мильхою** и **Шакибомъ**, и найдете, что вы многихъ оставили неотмщеными, а мы воздали вамъ за все. Вы хорошо нась познали, когда всѣ поколѣнія кровожадно устремлялись одно противъ другаго; когда каждое колѣно находилось въ безпрерывной тревогѣ; когда и храбрѣшіе не смѣли жить на равнинахъ, а трусливымъ не помогало бѣгство. Оставьте притворство и высокомѣре; они только увеличиваются вашу несправедливость.»

Для бедуиновъ, разсѣянныхъ по пустынѣ и вѣчно борющихся съ недостаткомъ, гостепріимство и великодушіе къ бѣднымъ и неимѣющимъ пристанища, должны послѣ храбрости занимать второе мѣсто между благородными качествами и, слѣдовательно, быть предметами стихотворства. Покровительство и благодѣянія, оказываемыя чужестранцу или союзнику, не менѣе были почетны какъ и храброе нападеніе на врага; но лишь-только побѣда погашала пламя войны, первымъ долгомъ побѣдителя было зажечь «огонь гостепріимства», который бы указывалъ путнику, во время ночи, готовый для него столь а кровь.

«Когда честь человѣка безъ пятенъ, говорить **Самуилъ Адіецъ**, который исповѣдывалъ еврейскую вѣру подобно многимъ тогдашнимъ Аравитянамъ, то прекрасно всякое одѣяніе, какимъ онъ ни покрытъ. Не умѣющій переносить ни какихъ несчастій, не найдетъ пути къ блестящей славѣ. Упрекаютъ насъ въ! нашей малочисленности; я отвѣчу: Да, это справедливо; благородныхъ немногого.

«Многіе говорятъ: что думаетъ о себѣ народишко Адіцы? Онъ стремится къ славѣ, а самъ такъ ничтоженъ, и живеть совершенно въ безвѣстности? Но вредна ли намъ наша малочисленность, когда желающій воспользоваться нашимъ кровомъ почтенъ; между тѣмъ какъ гости многочисленныхъ колѣнъ бываютъ унижаемы? Мы возводимъ тѣхъ, кого однажды приняли подъ свое покровительство, какъ-бы на неприступную гору, которая такъ высока, что взглянувъ на

нее, вдругъ опускаешь утомленные глаза; гору, которая основаниемъ своимъ проникаетъ глубоко въ землю, между тѣмъ какъ вершины деревьевъ ея возвышаются до звѣздъ. Мы чисты какъ вода облаковъ, и наши клинки не имѣютъ зарубокъ. Между нами нѣтъ скупыхъ. Падетъ ли одинъ изъ нашихъ героеvъ, тотчасъ возстаетъ другой, и слѣдуетъ словомъ и дѣломъ примѣру благородной жертвы. Огонь нашъ никогда не потухаетъ, чтобы ночной странникъ зналъ, гдѣ живеть гостепріимство, и никогда путешественникъ не вспомнить насъ зломъ.»

Самуиль не преувеличивалъ благородныхъ качествъ своего племени: это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что спасавшійся бѣгствомъ **Амрулькайсъ** не зналъ никого, кому бы могъ вѣрнѣе отдать въ сохраненіе свое оружіе, какъ Адійцамъ, и онъ не обманулся. Когда **Харетъ**, противникъ **Амрулькайса**, взялъ въ плѣнъ сына **Самуилова**, и за выкупъ его требовалъ сто панцырей Амрулькайсовыхъ, **Самуиль** согласился лучше видѣть смерть собственнаго сына нежели выдать вѣренное себѣ оружіе. **Самуиль** разсказываетъ:

«Я вѣрно сохранилъ панцири **Киндія**, и тѣмъ избѣжалъ безчестія, которое бы меня могло постичь. Мой отецъ сказалъ мнѣ однажды: **Самуиль!** не разрушай того, что я построилъ.»|

Славный поэтъ **Ааша** упоминалъ объ этомъ происшествіи и обезсмертить его своими стихами.

«Поступай, какъ **Самуиль**. Когда одинъ могущественный князъ напалъ на него съ толпою воиновъ, густою какъ мракъ ночи, онъ не обинуясь сказалъ: Умерщвляй твоего плѣнника, но я буду защищать пришедшаго подъ мою защиту.»

Образцомъ щедрости почитается у Арабовъ **Хатемъ**, изъ племени Таи. Нѣкоторые изъ его стиховъ дошли до васъ. Онъ говоритъ въ нихъ женѣ своей:

«Ежели ты мнѣ приготовила кушанье, то добудь мнѣ еще и товарища для обѣда; одинъ я не могу ъсть. Призови или сосѣда, или путешественника: не хочу, чтобы послѣ моей смерти говорили обо мнѣ худо! Какъ человѣкъ можетъ до-

сыта наѣдаться, когда желудокъ его сосѣда пустъ? Лучше смерть, нежели изобиліе скрупуза, который безъ жалости мимо пропускаетъ утомленного странника! Я слуга моимъ гостямъ, пока они находятся подъ моимъ кровомъ; только для этого одного – рабское во мнѣ чувство. Клянусь Тѣмъ, который одинъ знаетъ сокровенное и оживляетъ истлѣвшія кости, что мнѣ пріятнѣе угощать моихъ гостей и самому голодать нежели слыть скрягою!»

Во многихъ мѣстахъ *Хамасы*, собранія древнихъ бедуинскихъ стихотвореній, щедрость прославляется въ высочайшей степени, и мы уже замѣтили, что въ поэтическомъ языкѣ древнихъ Аравитянъ «щедрость» и «честь», «скропость» и «низость» суть синонимы.

«Оставь меня, мать моего Хайтама! говоритъ *Амру-ибнъ-Атамъ*: скупость лишаетъ человѣка лучшихъ его достоинствъ. Дозволь мнѣ быть великодушнымъ: благородная слава безъ пятна весьма дорога моему сердцу. Оставь меня! мнѣ должно исправить важнія дѣла; священные обязанности призываютъ меня помогать несчастному. Вольный (бедуинъ) страшится только| того, чтобы его гостепріимство не было осуждаемо, а путь которымъ идутъ такие люди, есть путь добродѣтели. Клянусь твою жизнью, ни какая земля не тѣсна для такихъ жителей!..... одни только пороки дѣлаются ею для насъ тѣсною.»

Поэтъ *Марраръ* говоритъ въ *Хамасѣ*: «Я поклялся, чтобы, когда мрачная ночь окружаетъ мою юрту, никогда не скрывать огня своего отъ странника. Други! пусть огонь ярко пылаетъ у насъ, чтобы онъ всю ночь свѣтилъ нуждающемуся путнику; пусть къ огню нашему приближается всякой честный человѣкъ, котораго одолѣли голодъ и усталость. Если онъ потомъ захочетъ со мною познакомиться и спросить, какъ меня зовутъ, я громко возвѣщу ему имя мое. Весело провелъ я ту ночь, въ которую удалось мнѣ принять гостя и предложить ему лучшія свои яства, которыхъ я не выигрываю въ kosti.»

Любовь также составляетъ нерѣдко предметъ древней поэзіи пустыни. Въ *Хамасѣ* сохранились и любовныя поэмы

того времени, когда жена не была еще рабою мужа.

«Ни какое мученье не равняется мученью любящаго, хотя бы онъ и вкусиль пріятнѣйшую награду любви. Его томять то желанія, то боязнь разлуки, и онъ всякой часъ плачетъ. Удалится ли его любезная, онъ вздыхаетъ въ слѣдъ ея; подлѣ него ли она, – тутъ овладѣваетъ имъ страхъ, чтобы не ушла. Краснѣютъ глаза его, когда она удаляется отъ него; горятъ, когда она возвращается.»

Другой поэтъ говоритъ: «Я былъ силенъ какъ герой, доколѣ разлука не раздула въ моемъ сердцѣ горячихъ углей; мнѣ представлялось, что продолжительное блаженство прежнихъ дней умалить много любовь. Но сердце мое такъ жаждетъ новаго свиданія, какъ изсохшая земля, послѣ перваго весеннаго дождичка, ожидаетъ другаго. Я томлюсь же ланiemъ видѣть разкрашенные любезнай руки, черные лононы, золотыя ея ожерелья и бѣлыя щеки. Прелестна стройность ея! Перлы должны бы укрывать шею, но не онѣ даютъ ей блескъ, а сами отъ нея блестятъ.»

«О красная дѣвица! ты такъ дѣлала меня счастливымъ, что сердце мое плавало въ нѣгѣ, подобно дикому голубю, купающемуся въ ночной росѣ.»

Послушаемъ еще, какъ славный поэтъ **Ааша**, жившій уже во время **Магомета**, воспѣваетъ свою любезнью, пѣвицу **Хурейру**.

«Настала минута сказать **Хурейрѣ** – прощай! Поколѣніе ея выступаетъ въ путь чтобы перейти на другое пастбище. Но достанетъ ли силъ произвести ей «прощай»? Какъ ослѣпительна бѣлизна ея чела! Какъ длинны и густы ея волосы! Какъ блестятъ ея зубы! Медленна и спокойна ея походка, какъ шагъ коня пораненного въ ногу. Когда она идетъ изъ юрты своей сосѣдки, то величественно колеблется, подобно облаку, которое тихо плаваетъ въ воздухѣ. При каждомъ выступлѣ, слышится звукъ брякающихъ медаліоновъ, которыми украшены ея безчисленныя косы, звукъ, подобный издаваемому сѣменами вѣтромъ колеблемаго ишрика. Она не изъ числа тѣхъ дѣвицъ, которыхъ ненавидятъ подруги, потому что никогда не ищетъ она подслушивать ихъ тайны. Она

сложена такъ нѣжно, что даже ни разу не можетъ посѣтить своей сосѣдки безъ усилія и напряженія. Когда она немного поиграетъ съ своею подругою, то все тѣло ея приходитъ въ трепетаніе. Едва я увидѣлъ ее, тотчасъ и полюбилъ; но, увы, она пламенѣеть къ другому, который расточаетъ любовь свою передъ иной красавицей! Любить и меня также другая дѣвица, но я къ ней не чувствителенъ. Такъ дѣлимъ мы всѣ одинаковую участъ; такъ чувствуемъ всѣ мученія любви, и каждый попадаетъ въ тѣ же сѣти, которыми самъ опутывалъ другихъ. |

Антаръ говоритъ своей возлюбленной:

«Я думаю о тебѣ, когда даже непріятельскія копья утоляютъ во мнѣ свою жажду и острые клинки купаются въ моей крови. Меня веселять мечи, когда ударяются другъ объ друга, потому что они сверкаютъ тогда какъ твои блестящіе глаза, когда ты улыбаешься.»

Во многихъ моаллакахъ съ любовію воспѣваются вмѣстѣ неустршимость и благородство духа самаго пѣвца и его племени. Сперва поэтъ изображаетъ владычицу своего сердца; припоминаетъ многіе счастливые часы, которые съ ней проводилъ и которые внезапная война прекращала; онъ не утышеннъ о своей потерѣ, но на краю отчаянія перестаетъ жаловаться и ободряетъ себя мыслю, что онъ – украшеніе своего племени, которое также вѣнецъ всѣхъ земныхъ племенъ; онъ бросаетъ послѣдній горестный взглядъ на сѣтующія уединенные мѣста, гдѣ нѣкогда раскинута была палатка его любезной; потомъ стѣсняетъ вздохи свои въ глубинѣ груди; вскакиваетъ на коня или верховаго верблюда, лучшаго и прекраснѣйшаго изъ всѣхъ въ его землѣ, чтобы помочь одноплеменникамъ; опоясываетъ мечъ, который поражалъ уже сильнѣйшихъ; мчится черезъ жгучіе пески къ храбрымъ своего колѣна, и, начальствуя ими, нападаетъ на непріятелей. Едва онъ побѣдилъ, и уже состраданіе пробуждается въ душѣ его; онъ великодушенъ къ побѣжденнымъ, признающимъ его превосходство и возвращаетъ все, что получиль въ добычу.

Описательный характеръ придаетъ этой поэзіи еще осо-

бенный отгънокъ. Изображеніе быстрого коня, который несетъ бедуина въ битву, терпѣливаго верблюда, товарища его въ далекихъ походахъ, и острыхъ оружій, которыми защищаетъ онъ свое имѣніе и жизнь, занимаетъ въ арабскихъ поэмахъ того времени значительное мѣсто. Здѣсь-то въ особенности пускаются| поэты пустыни въ тѣ длинныя сравненія, о которыхъ мы прежде говорили. Гномовъ, или нравственныхъ изрѣченій, не забываютъ также они средь самыхъ богатыхъ картинъ своихъ. *Суоти* даже говоритъ, что бедуины не почитаютъ хорошимъ поэтомъ того, кто въ свое стихотвореніе, какого бы оно ни было содержанія, не вплетаетъ мудрыхъ изрѣченій. Такъ *Амрулькайсъ* заслужилъ имя хорошаго поэта, сказавъ: «Богъ есть лучшая помощь въ нуждѣ, а невинность лучшее благо человѣка!» *Зогейръ* первою словою обязанъ быть слѣдующему стиху: «Сколько бы человѣкъ ни старался казаться лучшимъ нежели онъ въ самомъ дѣлѣ, рано или поздно настоящее его свойство откроется.» Особенно богатъ конецъ *Зогейровой* моаллаки нравственными правилами. Между прочимъ онъ говоритъ:

«Кто безпрестано боится смерти, за тѣмъ она неотступно спѣшить, хотя бы онъ бѣжалъ отъ нея до небесъ. – Кто не защищаетъ собственнымъ оружіемъ своихъ колодцевъ, у того ихъ отнимаютъ; худо обходятся съ тѣмъ, кто слишкомъ опасается нанести несправедливость другому. – Странствующій долженъ смотрѣть на врага какъ на друга, а не уважающій другихъ не въ правѣ требовать уваженія для себя. – Человѣкъ съ дурными нравами тщетно будетъ стараться скрыть ихъ; проявятся они, какъ бы ни лицемѣрилъ онъ. – Оказывающій добро злымъ раскается въ этомъ, и заслужить хулу вмѣсто хвалы. – Языкъ есть одна половина человѣка, другая – его сердце; прочее только наружность, – мясо и кровь. – Для безумнаго юноши есть еще надежда, что прійдетъ пора, когда онъ остынетъ; но ежели старикъ не разсудителенъ, то уже нельзя ждать чтобы одумался.»

Эта оригинальная, сильная, истинная поэзія была еще въ полномъ цвѣтѣ, когда явился *Магометъ*. Съ той минуты она быстро начала упадать. Конечно,| одно только желаніе ска-

зать что-нибудь новое заставило Г. Вейла доказывать, что исламизмъ и войны за новую вѣру не имѣли вліянія на этотъ упадокъ. Едва-ли кто изъ ориенталистовъ повѣрить ему, будто Магометъ оказывалъ величайшее уваженіе къ поэтамъ и преслѣдовалъ только тѣхъ, которые сочиняли сатиры и эпиграммы на нового пророка. Если въ жизни этого человѣка можно показать одну или двѣ черты особенного благорасположенія къ какому-нибудь поэту, то это болѣе исключение нежели правило. Если онъ иногда и хвалилъ поэзію, за то въ другихъ случаяхъ отзывался обѣ ней съ негодованіемъ, и его негодованіе осталось закономъ для правовѣрныхъ. Не такъ ли точно Магометъ называлъ вино, въ одной главѣ Корана, «драгоцѣннымъ даромъ неба», а въ другой, когда его разругалъ одинъ пьяный Аравитянинъ, предаль проклятию все хмѣльное, и мусульмане, забывъ противорѣчіе, послѣдовали этому новому закону? Хорошо ли дурно ли поняли своего пророка первые магометанскіе богословы относительно поэзіи, но дѣло въ томъ, что и поэзія, въ началѣ исламизма, признаваема была богопротивнымъ дѣломъ; да и до-сихъ-поръ самые набожные мусульмане почитаютъ грѣхомъ читать стихи, – по-крайней-мѣрѣ всякиe другіе стихи кромѣ духовныхъ и нравственныхъ. Такое расположеніе умовъ не могло не нанести жестокаго удара этой рыцарской поэзіи, въ которой война, любовь, вино и насыщка, занимаютъ три четверти мѣста. Довольно вспомнить презрительный тонъ, съ какимъ мусульманскіе богословы отзываются о *шуарѣ*, «поэтахъ», чтобы согласиться, что царствіе ихъ кончилось съ появлениемъ этихъ ученій, хоть бы они даже были противны мысли законодателя; но позволительно думать, что мусульманскіе богословы лучше доктора Вейля поняли Магомета. Не надобно забывать также, что Коранъ принесъ съ собой не одну¹ только ту новость, что анаѳема со-временемъ потеряла бы силу, какъ это и дѣйствительно случилось спустя два или три столѣтія; но Коранъ въ то же самое время произвелъ полную нравственную и политическую революцію во всемъ быту Аравитянъ, измѣнилъ всѣ ихъ понятія, всѣ ихъ чувствованія, всѣ ихъ

стремлениі: а при такихъ обстоятельствахъ могла ли прежня поэзія продолжаться? Послѣ столь страшного переворота, умы были заняты совсѣмъ другими предметами. Новыя разсужденія, новыя желанія и надежды, вытѣснили прошедшее изъ памяти. Независимость бедуиновъ пала; кончились ихъ поэтическія междуусобія; обращенія въ исламизмъ, большею частью вынужденныя насилемъ или страхомъ насилья, наполнили пустыню другими понятіями и заботами, и когда халифы погнали сыновъ ея сражаться противъ Римлянъ, Персовъ, Турковъ, Африканцевъ и испанскихъ Готовъ, тогда, право, нѣкогда имъ было присутствовать при состязаніяхъ своихъ поэтовъ и восхищаться ихъ пѣснями! Г. Вейль забылъ одно очень важное обстоятельство: по учению **Магомета** всякая побѣда мусульманина одерживалась, уже не мужествомъ, но прямымъ содѣйствіемъ силъ небесныхъ, невидимой рати ангеловъ, которые нисходять на землю помочь въ битвѣ правовѣрнымъ. Этотъ докладъ подкапывалъ въ самомъ основаніи весь духъ рыцарской поэзіи пустыни. Кто могъ прославлять храбрость героевъ своего колѣна, когда она не была уже личнымъ достоинствомъ? Впрочемъ, еслибы самолюбіе и не уважило такого доклада, если бы врожденная склонность бедуиновъ къ стихотворству и привлекла ихъ въ станъ, во время войнъ съ христіанами, къ палатѣ вооруженного поэта и они стали по-прежнему слушать его рыцарскія пѣсни, то фанатические муллы тотчасъ разогнали бы ихъ однимъ прочтениемъ слѣдующаго мѣста **Корана**: «Долженъ я вамъ сказать, къ кому ходятъ дьяволы? Они ходятъ къ безчестнымъ лжецамъ (то есть, поэтамъ), рассказываютъ имъ все, что подсмотрѣли у ангеловъ, и больше еще прибавляютъ своихъ лжей. Поэтовъ слушаютъ только отступники: развѣ вы не видите, какъ они преступаютъ всѣ законы правды и хвалятся дѣлами, которыхъ не совершили?» Кажется, что послѣ этого приписывать **Магомету** особенное пристрастіе къ поэзіи и поэтамъ, значить только обнаруживать рѣшительную склонность къ прекословію безъ всякой надежды на ублѣжденіе читателей. Изъ своей анаѳемы **Магометъ** исклю-

чиль однако жъ «правовѣрныхъ стихотворцевъ, которые ведутъ святую жизнь, часто вспоминаютъ о Богѣ, и защищаютъ себя, когда невѣрные причиняютъ имъ обиды.» Но благопріятствовало ли это духу прежней рыцарской поэзіи? Конечно, нѣтъ. *Сюти*, на котораго Г. Вейль такъ часто ссылается, самъ *Сюти* разсказываетъ, что *Магометъ* называлъ лжецомъ знаменитаго поэта *Лебида*, обратившагося въ исламизмъ, даже за стихи, содержащіе въ себѣ чистую истину: «Спроси человѣка, чего онъ домогается: хочетъ ли исполнить свой святой долгъ или свои мечтанія и суетность? Сколько людей, которые должно понимаютъ назначеніе свое! Но истинно разсудительный пролагаетъ себѣ путь къ Богу. Не все ли сугуба, кромѣ Бога? *Не всякая ли радость скоро проходитъ?* Каждаго человѣка постигнетъ наконецъ болѣзнь, отъ которой пожелтѣютъ его пальцы. Каждый познаетъ тайну своего существованія, когда съ дѣлами своими явится передъ Богомъ.» Придирчивый цензоръ *Магометъ* нашелъ и здѣсь преступленіе: онъ упрекалъ *Лебида* за то, что поэтъ назвалъ всякую радость преходящую, тогда какъ радость райская будетъ продолжаться вѣчно. А между-тѣмъ, какъ видно изъ точнаго смысла этого мѣста, *Лебидъ* и не думалъ говорить здѣсь о другой радости кромѣ земной, обыкновенной!

Первые ученики *Магомета* наслѣдовали вполнѣ этотъ духъ ханжества и лицемѣрства своего пророка. Какъ могла успѣвать поэзія при подобномъ стѣсненіи ума? Когда *Омаръ* велѣлъ *Лебиду* составить собраніе поэмъ, славившихся между Аравитянами до того времени, тотъ же самый поэтъ, уже проученный пророкомъ, объявилъ, что двѣ главы *Корана* замѣняютъ для него всѣ поэмы, и *Омаръ* за это увеличилъ пятью стами данаріями годовое содержаніе *Лебида*, отнявъ ихъ у поэта *Аглаба*, который, несмотря на свое обращеніе въ новую вѣру, не переставалъ сочинять стиховъ. *Сюти* разсказываетъ о томъ же халифѣ, что онъ лишилъ пенсіона поэта *Сухейму*, въ наказаніе, что тотъ въ одномъ стихѣ, «Сѣдые волосы и исламизмъ отвлекли меня отъ любви», прежде поставилъ слово *волосы* чѣмъ исламизмъ.

Османъ также не уступалъ въ нетерпимости своему предшественнику. Даже и при династії Омміядовъ поэты большею частію не смѣли надѣяться заслужить милость халифовъ иначе, какъ избравъ предметомъ стихотвореній добродѣтели **Магомета** и первыхъ его наслѣдниковъ; и такимъ образомъ похвальные стихи оставались одни въ обычай изъ всѣхъ прочихъ родовъ поэзіи. Для поэтовъ ничего тогда не значили похвалы толпы; счастія и славы они ожидали только отъ халифа, и все ихъ стараніе клонилось къ тому, чтобы льстить ему и воспѣвать его милости.

Когда **Омаръ**, сынъ **Абдъ-эль-азиза**, принялъ правленіе, то, по словамъ **Суюти**, лучшіе поэты его времени явились у входа дворца, но не были къ нему допущены. Между ними находился славный сатирикъ **Джерири**, который уже воспѣлъ около шести предшественниковъ **Омара**, одного за другимъ, какъ достойнѣйшихъ намѣстниковъ **Магомета**. Когда поэты хотѣли возвращаться домой, встрѣтился имъ **Ади**. **Джерири** просилъ его сказать халифу, что они долго дожидались, и теперь уходятъ съ сокрушеннымъ сердцемъ. **Ади** доложилъ **Омару**: «Повелитель правовѣрныхъ, стихотворцы стоятъ у воротъ: ихъ языки подобны ядовитымъ стрѣламъ и ихъ слова вонзаются глубже чѣмъ копья!» **Омаръ** отвѣчалъ: «Поди, ты **Ади!** какое мнѣ дѣло до поэтовъ?» **Ади** возразилъ: «Богъ да благословитъ повелителя правовѣрныхъ, надобно принять ихъ! Не слѣдуй однако примѣру **Магомета**. Онъ награждалъ тѣхъ поэтовъ, которые прославляли его, и одному изъ нихъ, **Аббасу**, подарилъ плащъ, чтобы укоротилъ его языкъ.» Послѣ того **Омаръ** спросилъ: «Кто же тамъ у воротъ?» **Ади** исчислилъ ожидающихъ: **Омара**, сына **Абу-Рабіева**, **Фараздека**, **Ахтала**, **Ахвада** и **Джумейля**. **Омаръ** при каждомъ имени произносилъ: «Я не хочу его видѣть: онъ сочинилъ то и то!» Къ этому халифъ прибавилъ одинъ стихъ, гдѣ поэты вообще описаны весьма плохими мусульманами. Когда **Ади** напослѣдокъ назвалъ **Джерира**, **Омаръ** отозвался: «Хоть и этотъ иногда въ своихъ сочиненіяхъ оскорбляетъ приличіе, однако жъ, чтобы не всѣхъ отослать не видавши, хочу лучше видѣть его нежели

прочихъ.» И ему одному, за похвальную оду подариль халифъ сто денаріевъ, и то единствено по уваженю крайней его бѣдности.

Поэзія пустыни исчезла на своей родинѣ, но она впослѣдствіи возродилась въ подражаніяхъ. Съ ней случилось то же самое, что нѣкогда съ поэзіей Грековъ и Римлянъ. При утвержденіи христіанства, новый міръ идей уничтожилъ всю прежнюю классическую поэзію; но красоты ея впослѣдствіи поразили христіанъ, и они начали писать стихи, въ которыхъ опять появились боги и богини Олимпа. Довольно примѣчательно, что первый примѣръ этого странного обновленія забытыхъ божествъ поэтическихъ подалъ | одинъ епископъ. Аравитяне также, — мы уже говоримъ объ осѣдлыхъ Аравитянахъ, — начали воскрешать мало-по-малу, среди своихъ садовъ, прежнюю поэзію пустыни, и вотъ кочевая жизнь явилась снова въ ихъ поэмахъ. Но это были уже простыя формы безъ жизни, безъ истины: настоящая поэзія никогда къ нимъ не возвращалась.

То, чѣмъ доселѣ сказано здѣсь о духѣ арабской поэзіи, можетъ уже служить достаточнымъ введеніемъ къ приблизительному уразумѣнію одной прекрасной поэмы, которую мы сейчасъ представимъ всю въ переводѣ. Это будетъ знаменитая моаллака **Лебида**, написанная имъ до обращенія своего въ вѣру **Магомета**. **Лебидъ** былъ одинъ изъ храбрѣйшихъ фарисосъ своего времени, и происходилъ отъ рода князей арабскихъ. Читатели увидятъ его въ пустынѣ: онъ стоитъ на мѣстѣ, дорогомъ его сердцу, мѣстѣ безлюдномъ и дикомъ, но нѣкогда полномъ жизни и веселія, потому что здѣсь расположена была ставка, въ которой жила его возлюбленная, прекрасная **Навара**, дочь сильнаго начальника одного поколѣнія; онъ печально смотрѣтъ на эти равнины, скалы, горы, на эти занесенные пескомъ слѣды бывшихъ жилищъ улуса невѣрной подруги сердца, и описываетъ, какъ она презрительно покинула благороднаго поэта, какъ снялось отсюда и перекочевало въ другую землю ея поколѣніе, съ какимъ отчаяніемъ смотрѣлъ онъ на ея отѣздѣ, какъ потомъ искалъ себѣ утѣшеній въ воинскихъ подвигахъ, въ

винѣ, въ мимолетной любви пѣвицѣ, путешествіяхъ, и про-
чая. Въ переводѣ, безъ-сомнѣнія весьма слабомъ, мы будемъ
преимущественно придерживаться настоящаго, внутрення-
го смысла поэмы, который до-сихъ-поръ, благодаря безот-
четной буквальности, пропадалъ подъ перомъ европейскихъ
переводчиковъ, дотого что читатель не могъ даже обнять
истинного направлениа всей піесы и связи между разными
ея частями. Чтобы достигнуть нашей цѣли, мы принуждены
будемъ иногда пополнять вставными выраженіями эллип-
тическій способъ изложенія древней арабской поэзіи, но,
при всемъ томъ, постараемся сохранить по-крайней-мѣрѣ
главный характеръ стиховъ пустыни, который, какъ уже
сказано, состоить въ пропускѣ именъ существительныхъ.

Для ориенталистовъ мы, конечно, переводили бы совсѣмъ
иначе **Лебидову** касыду, то есть, пособляя неясности часты-
ми выносками и разсужденіями; но такой способъ переда-
вать изящное устрашилъ бы и измучилъ всѣхъ другихъ чи-
тателей. Впрочемъ предлагаемый здѣсь переводъ, быть-
можетъ, не лишенъ будетъ занимателности и для араби-
стовъ, какъ особенный и едва-ли не самый ясный способъ
понимать поэму, которая до-сихъ-поръ имѣла преимущество
преодолѣвать проницательность ориенталистовъ, до-того
что нѣкоторые изъ нихъ, и между прочими Г. **Вейль** явились
строгими критиками **Лебида**, который безъ-сомнѣнія не ви-
новать въ томъ, если Европейцы не могутъ постигнуть
настоящаго направлениа и тѣсной связи его мыслей. Но вотъ
самъ **Лебидъ** начинаетъ рѣчь:

«Исчезли ея ставки, ея ночлеги и отдыхи въ Минѣ! Оди-
чали Чортова-Гора, Реджамъ и скалы Ріана, и только вѣтеръ
обнажаетъ скачками рисунокъ бывшихъ жилищъ, похожій
на полу-истертую надпись на утесѣ. Вотъ еще пометь жив-
отныхъ!..... Не одна уже ярмарка состоялась въ Меккѣ со
времени удаленія ихъ владычицы; много много разъ повторялись
уже для воиновъ мѣсяцы запрещенные и позволенные;
и много разъ весеннія созвѣздія напрасно питали эту
бездлюдную землю, напрасно падали на нее ливни изъ гре-
мящихъ, падали дожди и слякоти изъ всѣхъ ночныхъ, и

утреннихъ омрачавшихъ все небо, и вечернихъ отвѣчавшихъ другъ другу грохомъ. Теперь здѣсь полынь раскидываетъ свои высокія вѣтви, страусы и газели выводятъ птенцовъ, и спокойно послѣ родовъ стоять подъ утесомъ круглоглазыя надъ своими сернятами, между-тѣмъ какъ ихъ молодежь гулять группами по полянѣ. Горные потоки времененамъ отмываютъ занесенные пескомъ основанія юртъ, словно писцы, чтѣ каламами возобновляютъ письмена старинной книги, или сафьянщицы, которая посыпаютъ изношенную кожу синькою въ видѣ круговъ, и вдругъ выходитъ наружу прежній узоръ. Стою, и спрашиваю (куда удалилась Навара): но что пользы спрашивать глухие, вѣчные, которымъ рѣчь не дана *⁶⁰? Опустѣли они!..... Но прежде жило здѣсь многолюдное поколѣніе. Оно откочевало, въ одно утро, и оставило послѣ себя одни только колыя палатокъ, и куски пробочного дерева, (выпавши изъ щелей юртъ). Жестоко опечалилъ тебя, Лебидъ, въ это утро, видѣ скромницъ улуса, когда онѣ понеслись на верблюдахъ, попрятавшись за бумажными занавѣсками гаудеджей (женскихъ сѣдѣль), на которыхъ палатки уныло скрыпѣли *, и выглядывая изъ всякаго закутанного (домика своего), котораго столбики осѣнялись сверху ихъ узелками, съ боковъ серпянками и дабою! Тамъ, на этихъ верблюдахъ, сидѣли онѣ группами, словно лани тудыхскія, или газели Веджры, поворачивающія свои шейки чтобы умильно взглянуть на птенцовъ, повисшихъ у сосковъ ихъ. Но верблюдовъ понудили къ бѣгу мужчины, и вскорѣ миражъ скрылъ весь поѣздъ, который принялъ причудливыя формы бишскихъ утесовъ и съ ихъ тамарисками и скалами.... Зачѣмъ тебѣ, *Лебидъ*, вспоминать о Наварѣ! Она удалилась; она расторгла всѣ узы, всѣ свои связи съ тобою; коварная Мурріотка, она вѣрно остановилась не ближе какъ въ Гайдѣ или въ сосѣдствѣ хеджазскихъ людей: гдѣ ей теперь думать о тебѣ! Она быть-можетъ; живеть теперь на восточныхъ отлогостяхъ Джебелейна и Мухаджджа-ра: тамъ Ферда, Рухамъ и Суванкъ окружили ее своими уте-

⁶⁰ Утесы.

сами; а если перекочевала къ границамъ Емена, то вѣроятно она теперь въ Вехафъ-эль-Кагрѣ или Тыльхамѣ! Прекрати, прекрати всякую привязанность къ той, обладаніе которою невозможно! Плохой тотъ другъ, кто первый расторгаетъ союзъ дружбы! Обратись съ своими подарками къ менѣ же стокой; а когда дружба ея станетъ прихрамывать, когда начнутъ спотыкаться ея ножки, то и ты можешь расторгнуть, – умчаться въ пустыню на измученной набѣгами *⁶¹, которые оставили въ ней одну лишь крошку животнаго: отъ безпрерывнаго давленія сѣдла, на спинѣ и на горбѣ ея кожа прильнула къ костямъ; дорого пришлось бы заплатить за кусокъ ея мяса; она исхудала, избились ея деревянныя подковы, и, несмотря на все это, она весела въ уздѣ, и несется, словно бѣлый клочокъ паровъ, оставшихся на небѣ отъ тучи, которые вечеромъ гонитъ южный ветеръ; словно полно-грудная *⁶², беременная отъ бѣлоногаго, котораго избили копытами, искасали, обезобразили другіе ревнивые самцы, и онъ, весь оцарапанный, уводитъ ее отъ нихъ въ песчаные сугробы Талбута, и сердится на нее за неповиновеніе, за ея любовныя прихоти къ его соперникамъ: и вотъ, тамъ, съ одного изъ этихъ холмовъ, окидывается онъ беспокойнымъ взоромъ гладкую, нагую пустыню, на которой однако жъ нѣтъ ни бугорка, гдѣ бы могъ спрятаться охотникъ, развѣ только за путевыми столбами; и въ этомъ безводномъ мѣстѣ держить онъ самку свою цѣлые шесть зимнихъ лунъ; росой принуждены они довольствоваться вмѣсто питья; длится безконечно тяжкій постъ его и постъ ея; но наконецъ нѣтъ силъ выдержать долѣе, надообно подняться на|r рѣши-тельность, на твердость – твердость-то всегда ведеть къ успѣху, – и они помчались къ водѣ: колючки бѣлотерновника поранили имъ пятки, дуетъ лѣтній (самумъ) съ своими по-перемѣнно жаркими и холодными порывами, а они всѣ мчатся, да подымаютъ, опережая другъ друга, предлинный

⁶¹ * Верховой верблюдицѣ.

⁶² * Сайга.

*⁶³, который летитъ тѣнью, словно дымъ зажженного, раздуваемаго сѣвернымъ, и къ котораго пылающимъ щепкамъ подкинули зеленаго бурьяна, – словно дымъ огня, высоко вздымавшаго свои свѣтлые горбы; мчатся, и вдругъ отсталъ онъ, чтобы заставить ее бѣжать впереди, – у него обыкновеніе пускать ее впередъ, когда она хитритъ, – и наконецъ бросились оба въ самое русло ручья, переполненнаго, густо заросшаго тростникомъ, закутавшагося въ камышъ по-серединѣ, а по берегамъ закрытаго лежачими и стоячими тростниками.....

«Да такъ ли еще мчится моя верблюдица! Нѣтъ, она скорѣй лѣсная *⁶⁴, которую обидѣли хищные, когда она оплошала, ввѣривъ вождю стада (самцу) надзоръ за сернятами: курносая, потеряла своего малютку, и безпрерывно бѣгаєтъ взадъ и впередъ, оглашая своимъ мычаніемъ поляны между песчаными буграми! Его, бѣленъкаго, разорвали по членамъ сѣрые, алчные, ничѣмъ ненасытимые *⁶⁵. Подстерегли они ея неосмотрительность, и нанесли ей горе, – потому что стрѣлы рока никогда не даютъ промаха! – а она прыгнула въ чистую пустыню, и бѣжитъ, бѣжитъ.... Вотъ пошелъ крупный *⁶⁶ изъ слякоти, и промочилъ всѣ сугробы песку, потокомъ льется безпрерывный на спинную черту ея въ мрачную ночь, которой тучи заслонили всѣ звѣздочки на небѣ: она пріютится въ дуплѣ криваго пня, живущаго отдельно у хвоста; насыпи сыпучаго песку, и мерцаетъ во мракѣ своей блестящей бѣлизною, какъ бахрейнская жемчужина, снятая съ своей нитки. Но лишь-только уменьшилась темнота, и начало свѣтать, она опять бросается бѣжать; скользя ея тросточки (ноги) по мокрой почвѣ; она приходитъ въ безпамятство, и блуждаетъ между холмами Соаида цѣлья семь равноденственныхъ сутокъ; наконецъ теряетъ всю надежду отыскать своего птенца. Необлегченная со-

⁶³ * Столбъ пыли.

⁶⁴ * Лань.

⁶⁵ * Волки.

⁶⁶ * Дождь.

саніемъ, грудь ея засохла. Но вдругъ послышала она голось человѣческій, который перепугаль ее, раздавшись гдѣ-то за возвышенностью, – а человѣкъ страсть ея! – и пустилась изо всѣхъ четырехъ ногъ. Ей кажется, будто виновникъ опасности находится и впереди и сзади. Охотники ее преслѣдуютъ, и, отчаяваясь догнать, пускаютъ противъ нея косматыхъ, борзыхъ, тонкихъ въ поясницѣ: тѣ ее настигли; она устремила противъ нихъ острый рогъ свой, словно копье Самгаровой работы и по наконечнику и по всей своей отдѣлкѣ, чтобы отразить ихъ: но она знаетъ, что отразить невозможнo, – потому что пришла ей отъ Судебъ погибель! Однако жъ еще пронзила она имъ Кесаба *⁶⁷, и тотъ облился кровью, и повергла Сахама *⁶⁸ на полѣ сраженія.....

«Вотъ на такой-то именно верблюдицѣ, въ самый свѣтлый полдень, когда въ раскаленномъ воздухѣ пляшутъ огненные блестки передъ глазами путника и холмы одѣваются въ волшебный плащъ миража, рыщу я себѣ по дѣламъ сердечнымъ, не страшась соблазна, хотя злые языки и порицаютъ подобныя поѣздки. Да, развѣ ты не знала, Навара, что я такъ же ловко завожу связи, какъ и расторгаю ихъ? что я, вольная птица, мигомъ покидаю мѣста, которыя мнѣ не нравятся, развѣ ужъ злой рокъ пригвоздить тѣло мое гдѣ-нибудь къ землѣ? Нѣтъ, я умѣю найти себѣ утѣшеніе! Ты еще не знаешь, сколько ночей, со времени твоего вѣроломства, ночей свѣжихъ, оживленныхъ музыкою и бесѣдою, провелъ я пріятно при свѣтѣ луны! Сколько разъ, отправившись къ продавцу вина, ночью, когда онъ уже снялъ свою вышивку и въ три-дорога бралъ за свои напитки, не спрашивая о цѣнѣ приказывалъ я наливать себѣ чашу изъ всякаго кувшина старого, почернѣвшаго, изъ флягъ, которыя при мнѣ же онъ откупоривалъ, и которыхъ печати при мнѣ были сломаны? Сколько разъ, до самаго утра, вкушалъ я тамъ золотистое *⁶⁹, а подруга, сидя подлѣ меня съ мандолиной въ

⁶⁷ * Имя собаки.

⁶⁸ * Имя собаки.

⁶⁹ * Вино.

рукахъ, пробѣгала пальчиками по струнамъ, и я, на разсвѣтѣ, при пѣніи пѣтуховъ, предавался еще удовольствіямъ, между-тѣмъ какъ уже всѣ спали въ лавкѣ? Сколько разъ, въ холодное, вѣтренное утро, во время перекочевки, когда люди принуждены были остановиться, убить верблюда, и подѣлиться его мясомъ, чтобъ нѣсколько согрѣться пищею; когда самъ Сѣверъ держалъ въ рукѣ своей возжи вѣтровъ, оберегалъ я одинъ все поколѣніе отъ нечаяннаго нападенія враговъ, смѣло, безъ кольчуги, – кольчугу несъ мой добрый конь, – и не держа даже поводьевъ въ рукѣ, во время этихъ раннихъ разѣздовъ, – поводья бывали обвиты вокругъ моего стана въ видѣ кушака: такъ взѣзжалъ я на пыльные холмы для осмотра, холмы столь близкіе къ враждебному улусу, что пыль, поднятая копытами моего сердечнаго, разстилалась до самыхъ значковъ, воткнутыхъ передъ ставкою; (и, не думая о пищѣ, разѣзжалъ я такимъ образомъ весь день, между-тѣмъ какъ поколѣніе двигалось впередъ); а когда наставала ночь неразглядная, когда страшные *дивы*^{*70} начинали шататься, во мракѣ ущелій, по тѣснинамъ, тогда еще я выѣзжалъ на равнину, чтобы потѣшить душу прогулкой, и тогда еще мой неутомимый конь становился на дыбы, прямо какъ столбъ, словно неприступная, гладкая пальма, на которую нѣкогда не могли взобраться собиратели финиковъ; тутъ я пускалъ его, во всю прыть страуса, мчался со всей стремительностью, и онъ разгорячился, кости его пріобрѣтали легкость перьевъ, сѣдло хлопало на немъ, изъ ноздрей лился дождь, подпруга промакивала отъ горячей пѣни его, а онъ все несся далѣе, упираясь въ удила и стремясь впередъ, словно летящій къ водопою голубь, когда его мучитъ сильная жажда! (Умѣлъ я искать развлеченія и въ путешествіяхъ по дальнymъ сторонамъ). Сколько съ тѣхъ поръ постыдилъ я многолюдныхъ (царскихъ дворовъ), наполненныхъ сильными людьми, съѣхавшимися отвсюду на поклонъ и незнакомыхъ другъ другу?.... дворовъ могутъ, отъ которыхъ всѣ жаждаютъ милостей, и которыхъ

⁷⁰ * Духи, злые геніи.

охужденія всѣ страшатся! Тамъ эти люди, угрожая себѣ взаимно мщеніемъ по тайнымъ враждамъ, страшно смотрѣли другъ на друга, словно дивы бедійской глуши, словно львы съ толстою шеей, упершіеся въ землю передними лапами для боя. Да я презрѣлъ пустыя притязанія этихъ сборищъ, (гдѣ гордыя осѣдлые считаютъ себя выше нась, сыновъ пустыни), и воздаль дворамъ только ту честь, какой они заслуживали въ моемъ убѣжденіи; и никто тамъ, даже изъ числа самыхъ знаменитыхъ, не могъ похвастаться какимъ-нибудь превосходствомъ передо мною. (Что они дѣлаютъ хорошаго? Что велиcodушнаго въ ихъ себялюбивой жизни? Чѣмъ они благороднѣе менѣ?) Сколько разъ, во время голоду въ пустынѣ, убивалъ я своихъ верблюдицъ, для разыгранія ихъ по жеребію, и звалъ народъ приходить на убой моего скота съ палочками, совершенно равной величины, просяль братъ безъ разбора и бесплодныхъ и годныхъ на приплодъ, и предоставляль ихъ мясо всѣмъ сосѣдямъ? Дальній гость и близкій сосѣдъ всегда находили у меня такое раздолье, какъ-будто закочевали они въ богатыя травою низовья долины Тебале. У веровокъ шатра моего садится всякая нищая, безобразно оборванная старуха, словно «роковая лошадь», (привязанная на могилѣ витязя съ-тѣмъ, чтобы умерла на ней голодною смертю), а дѣти ея, сиротки, во время бушеванія холодныхъ вѣтровъ, образуютъ изъ себя вѣнецы около моихъ горшковъ и бродятъ въ нихъ какъ въ наводненныхъ польныхъ канавахъ. Изъ моего вѣда роду, постоянно, на всѣхъ собраніяхъ поколѣній, кто-нибудь является защитникомъ общеноароднаго дѣла и спорщикомъ за правду! Изъ моихъ-то всегда бываетъ дѣльщикъ захваченной добычи, который каждому поколѣнію отдаетъ, что слѣдуетъ, готовъ вспылить за чужія права, готовъ во всякое время пожертвовать своими, по врожденному благородству, – мужъ честный, помогающій другимъ въ гостепріимствѣ, щедрый пріобрѣтатель похвалъ, грабитель въ свою пользу одной только славы, потомокъ роду, въ которомъ прадѣды положили семейнымъ обычаемъ всегда такъ дѣйствовать, – потому что во всякомъ родѣ есть свой обычай. Не посрамятъ

себя мои! Не пропадаютъ дѣла ихъ въ забвеніи! Нѣть, благоразуміе ихъ никогда не увлекалось страстью! Такъ будемте всякой довольны тѣмъ, чѣмъ кого надѣлилъ Властитель (боговъ)! Что дѣлать! нашему роду великодушныя качества души выдѣлилъ Тотъ, кто одинъ знаетъ, кому давать ихъ! А когда былъ дѣлѣжъ честности между родовъ, всемогущій Дѣльщикъ присудилъ намъ тоже самую знатную долю ея. Онъ-то и построилъ намъ юрту благородства съ высокою верхушкою, и каждый изъ нашихъ, старики и мальчики, взоился на нее до самой оконечности. Зато они и первые ревнители, когда поколѣніе поражено ужасомъ внезапнаго нападенія; они его фарисы, и они же судьи его!»

СЕНКОВСКІЙ.

Источник «Витязя буланого коня» и других восточных повестей Сенковского⁷¹

В альманахе «Полярная звезда» за 1824 г. появилась «арабская касыда» Сенковского «Витязь буланого коня». Уже 8 февраля Пушкин писал из Одессы своему другу А. А. Бестужеву, редактору альманаха, будущему декабристу: «Арабская сказка — прелесть: советую тебе держать за ворот этого Сенковского». ⁷² Одного такого отзыва было бы достаточно, чтобы обратить внимание и пушкинистов и востоковедов на произведение. Для самого Сенковского оно явилось началом опытов в новом жанре, а в сущности даже и началом литературной деятельности на русском языке. Только за два года до этого он выступил впервые в русской печати с отрывками из своих путевых впечатлений ⁷³ и вступительной лекцией в Петербургском университете 18 августа 1822 г. К новому жанру он подошел за год до «Витязя буланого коня», поместив в той же «Полярной звезде» за 1823 г. повесть «Бедуин», которая и положила начало составившемуся впоследствии циклу «Восточных повестей». Может быть, не случайно в черновике письма Пушкина стоит множественное число: «Арабские сказки — прелесть»; делясь своим впечатлением о «Витязе буланого коня», он мог естественно вспомнить и ту повесть, которая была помещена в альманахе за прошлый год.

Трудно отделаться от предположения, что именно отзыв

⁷¹ Игнатий Юлианович Крачковский. Избранные сочинения. Том I. — Москва—Ленинград: Издательство Академии наук СССР. 1955. — Арабистика и вопросы истории культуры народов СССР. Источник «Витязя буланого коня» и других восточных повестей Сенковского (1846). — Стр. 225–261.

Труды Военного института иностранных языков, 1946. № 2, стр. 5–32. Начато в 1911 г. Закончено 6 июня 1941 г. Исправлено и дополнено по рукописи.

⁷² Пушкин. Письма. Под. ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского, И. М.—Л., 1926, стр. 71.

⁷³ [П. САВЕЛЬЕВ]. Библиографический список сочинений Сенковского. Собр. соч. Сенковского (Барона Брамбеуса), I, СПб., 1858, стр. CXVIII, №№ 24—27.

Пушкина усилил энергию Сенковского в избранном направлении; в «Полярной звезде» за 1825 г. появилось уже три «восточных повести» его с несколько варьирующими подзаголовками. Первая — «Деревянная красавица» — называется переведенной «с татарско-адербайджанского наречия», вторая — «Истинное великолодие» — с арабского и третья — «Урок неблагодарным» — с персидского. Катастрофа с «Полярной звездой» прервала на несколько лет продолжение этого цикла, но в «Северных цветах» тоже друга Пушкина, Дельвига, за 1828 г. появилась «Бедуинка» (с арабского), в «Альманахе северных муз» за тот же год — «Смерть Шанфария» (с арабского) и, наконец, в «Северных цветах» за 1830 г. — «Вор. Восточная повесть» (с арабского). Тот же подзаголовок «Восточная повесть» имеет еще известная фантазия «Антар», напечатанная в «Новоселье» в 1833 г.; в «Собрании сочинений» 1858 г. к отделу «Повестей и поэм, переведенных с восточных языков», отнесена еще «Муаллака Лебида», датированная 1839 г. Оба последних произведения по существу не принадлежат к жанру «восточных повестей»; об этом отчасти говорит и то обстоятельство, что «Антар» в «Собрании сочинений» в этот отдел не включен, а поставлен самостоятельно. Таким образом, мы можем ограничить рассмотрение восемью перечисленными номерами, с некоторой оговоркой о «Смерти Шанфария», которая тоже, как увидим, в значительной степени выпадает из этого цикла. Не требуют ближайшего рассмотрения в данном случае еще две повести, помеченные 1834 г., из серии пародийно-иронических: «Счастливец», помещенная в альманахе «Новоселье», и «Повести», напечатанная в «Библиотеке для чтения». Только первая из них имела подзаголовок «Восточная повесть», но в «Собрание сочинений» перешла уже без него. Арабское ядро в них фактически имеется: в первом случае это популярный сюжет о счастливом человеке, у которого не оказалось рубашки, во втором — сборник сказок конца XVIII в. шейха

Мухаммеда ал-Мухдй (ум. в 1815 г.), известный во французской обработке **Марселя** (1776—1854).⁷⁴

В связи с приведенным перечнем необходимо остановиться еще на одном цикле, который был приписан Сенковскому, на мой взгляд, по какому-то недоразумению или злому умыслу. В 1837 г. в Москве был издан анонимно небольшой сборник под названием «Арабские повести». ⁷⁵ Он содержал шесть мелких рассказов стиля восточных апологов не всегда ясного происхождения и заканчивался несколькими «арабскими пословицами, мыслями и сравнениями». Коротенькое замечание «от издателя» (стр. 3) не разъясняло вопроса о переводчике, говоря только, что он стремился дать произведения, не известные русскому читателю. Однако уже 10 января 1838 г. «Северная пчела» поместила ироническую рецензию на эту книжку,⁷⁶ без всяких оговорок приписав ее Сенковскому, с некоторым упреком, что он выдает за неизвестное вещи, им самим опубликованные. Ссылка делается на «Ночь в лесу», последнюю повесть в сборнике, якобы напечатанную в альманахе «Комета Белы» за 1833 г.⁷⁷ Тем не менее, сравнение между ними показывает, что, кроме некоторого сходства сюжета, ничего общего здесь нет. Расходятся и заглавие и самая манера изложения: «Басня в прозе», помещенная в альманахе, относится к жанру иронически-пародийных восточных повестей, которые нельзя отнести к интересующему нас циклу. Ближайшее знакомство с другими частями московского сборника «Арабские повести» в такой же мере говорит, что он не может принадлежать Сенковскому ни по языку, ни по стилю. Решающим

⁷⁴ С. BROCKELMANN. GAL, SB, II, стр. 911, № 64. — Дж. Зейдāн. Та'рīх ādāb al-lugha al-'arabīya, IV. Каир, 1914, стр. 232—233.

⁷⁵ Типография В. Кирилова, in 16°, 128 стр. (цензурное разрешение 24 августа 1832 г. подписано И. Снегиревым).

⁷⁶ Северн. пчела, 1838, № 7, стр. 27, № 12 (этот рецензия отмечена у В. Каверина: Барон Брамбейс, Л., 1929, стр. 241).

⁷⁷ Комета Белы, СПб., 1833, стр. 179—204. В «Собрании сочинений» (I, стр. 429—445) она помещена под заглавием «Что такое люди! Басня в прозе».

моментом является, на мой взгляд, то обстоятельство, что в «Литературной летописи» январского же номера «Библиотеки для чтения» Сенковского за 1838 г. среди других книг, предназначенных для «детского чтения», оказались отмеченными в юмористическом тоне и «арабские повести». ⁷⁸ Источником их Сенковский считает, повидимому не без оснований, перевод с немецкого. Таким образом, составитель списка его сочинений ⁷⁹ был прав, не включив в него московский сборник; заметка «Северной пчелы» объясняется, вероятно, стремлением лишний раз досадить Сенковскому, чем Булгарин в эти годы усиленно занимался на страницах редактируемой им газеты. ⁸⁰ Остается, конечно, открытый вопрос, кому же принадлежат эти «Арабские повести», но при нашей задаче, ограниченной «Восточными повестями» Сенковского, мы можем его не касаться.

Отзыв Пушкина о «Витязе буланого коня» едва ли случаен; он стоит в связи со все сильнее пробуждавшимся в нем в эти годы интересом к Востоку. Интерес питался не только пребыванием на юге России, но и всей тенденцией развития современной ему литературы. Как раз к началу 20-х годов «восточный стиль», как бы отражающий мировоззрение Востока, начинает играть у нас очень важную роль; постепенно он превращается в моду и увлечение, которые в первую очередь поддерживаются стихотворцами. Это увлечение захватывает, однако, и ориенталистов; в первой половине XIX в. они вообще гораздо отзывчивее, чем впоследствии, на широкие литературные течения и запросы читающей публики. Они обыкновенно выступают как переводчики, и Сенковский здесь не одинок. Достаточно вспомнить его московского

⁷⁸ Библ. для чтения, т. 26, 1838, отд. VI, Литературная летопись, стр. 77 (= Ночи Пюблика-Султан-Багадура. Собр. соч. Сенковского, IX, 1859, стр. 287—288).

⁷⁹ Собр. соч. Сенковского, I, стр. CXIII—CXXXVIII.

⁸⁰ Обстоятельный перечень таких выпадов дал В. Каверин (ук. соч., стр. 239—245).

современника и даже ученика, ориенталиста-неудачника Н. Г. Коноплева, который в 20—30-х годах столь же усердно печатал переводы в «Вестнике Европы», «Телескопе» и других московских изданиях. Популярность «Восточных повестей» Сенковского среди современных ему читателей объясняется не только его талантливостью, но и тем, что он чутко подхватил эти расширявшиеся запросы к «восточному стилю». По названию ведь «восточные повести» не представляли чего-либо нового для русской литературы; они были в ходу уже в XVIII и начале XIX в., но тогда не без влияния Вольтера они носили характер повестей-апологов с наставительным или сатирическим содержанием.⁸¹ Если они и восходили к восточному сюжету, то далеко не всегда, и во всяком случае отражали его очень поверхностно. Нередко бывало, что сюжет служил только ширмой и принадлежал самому автору. Заслугой Сенковского можно считать, что он едва ли не впервые в широкой литературе направил их в русло подлинного восточного материала.⁸² Его «Восточные повести» фактически представляли переводы соответствующих источников; конечно, с нашей точки зрения эти переводы иногда с самого начала уже были полупереводами, а с течением времени превращались в фантазии на тему оригинала, но этот оригинал всегда в них чувствуется, а иногда, как увидим, и определенно устанавливается. Этим «Восточные повести» его резко отличаются от тех пародийно-иронических повестей, имитирующих научную основу, которые явились для него излюбленными во вторую половину жизни.⁸³

Едва ли после всех этих соображений можно сомневаться в том, что вопрос об источниках его «Восточных повестей» представляет значительный интерес в одинаковой мере и для литературоведов и для историков нашего

⁸¹ Ср.: П. Н. САКУЛИН. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский, I. M., 1913, стр. 225.

⁸² Ср.: В. КАВЕРИН, ук. соч., стр. 250.

⁸³ Там же, стр. 195—196.

востоковедения. Оба аспекта здесь тесно переплетаются, что, как всегда, придает особую остроту задаче; анализ ее прольет некоторый свет и на фонд тех восточных материалов, которыми располагала наша литература в начале 20-х годов, и на пути, которыми они в нее проникали. Если вопрос об источниках до сих пор остается открытым, то в первую очередь это объясняется отсутствием каких бы то ни было указаний в произведениях самого Сенковского или в известной литературе и архивных материалах о нем. При таких условиях интерес к вопросу не был настолько силен, чтобы заставить погрузиться в специальные изыскания кропотливого характера с неясными результатами. Немало страшила широта тех материалов, откуда Сенковский мог брать свои «восточные повести». Первая в этой серии, «*Бедуин*», появившаяся в 1823 г., датирована 1822 г., когда он получил профессуру в университете, только за год до того вернувшись с Востока в октябре 1821 г. Молодой профессор поражал современников и книжной ученостью и блестящим знанием живого Востока. Совершенно естественно, что материалы для своих арабистических работ и литературных произведений он мог брать из трех разнообразных источников — из печатной продукции на арабском языке, из арабских рукописей и, наконец, из живого арабского фольклора, с которым он знакомился во время своих скитаний по Сирии и Египту.

Сфера первых материалов (печатных) сравнительно легко обозрима: к началу 20-х годов она исчерпывалась почти исключительно тем, что было опубликовано в Европе. В арабских странах, правда, книгопечатание уже существовало, но применялось только у сирийских христиан в очень ограниченном размере, единственно для произведений узко религиозного характера. В Египте типография и литография появились в 20-х годах, с большим перерывом после эфемерной попытки французов во время наполеоновской экспедиции.

Если, наоборот, перейти к рукописям, которыми Сенковский мог пользоваться, то здесь диапазон уже

расширяется почти беспрепятственно. Мы совершенно не знаем, какие рукописи бывали у него в распоряжении на Востоке, но и помимо них он мог иметь большой запас в Петербурге. Как раз в это время — в 1819 и 1825 гг. — Академия Наук приобрела две коллекции французского консула Руссо в составе более чем 800 номеров, которые положили блестящее начало фондам Азиатского музея.⁸⁴ Если вторая поступила уже после того, как ранние «Восточные повести» были напечатаны Сенковским, то с первой он вполне мог ознакомиться до этого и ближайшим толчком могло послужить его возвращение с Востока вскоре после ее приобретения.

Еще неопределеннее и безграничнее представляется область тех фольклорных материалов, которые Сенковский мог слышать во время своих путешествий по арабским странам и затем использовать в «Восточных повестях». Арабский фольклор и до сих пор нам известен далеко не блестящие; для того, чтобы судить о его состоянии в начале прошлого века, у нас еще меньше данных, тем более что никаких систематических записей в ту эпоху не производилось. Видимая сложность этого вопроса об источниках удерживала и меня в течение многих лет от соблазна погрузиться в детальные изыскания, несмотря на всю заманчивость самой темы. Новым толчком здесь явилась одна случайность, которая навела на первую нить; по ней оказалось уже сравнительно нетрудно распутать весь клубок почти без остатка.

Эту нить дал как раз «*Витязь буланого коня*»: арабский текст того же рассказа я обнаружил в хорошо известной, много раз у меня бывавшей в руках «*Новой арабской хрестоматии*»⁸⁵ основателя московского востоковедения в начале XIX в., профессора и ректора университета А. В.

⁸⁴ Азиатский музей Российской Академии Наук, 1818—1918. Краткая памятка, Петербург., 1920, стр. 9—10.

⁸⁵ М. (в Университетской типографии), 1832, in 8°, IV, 433 стр. Интересующий нас текст помещен на стр. 164—172.

Болдырева (1780—1842). Для меня, конечно, было ясно с самого начала, что непосредственным источником Сенковского эта хрестоматия быть не могла: она напечатана в 1832 г., ее первое литографированное издание вышло в 1824 г. и соответствующего рассказа там не было.⁸⁶ Однако совпадение заставило задуматься и по другому поводу: в той же хрестоматии рядом с текстом «**Витязя буланого коня**» оказался и второй рассказ, переведенный Сенковским за год до того под названием «**Бедуин**», который открыл цикл его «Восточных повестей». Таким образом, случайность этого совпадения делалась еще более сомнительной и передо мною встал вопрос, из какого источника **Болдырев** взял обе эти повести и мог ли он быть известен Сенковскому.⁸⁷

Решить это оказалось нетрудно. В предисловии к хрестоматии **Болдырев** ничего определенного о своих источниках не говорил, но современникам его было хорошо известно, что он основывался исключительно на напечатанных уже раньше,⁸⁸ а не рукописных материалах; иногда за это критика его корила.⁸⁹ При таком обстоятельстве круг поисков сильно суживался: количество напечатанных в Европе к 30-м годам арабских текстов аналогичного содержания было не очень велико и во всяком

⁸⁶ А. В. Болдырев. Арабская хрестоматия, литографически изданная. М. (в Университетской типографии), 1824, in 8°, IV, 80 стр. В противоположность печатному изданию во введении к ней **Болдырев** указывает свои источники (стр. III—IV).

⁸⁷ Не скрою, что первый толчок к мысли о связи повести Сенковского с произведением, помещенным в хрестоматии **Болдырева**, мне дал находящийся тетерь у меня экземпляр ее из библиотеки известных казанских славистов М. Н. и Н. П. Петровских. На стр. 164 этого экземпляра находится карандашная приписка почерком середины прошлого века: «Собр. сочинений Сенковского. Т. 1-й, стр. 227 — «**Витязь буланого коня**».

⁸⁸ См. слова его ученика П. Я. Петрова в «**Биографическом словаре профессоров и преподавателей Московского университета**» (I, М., 1855, стр. 56): «Вообще Новая Арабская Хрестоматия не заключает в себе ничего неизданного». Ср. рецензию в «**Северной пчеле**» (№ 157, 11 июля 1832 г.), подписанную псевдонимом «Шейх Ибн Амру Эль-Мохди, пребывающий в Петербурге».

⁸⁹ См. слова Ф. Шармуа в его рецензии: JA, sér. 3, v. IV, 1837, стр. 345.

случае обозримо. Без особо сложных поисков удалось установить, что оба рассказа в той же самой последовательности находятся в «Арабской хрестоматии» А. Оберлейтнера, напечатанной в Вене в 1823—1824 гг.⁹⁰ Что Болдырев воспользовался для данного отдела своей хрестоматии именно ею, у меня сомнений не оставалось, но относительно связи первых «восточных повестей» Сенковского именно с этим текстом значительные колебания продолжали тяготеть. Не вполне отчетливо связывались хронологические данные. Хрестоматия вышла двумя самостоятельными выпусками — первый, содержащий текст, датирован на титуле 1823 г., второй — словарь — 1824 г. Что для «Витязя буланого коня», помеченного 1823 г., Сенковский мог располагать уже текстом хрестоматии, отпечатанным в том же году, в этом нет ничего невероятного, хотя даты, быть может, и чрезмерно близки. Но что тот же текст лежал у него в основе перевода «Бедуина», помеченного 1822 г., уже более сомнительно, хотя и не невозможно, так как предисловие к хрестоматии Оберлейтнера датировано 28 сентября 1822 г.⁹¹ Все же для этого приходится предполагать, что Сенковский мог знакомиться с листами хрестоматии до ее появления в 1823 г., иметь прямые сношения с автором, что, конечно, не представляет ничего удивительного, но требует более серьезных доказательств. Таким образом, хотя во мне оставалось убеждение, что для первых двух «восточных повестей» Сенковский пользовался именно тем произведением, откуда два рассказа взяты Оберлейтнером, а за ним и Болдыревым, но пути ознакомления его с этими рассказами оставались невыясненными и требовали еще дальнейших поисков. Хрестоматия Оберлейтнера сама по

⁹⁰ Chrestomathia arabica una cum glossario arabico-latino, huic chrestomathiae accomodata ab Andrea Oberleitner. Prior pars, chrestomathiam continens, Viennae, 1823, XVI, 298 стр.; Posterior pars, glossarium continens, Viennae, 1824, VI, 384 стр. Интересующий нас текст находится в т. I, стр. 230—236 («Бедуин»), стр. 236—242 («Витязь буланого коня»).

⁹¹ Chrestomathia arabica..., I, стр. XIV.

себе вопроса не решала.

Передо мною встала задача выяснить, из какого источника оба рассказа появились в ней. **Андреас (Франц Ксавер) Оберлейтнер** (1789—1832) является одним из солидных представителей венской школы ориенталистов филологического направления,⁹² затененной популярным, но более легковесным **Хаммер-Пургсталлем**. За год до издания хрестоматии он выпустил солидную по своему времени арабскую грамматику,⁹³ вводная часть которой показывает очень серьезный подход к своей задаче. В издании арабистических пособий он шел по линии своего учителя, тоже известного ориенталиста и экзегета на рубеже XVIII—XIX вв. **Йоханна Яна** (1750—1816),⁹⁴ которому точно так же принадлежит арабская грамматика⁹⁵ и хрестоматия со специальным словарем.⁹⁶ В некоторых отделах хрестоматия **Оберлейтнера** и представляла только второе издание или переработку хрестоматии его предшественника и учителя. Однако именно интересующих нас рассказов в ней не было; таким образом выяснилось, что их внес сам **Оберлейтнер**. По счастью, в обстоятельном предисловии он очень тщательно говорит о всех своих источниках и, в частности, касается этих двух рассказов. После характеристики отрывков из поэтической антологии «ал-Хамāса» и «Макāм» ал-Харīрī, уже помещенных в хрестоматии **Яна**, он говорит, что оба этих рассказа никогда не издавались раньше и относятся к тем, которые «известный Арыда» предлагал для упражнения своим

⁹² См: C. v. WÜRZBACH. Biographisches Lexikon des Kaisertums Österreich, XX. Wien, 1869, стр. 455—456.

⁹³ Andreae OBERLEITNER. Fundamenta linguae arabicae. Accedunt selectae quaedam, magnamque partem typis nondum exscriptae sententiae, primis legendi ac interpretandi periculis destinatae. Viennae, 1822, XVI, 390, VI стр.

⁹⁴ C. v. WURZBACH, ук. соч., X, 1863, стр. 42—47.

⁹⁵ Arabische Sprachlehre etwas vollständiger ausgearbeitet von Johann Jahn. Wien, 1796, XL, 284 стр.

⁹⁶ Arabische Chrestomathie herausgegeben von Johannes Jahn. Wien, 1802, XVI, 280 стр. — Lexicon arabico-latinum Chrestomathiae arabicae accomodatut a Johannes Jahn. Vindobonae, 1802, 490 стр.

слушателям в извлечении из какой-то принадлежавшей ему рукописи.⁹⁷ Это имя сразу подтвердило мою уверенность и бросило яркий свет на тот путь, который мог привести Сенковского именно к этому памятнику.⁹⁸

Антоний 'Арйда (1736—1820), сирийский маронит, происходил из очень известной на Ливане фамилии, которая и до последнего времени насчитывала в своей среде крупных деятелей литературы.⁹⁹ Как многие представители маронитского духовенства, он получил основательное специальное образование в Риме и одно время был у себя на родине секретарем ливанского эмира И́усуфа из рода Шиха́ба. Катастрофа с патроном, который в 1790 г. был убит пашой Акки Джазз а́ром, заставила его бежать в Европу, и он долгое время (с конца 90-х годов)¹⁰⁰ был преподавателем арабского языка в Вене, где немало потрудился для укрепления серьезной арабистической школы. Он оставил после себя арабскую грамматику, напечатанную по-латыни в

⁹⁷ Chrestomathia arabica..., I, стр. XI: «...nova duo hic accreverunt praeparantia quasi carmina faciliora, Anecdota nimirum sive Narrationes poeticae, elegantia sermonis narrationisque jucunditate suavissimae, eaeque, si quidem non erraverim, hactenus typis nondum exscriptae, ut pote quas Clar. Aryda ex quodam codicum suorum in usus academicos selectas Auditoribus tradiderat...» [«...здесь прибавилось два новых как бы приготовительных легких стихотворения, именно анекдоты или поэтические рассказы, самые приятные по изяществу речи и легкости повествования, которые, если я не ошибаюсь, до сих пор еще не были напечатаны, как раз те, которые известный Арида давал, выбирая из какой-то из своих рукописей, для учебного упражнения своим слушателям...】.

⁹⁸ Интересно отметить, что как раз два этих рассказа особенно заинтересовали Рёдигера (E. RODIGER, 1801—1874), который поместил обширную рецензию на хрестоматию (*Ergänzungsblätter zur Allgemeine Literatur-Zeitung*, IV, Junius, 1827, № 70—72, стр. 553—574). Отметив, что текст сообщен 'Арйдой (стр. 561), он перевел первый рассказ (стр. 561—562), изложил второй (стр. 562—563) и дал большое количество поправок к тексту (стр. 563—565).

⁹⁹ См., например: C. BROCKELMANN. GAL, SB, III, стр. 444—445.

¹⁰⁰ В предисловии к «Арабской грамматике» И. Яна 1796 г. о нем еще нет речи, тогда как в хрестоматии его же 1802 г. он упоминается, как увидим, очень часто.

1813 г. в Вене;¹⁰¹ для хрестоматии Яна он составил четыре специальных арабских диалога на упрощенном литературном языке, близком к разговорному.¹⁰²

Диалоги представляют большой интерес как один из первых образцов новоарабской письменности и любопытны не только по языку, но и по теоретическим взглядам на соотношение между диалектом и литературными нормами. Немало в них интересных данных об истории и культурном состоянии Сирии во второй половине XVIII в. Диалоги были перепечатаны в хрестоматии Оберлейтнера¹⁰³ и в свое время пользовались, как увидим, некоторой известностью и в русском востоковедении. Оба названных ученых в значительной мере были учениками 'Арйды' и говорят о нем неоднократно с теплым чувством. Они немало ему обязаны и в своих работах. Ян, отпечатав предисловие к своей хрестоматии по-немецки, словарь к ней дал по-латыни, чтобы использовать корректурные поправки 'Арйды', не владевшего немецким языком;¹⁰⁴ неоднократно с благодарностью о его помощи и инициативе говорит и Оберлейтнер.¹⁰⁵ Учителем его был и еще один очень достойный венский ориенталист, к работам которого иногда приходится обращаться и теперь, — И. Г. Венрих (1787—1847).¹⁰⁶ В Вене, наконец, учился у него и знаменитый князь Вацлав Ржевусский (ок. 1785—1831), небезызвестный в русской литературе прототип «Фариса» Мицкевича, издатель одной из первых в Европе востоковедных серий

¹⁰¹ *Institutiones grammaticae arabicae auctore Antonio Aryda. Viennae, 1813, 168 стр.*

¹⁰² *Arabische Chrestomathie*, стр. 221—280, ср. стр. XIII—XV.

¹⁰³ *Chrestomathie arabica...*, I, стр. 270—298.

¹⁰⁴ См. еще в предисловии к хрестоматии, стр. X, XIII, XV; ср.: C. v. WURZBACH, ук. соч., X, стр. 45.

¹⁰⁵ Например: *Andreae OBERLEITNER. Fundamenta linguae arabicae*, стр. IX—XVI, 368 (где указывается, что публикуемые дальше афоризмы сообщались Арйдой своим ученикам); *Chrestomathia arabica...*, I, стр. XI; II, стр. V. Ср.: C. v. WURZBACH, ук. соч., XX, стр. 455.

¹⁰⁶ C. v. WURZBACH, ук. соч., LV, 1887, стр. 4—7 (о занятиях у Арйды, стр. 4).

«Mines d'Orient (Fundgruben des Orients)». ¹⁰⁷

В 1814 или 1816 г. **‘Арида** в связи с преклонным возрастом вернулся на родину и доживал последние годы на покое в местечке **Антюра** на **Ливане**, продолжая занятия в местной семинарии. Он умер в ноябре 1820 г., месяцев через семь после того, как в Сирию приехал Сенковский, который вместе со шведом **Я. Берггреном** (1790—1868) оказался последним его учеником из европейцев. ¹⁰⁸ Как и венские ученые, он сохранил очень хорошие воспоминания о своем учителе, говорил о нем уже во вступительной лекции в университете, пользуясь, между прочим, и диалогами, которые были опубликованы Яном, ¹⁰⁹ а через много лет отразил свое настроение в биографической заметке энциклопедического лексикона Плюшара ¹¹⁰ и «**Воспоминаниях о Сирии**», где называет его своим «незабвенным наставником, автором известной грамматики». ¹¹¹

Для нашей цели в данном случае особое значение приобретает одно место в тех же воспоминаниях, где он говорит о своих занятиях: «Возвратясь в конурку, занимаемую в каком-нибудь маронитском монастыре, я так же отчаянно терзал свои силы над сирскими и арабскими рукописями, отысканными в скучной библиотеке грамотного монаха: поспешно списывал любопытнейшие из них, читал наскоро те, которые не успевал списать, делал

¹⁰⁷ C. v. WURZBACH, uk. соч., **XXVII**, 1874, стр. 353—355; особенно: J. ST. BYSTROŃ. *Polacy w ziemi swietej, Syrji i Egipcie. Kraków*, 1930, стр. 90—110.

¹⁰⁸ **П. САВЕЛЬЕВ**. О жизни и трудах О. И. Сенковского. Собр. соч. Сенковского, I, стр. XXVI. См. еще записку Сенковского в Министерство народного просвещения в 1822 г. (С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности, II. Пгр., 1919, стр. 261).

¹⁰⁹ Собр. соч. Сенковского, VII, 1859, стр. 152, 159—161. Вероятно, в связи с этим «знаменитый ориенталист **Арид** в разговоре своем об языке арабском» появляется в статье Н. Коноплева «О духе, богатстве языка и поэзии арабов» (Уч. зап. Московск. унив., ч. 5-я, 1834, сентябрь, № III, стр. 429—430. Ср.: *Chrestomathia arabica...*, I, стр. 276).

¹¹⁰ Энциклопедический лексикон А. Плюшара. III, СПб., 1835, стр. 295—296.

¹¹¹ Собр. соч. Сенковского, I, стр. 201.

извлечения, отмечал найденные в них живописнейшие фразы или заслышанные идиотизмы разговорного языка и твердил их наизусть всю ночь». ¹¹²

Если это место сопоставить с тем, что говорит в предисловии к своей хрестоматии *Оберлейтнер*, уже не покажется слишком смелым предположение, что '*Арйда*', знакомивший венских учеников с этим сочинением по принадлежавшей ему рукописи, мог познакомить с ним и Сенковского. Ограничился ли он чтением или списал «любопытнейшие», как он сам говорит, рассказы — это вопрос второстепенный. Не исключена возможность, что '*Арйда*' говорил ему о готовящейся хрестоматии своего ученика *Оберлейтнера* или показывал отдельные листы медленно печатавшейся книги еще до выхода их в свет. Все эти предположения превращаются почти в уверенность, если вспомнить, что Сенковский, по его собственным словам, ¹¹³ «занимался составлением хрестоматии при одобрении и пособии почтенного своего наставника, Арыды».

Выяснением источника «*Витязя буланого коня*» и «*Бедуина*» я первоначально считал свою задачу исчерпанной, однако найденная нить продолжала вести дальше и клубок распутывался почти без остатка. Постепенно выяснилось, что все другие упомянутые «восточные повести» находятся в том же самом арабском произведении, как и две первые. Исключение представила естественно только «*Деревянная красавица*», переведенная, по словам Сенковского, «с татарско-адербайджанского наречия», и «*Смерть Шанфария*», которая относится к несколько другой категории.

Некоторую остроту этому открытию придало то обстоятельство, что даже рассказ «*Урок неблагодарным*» с подзаголовком «с персидского» обнаружился в том же

¹¹² Там же, стр. 192. На это место особое внимание обратил и *П. Савельев*, *О жизни и трудах О. И. Сенковского*, стр. XXIX).

¹¹³ Собр. соч. Сенковского, VII, стр. 152.

арабском источнике. При таком результате первоначальное предположение приобретало характер уже полной несомненности: если шесть переводных произведений Сенковского из общего количества восьми данной категории находятся в одном арабском сборнике, который во всяком случае был ему известен, трудно предполагать, что он извлек их не оттуда, а из каких-нибудь различных, независимых от этого источников. Определенную связь, часто текстуального порядка, подтверждает непосредственное изучение этого источника и характера перевода Сенковским отдельных рассказов.

Произведение, которое доставило материал для «Восточных повестей», относится к очень позднему периоду арабской литературы: оно было составлено в Египте около 1100/1689 г. не известным нам ближе Мухаммедом **Дийāбом ал-Итлīdī**.¹¹⁴ По типу оно принадлежит к очень распространенному среди арабов и народов арабской культуры жанру сборников-антологий исторических рассказов и анекдотов, иногда связанных с действительными фактами, иногда характера литературных новелл, широко известных в самых разнообразных вариантах часто не в одной арабской литературе. Название сборника значительно уже содержания: «**Сообщение людям о том, что случилось у Бармекидов с сынами 'Аббāса**» («**И'lām an-nāc bi mā waka'a li-l-Bārāmika ma'a bānī 'Abbās**»).¹¹⁵ Это заглавие ввело в заблуждение целый ряд ученых, которые на основе его считали произведение «романом о Бармекидах»;¹¹⁶ на самом деле, хотя в центре изложения

¹¹⁴ Данные о нем и его произведении см.: C. BROCKELMANN. **GAL**, II, стр. 303, № 11; стр. 711; **SB**, II, стр. 414; F. WÜSTENFELD. Die Geschichtschreiber der Araber und ihre Werke. **Göttinnen**, 1882, стр. 289, № 588; V. CHAUVIN. Bibliographie des ouvrages arabes, IX. **Liège**, 1905, стр. 60—61; L. BOUVAT. Les Barmécides. **Paris**, 1912, стр. 20—21; Дж. Зейдāн. Та'рīkh ādāb al-lugha al-'arabīya, III. Каир, 1913, стр. 283, № 14; Й. И. САРКИС. Mu'djam al-matbū'āt al-'arabīya. Каир» 1928—1930, стр. 364.

¹¹⁵ Иногда в заглавии встречаются в различных версиях легкие варианты; вм. *waka'a* стоит *dżarā*, вм. *ma'a* — *min*.

¹¹⁶ См., например: C. BROCKELMANN. Geschichte der arabischen Littératur.

стоят действительно события эпохи, связанной с именем известной династии везиров Бармекидов и трагической гибелью их при Хāрūне ар-Рашиде, но хронологически рассказы захватывают весь период от первого халифа **Абӯ Бекра** (с 632 г.) до аббасидского халифа **ал-Му'tасима** (ум. в 227/842 г.); Единственным принципом систематизации является распределение рассказов по правлениям халифов; какой-нибудь внутренней связи в их последовательности уловить нельзя.

Позднее происхождение сборника говорит за то, что мы имеем дело не с самостоятельным произведением. Это типичная компиляция времени упадка литературы, которая черпает свой материал отовсюду. По принятому обыкновению, автор очень редко указывает источники, но в общем они нам ясны. Через не всегда известные инстанции в конечной стадии автор восходит к сборникам-антологиям такого же типа, которые вполне оформились и были очень популярны уже в IX—X вв. н. э. Что он ограничивался материалами этого рода, говорят и его хронологические рамки, не выходящие за IX в. В некоторых случаях установить его источники, как мы увидим при анализе отдельных рассказов, не представляет особого труда; в других это требует специальных изысканий, тем более что иногда они носят характер бродячих повестей и включаются в самые разнообразные сборники вплоть до «**1001 ночи**».

В связи с этим встает еще раз вопрос, не мог ли Сенковский взять свои «Восточные повести» не из такого позднего источника, как антология **ал-Итлīдāj**, а из более ранних сборников или непосредственно из арабского фольклора. Помимо того, решающего на мой взгляд обстоятельства, что все они находятся именно в одном сборнике, есть еще и другие доводы, заставляющие ответить отрицательно. В фольклор в узком смысле эти рассказы обыкновенно не переходили; все они относятся к области

Leipzig (Amelangs Verlag), 1909, стр. 219: «...auf volkstümlicher Überlieferung beruhende Roman über die Barmekiden».

литературы книжной, которая преимущественно читалась, а не рассказывалась, в противоположность, например, героическим повествованиям или сказкам. Едва ли Сенковский мог слышать их в устной передаче. Против возможности использования им более старых сборников говорит самая история их распространения в арабской литературе: все они были вытеснены из обращения более поздними сборниками аналогичного типа. Именно последние стали прежде всего доступны европейской науке и литературе; только значительно позже, уже с конца XIX в., ученые стали открывать ранние сборники IX—X вв. и постепенно знакомиться с ними.

Широкую популярность приобрела, и антология ал-Итлайд. Об этом говорит большое количество рукописей, в которых она распространена на Западе и Востоке;¹¹⁷ об этом говорит и то, что со второй половины XIX в. она выдержала в Египте не меньше 10 изданий, начиная с вышедшего в 1279/1862 г. Еще в первых десятилетиях XX в. она была одинаково излюбленным чтением и в строго мусульманских кругах, как указывает персидский перевод, относящийся даже к 1314/1896 г.,¹¹⁸ и среди тех арабских ученых, которые продолжали давнюю традицию 'Ариды: известный бейрутский историк литературы араб Л. Шейхо (1859—1927) включил в свою очень популярную хрестоматию для средней школы не меньше 20 рассказов из нее.¹¹⁹

В Европе она стала известной еще задолго до появления печатного текста. Повидимому, первым, кто познакомил с нею широкие круги читателей, был австрийский дипломат и ориенталист Хаммер-Пургсталль (1774—1856). Он не принадлежал к строгому филологическому направлению венской школы Яна— 'Ариды. Достоинство его многочисленных альманахов и антологий было разоблачено едва ли не при его жизни, но значения их для

¹¹⁷ Перечень их см. в указанных работах Брокельмана и Шовена.

¹¹⁸ C. BROCKELMANN. GAL, SB, II, стр. 414.

¹¹⁹ Они перечислены в указателе к его «Маджāнī ал-адаб», стр. 31.

популяризации различных восточных литератур в свое время отрицать никак нельзя. Иногда отражение получалось у него кривое, но пример Гёте говорит, что и при нем талант мог проникнуть в понимание оригинала. В одной из таких антологий, вышедшей в 1813 г., как всегда под экзотическим названием «Розового масла», вторую фляжку или, говоря проще, томик он в значительной мере заполнил рассказами из сборника ал-Итлайды.¹²⁰ Количество их превосходит 60; имеется в числе них и большинство переведенных Сенковским. Антологию Хаммера при своих литературно-ориентальных устремлениях он несомненно должен был знать, может быть даже в виленский период. Под первым впечатлением у меня зародилась мысль, не взял ли он свои переводы попросту из Хаммера. Однако, при ближайшем изучении ее пришлось оставить: у Хаммера даны не все фигурирующие у Сенковского рассказы, а кроме того, против этого предположения говорят и текстуальные различия. Что благодаря Хаммеру он мог обратить внимание на этот сборник еще до знакомства с 'Аридой, это, конечно, вполне возможно. В предисловии Хаммер дал в нескольких словах общую характеристику сборника ал-Итлайды,¹²¹ но об источнике своем он ближайшим образом ничего не сказал. Венская рукопись им быть не могла, так как поступила в

¹²⁰ Rosenöl. Zweites Fläschchen oder Sagen und Kunden des Morgenlandes aus arabischen, persischen und türkischen Quellen gesammelt. Zweites Bändchen. Stuttgart und Tübingen, 1813.

¹²¹ Rosenöl, II, стр. V—VI, XVI, № VII. По обычному для него недосмотру он назвал автора уроженцем Толедо (стр. XVI), совершенно фантастически объяснив его нисбу «ал-Итлайды» (в первом случае было бы ат-Тулайтуй). Из предисловия самого автора (И'лам ан-нা�с бимā вака'a ли-л-Барāмika ma'a bāni 'Abbas. Kaip, 1287/1870, стр. 2, 2 сн.) мы знаем, что он был из провинции ал-Мунйа ал-Хусайбия; эта область с одноименным городом уже во времена географа Йакута была известна как Мунят ал-Хусайб (*Jacut's Geographisches Wörterbuch*. Hrsg. von F. Wustenfeld, IV, Leipzig, 1869, стр. 675, 1[—]4). В ней и тогда существовало селение Аслайдим недалеко от Ашмунейна (там же, I, 1866, стр. 119, 1[—]2), известно оно и теперь в форме Атлайдам (ок. 28° с. ш.); оттуда и происходил, судя по имени, наш автор (см.: K. BAEDEKER. Ägypten und der Sudan. 8. Aufl., Leipzig, 1928, стр. 213 и карты при стр. 208 и 228).

библиотеку позже; ¹²² весьма возможно, что Хаммер располагал какой-либо другой, хотя бы в Стамбуле, где он долго жил, начиная с 1799 г. Не исключена возможность, что и его натолкнул на это сочинение все тот же 'Арйда.

Благодаря венской школе, как мы видели, появились впервые в печати и арабские оригиналы двух рассказов ал-Итлайдж в 1823 г. Хрестоматия Оберлейтнера, более доступная, чем фундаментальная трехтомная Сильвестра де Саси, была достаточно популярна и в России; ¹²³ не удивительно, что эти рассказы перекочевали и в московскую хрестоматию А. В. Болдырева в 1832 г. Первые издания всего памятника появились в Египте в 1279/1862 и 1287/1870 гг.; по всей вероятности, под влиянием их возник неполный английский перевод Годфрея Кларка, напечатанный в Лондоне в 1873 г. ¹²⁴ Он содержит около четверти оригинала; ¹²⁵ предисловие не дает никаких сведений об источнике. Существование в Азиатском музее одной рукописи сборника ал-Итлайдж ¹²⁶ позволила В. Ф. Гиргасу и В. Р. Розену включить девять рассказов в их классическую

¹²² Она датирована 1150/1737 г. и входила в состав коллекции дипломата-ориенталиста Прокеш-Остена (Prokesch-Osten, 1795—1876). См. каталог: G. FLÜGEL. Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der k.-k. Hofbibliothek zu Wien, II, Wien, 1865, стр. 117, № 888.

¹²³ Венская школа ориенталистов вообще пользовалась у нас в это время достаточной известностью: когда в 1822 г. шла переписка по вопросу о назначении Сенковского профессором Петербургского университета, министр иностранных дел граф К. В. Нессельроде предлагал назначить Сенковского адъюнктом, а «одного профессора или двух» выбрать «в Вене, где находится одно из славнейших заведений сего рода» (С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности, стр. 263; ср. стр. 265).

¹²⁴ Ilam-en-nas. Historical tales and anecdotes of the time of the early Khalifahs. Translated from the Arabic and annotated by Mrs. Godfrey Clerk. London, 1873, XVIII, 293 стр. (в дальнейшем цит.: перевод Г. Кларк).

¹²⁵ По второму каирскому изданию 1287/1870 г. перевод доходит до стр. 82 (халифат ал-Хадж) из 270.

¹²⁶ V. ROSEN. Notices sommaires des manuscrits arabes du Musée Asiatique. St.-Pétersbourg, 1881, стр. 128, № 184 (старый № 563, современный шифр В. 643).

«Арабскую хрестоматию». ¹²⁷ Таким образом, в русской учебной литературе это произведение в отрывках изучалось больше 100 лет, начиная со времен **Болдырева** до наших дней. Не забыто оно и на Западе: в самое последнее время к нему опять вернулся **А. Фишер**, который в своих критических замечаниях к его популярной, выдержавшей четыре издания хрестоматии ¹²⁸ привел несколько параллелей из **ал-Итлийд** к рассказам, ¹²⁹ напечатанным там. Какого-нибудь специального исследования ни этот автор, ни его сборник в европейской научной литературе не вызвали, и в ближайшее время на это едва ли можно надеяться: поздние антологии были сравнительно популярны в средине прошлого века, но теперь интерес переместился к более ранним периодам арабской литературы, к авторам IX—X вв., у которых приходится искать основные истоки этих поздних произведений.

Если после всех высказанных раньше соображений можно быть уверенным, что для большинства своих «восточных повестей» Сенковский воспользовался сборником **ал-Итлийд**, то едва ли нам когда-либо удастся установить, какой именно текст был у него под руками. Теоретические предположения, как мы видели, могут быть достаточно разнообразны. Если для первых двух повестей он мог воспользоваться печатным изданием в хрестоматии **Оберлейтнера**, то для следующих надо было располагать какой-то рукописью. Сенковский мог обработать собственные выписки, сделанные в Сирии, может быть, даже по списку **‘Арыйд**, мог иметь принадлежавшую ему рукопись, которая нам не известна, мог, наконец, привлечь экземпляр Азиатского музея. Он происходит из составивших основной

¹²⁷ В. Ф. Гиргас и В. Р. Розен. Арабская хрестоматия, ч. I—II. СПб., 1875—1876. Предисловие, стр. 5.

¹²⁸ R. Brünnow's Arabische Chrestomathie aus Prosaschriftstellern in vierter Auflage, hrsg. von August Fischer. Berlin, 1928, VI, 165 стр. (*Porta linguarum orientalium*, XVI).

¹²⁹ ZDMG, XCIV, 1940, стр. 316.

фонд музея в начале XIX в. коллекций Руссо¹³⁰ и поступил, как выяснил по черновым каталогам Френа В. И. Беляев, в составе второй коллекции в 1825 г.¹³¹

Система переводов, принятая во время Сенковского, не дает возможности решить этот вопрос на основе текстуальных соображений. Если в первых по времени повестях Сенковский еще несколько придерживается арабского оригинала, то постепенно он отходит от него дальше и дальше, создавая на взятой канве уже свои собственные рисунки. Последовательная эволюция выступает очень отчетливо при рассмотрении этих повестей в хронологическом порядке их появления. Таким рассмотрением мы и закончим наш этюд; некоторые детали этого анализа позволяют еще больше укрепить основной вывод об источнике повестей. Никаких заглавий повестей в арабском оригинале, конечно, не имеется; они принадлежат Сенковскому, но для удобства цитирования мы их сохраним.

Первой по времени является повесть «Бедуин», опубликованная в 1823 г. и датированная 1822 г.¹³² Кроме текста ал-Итлайд¹³³ и перепечатки его в хрестоматиях Оберлейтнера,¹³⁴ Болдырева¹³⁵ и Шейха,¹³⁶ она известна еще и в «1001 ночи».¹³⁷ Расхождения сравнительно

¹³⁰ Азиатский музей Российской Академии Наук 1818—1918. Краткая памятка. Петербург, 1920, стр. 9.

¹³¹ В ней он носил сохранившийся на корешке номер № 172, и, таким образом, сомнение В. Р. Розена, отраженное вопросительным знаком в каталоге, должна отпасть.

¹³² Собр. соч. Сенковского, I, стр. 221—226.

¹³³ Второе каирское (литографированное) издание 1287/1870 г., стр. 3—6. — Рукопись Института востоковедения, В 643, стр. 4—9 (в дальнейшем текст ал-Итлайд¹³³ цитируется всегда по этим источникам: «издание», «рукопись»). — Перевод Г. Кларк, стр. 13—23.

¹³⁴ Chrestomathia arabica..., I, стр. 230—236.

¹³⁵ А. В. Болдырев, ук. соч., 1832, стр. 157—164.

¹³⁶ Маджан¹ ал-адаб, IV, стр. 230—234, № 310.

¹³⁷ V. CHAUVIN, ук. соч., V, 1901, стр. 216, № 125. — The Alif Laila or Book of the Thousand Nights and One Night. Ed. by W. H. Macnaghten, II. Calcutta, 1839, стр. 408—412. — كتاب ألف ليلة وليلة [Книга тысячи и одной ночи]. Перевод и комментарии М. А. Салье под ред. акад. И. Ю. Крачковского, IV. [Л.],

незначительны, но текст ал-Итлайди производит впечатление лучшей сохранности: в нем систематически выдержаны рифмованная проза, иногда нарушаемая в изложении «1001 ночи». Рассказ является одним из немногих, где ал-Итлайди дает ссылку на источник: «Говорил Шараф ад-дайн¹³⁸ Хусейн ибн ар-Райян.¹³⁹ Самое поразительное, что я передал из рассказов, и самое удивительное, что я уразумел со слов лучших людей из тех, которые бывали в собрании 'Омара ибн ал-Хаттаба, халифа мусульман, и слыхали его речи, — следующее». Соответственно с этим дается и заключение рассказа: «Говорит передатчик. И я закрепил это в собрании диковинок и записал в заглавии чудес». По ссылке можно было бы думать, что указываемый источник передает рассказ непосредственно от современников халифа, однако это не так. Хотя у нас не имеется точных данных об этом писателе, его не приходится считать вымышленным лицом: в одной рукописи в Готе сохранился сборник *макам*, приписываемый Хусейну ибн Сулейману ибн Райяну ал-Хусейни Шараф ад-дирун,¹⁴⁰ несомненно тому же автору, которого называет ал-Итлайди.

Наряду с макамами в той же рукописи есть и другие произведения в прециозной прозе, повидимому того же лица, по стилю напоминающие рассказ «Бедуин». ¹⁴¹ У

«Academia», 1933, стр. 467—473 (в дальнейшем цит.: перевод М. А. Салье). Еще более распространенным в арабской литературе является сильно отличающийся вариант того же рассказа, который переносит действие в доисламскую эпоху ко двору лахмидского эмира в Хире Ну'мана ибн Мунзира. Перевод его с указанием большого количества источников дал Р. Бассэ: R. BASSET. *Mille et un contes, récits et légendes arabes*, II. Paris, 1926, стр. 293—296.

¹³⁸ В издании Оберлейтнера и Болдырева искажение — Шараф; в «1001 ночи» — аш-Шериф.

¹³⁹ У Оберлейтнера и Болдырева искажение — Зийад.

¹⁴⁰ C. BROCKELMANN. *GAL, SB*, II, стр. 909, № 38.

¹⁴¹ W. PERTSCH. *De arabischen Handschriften der herzoglichen Bibliothek zu Gotha*, IV. *Gotha*, 1883, стр. 419, № 2684. К сожалению, мне не доступна книжка А. Рейнхарда (A. REINHARDT. *Morgenländische Lebensbilder*. Jena,

библиографа XVII в. **Хаджжи Халифы** несколько раз встречаются поэтические и реторические произведения автора XIV в. **Шараф ад-дина Хусейна ибн Сулеймана ал-Халаби ат-Тай** (ум. в 770/1308 г.).¹⁴² Вероятно, он идентичен с автором рукописи в Готе и является источником, который называет **ал-Итлайд**; и в дальнейшем нам придется убеждаться, что он брал свой материал не из ранних, а поздних антологий XIII—XIV вв. Действующие лица рассказа «Бедуин» вполне историчны: кроме второго халифа 'Омара, хорошо известен и сподвижник **Мухаммеда Абуб Зарр ал-Гифари** (ум. ок. 32/653 г.).¹⁴³ Открытым, конечно, остается вопрос об историчности рассказа, равно как о его первоисточнике.

Перевод Сенковского в этом произведении является едва ли не наиболее точным среди всех его «восточных повестей». Это обстоятельство позволяет установить, что оригиналом является текст **ал-Итлайд**, а не «1001 ночь», против чего говорят некоторые мелкие различия. В этом переводе Сенковский не делает никаких попыток передать рифмованную прозу подлинника и не допускает каких бы то ни было украшений сравнительно с оригиналом; его можно сопоставить с текстом фраза за фразой с начала до конца. Из крупных сравнительно пропусков следует отметить только переведенную выше начальную и заключительную фразу со ссылкой на источник, равно как две стихотворных цитаты по одному стиху каждая. Первый пропуск, вероятно, объясняется желанием придать большую самостоятельность рассказу, второй — быть может, известной трудностью текста. В переводе встречается небольшое количество мелких недоразумений, которые в одинаковой мере могут быть связаны и с невнимательностью переводчика и с

1840), которая, по словам каталога, дает ряд переводов из этой рукописи (Cр.: V. CHAUVIN, ук. соч., V, стр. 112, № 282).

¹⁴² **Хаджжи Халифа**, I, стр. 487, № 1443; III, стр. 548, № 6895; VI, стр. 355, № 13849.

¹⁴³ M. Th. HOUTSMA. Abū Dharr al-Ghifārī. EI, I, 1910, стр. 88.

неудовлетворительным состоянием бывшего в его распоряжении рукописного оригинала.¹⁴⁴ Уже несколько иного характера перевод «*Витязя буланого коня*» — второй хронологически повести, которая дала основной толчок настоящей работе. Он появился в самом начале 1824 г. и датирован предшествующим.¹⁴⁵ Для нас он представляет особый интерес, так как определенно показывает, что Сенковский имел дело с текстом *ал-Итлайд* как раз по хрестоматии *Оберлейтнера*¹⁴⁶ или вообще по рукописи со следами какой-то обработки '*Ариды*'. В оригинал халиф '*Омар*' обращается к герою с предложением рассказать не только про храбрейшего из тех, кого он встречал, но также про самого трусливого и самого хитрого. И действительно, рассказ в сборнике предваряется двумя, правда значительно более краткими, сценами с характеристикой двух других случаев.¹⁴⁷ В редакции же '*Ариды*', отраженной хрестоматией *Оберлейтнера*, они не нашли себе места и поэтому отсутствуют и в русском переводе Сенковского. На его же счет, вероятно, приходится отнести изменение конца рассказа. В оригинал героиня после гибели возлюбленного и отца, когда '*Амр*' хочет ее увезти, просит дать ей оружие и решить дело в бою. После его отказа она пытается вырвать у него из рук копье, и он, боясь быть убитым, сам убивает ее. Очевидно, этот конец, рисующий героя не в очень привлекательном виде, показался неудобным и Сенковский заменил его мало правдоподобным не только с арабской точки зрения рассказом про самоубийство красавицы,

¹⁴⁴ Как было упомянуто, этот рассказ существует еще в переводе *E. Рёдигера* по хрестоматии *Оберлейтнера* (*E. RÖDIGER*, ук. рецензия, стр. 561—562) и *Г. Кларк* (стр. 13—23) по полному тексту. В антологии *Хаммер-Пургстадля* его нет.

¹⁴⁵ Собр. соч. Сенковского, I, стр. 227—235.

¹⁴⁶ *Chrestomathia arabica...*, I, стр. 236—242.— *А. В. Болдырев*, ук. соч., 1832, стр. 164—172. По хрестоматии *Оберлейтнера* дал его изложение *E. Рёдигер* (ук. рецензия, стр. 562—563).

¹⁴⁷ Издание, стр. 10—14; рукопись, стр. 16—23; перевод *Г. Кларк*, стр. 40—51; у *Хаммера* (*Rosenol*, II, стр. 6—9) в его сокращенном изложении опущен второй случай.

похоронившей себя заживо вместе с телами отца и возлюбленного.

Из других изменений обращает внимание передача стихов, которая дает только очень легкий и отдаленный намек на основное их содержание, а отнюдь не перевод. Причина, с одной стороны, кроется действительно в их значительной трудности, с другой, быть может, объясняется попыткой Сенковского передать их русскими стихами. Мелкие добавления и украшения, количество которых достаточно велико, вызываются, повидимому, желанием придать произведению больший экзотизм. Уже самый подзаголовок «арабская касыда» не имеет никаких оснований. В примечании же поясняется, что касыдой называется небольшая поэма; точнее было бы сказать, что это обыкновенно большое стихотворение, обязательно трехчастное, со строго определенной последовательностью и содержанием каждой части. Ясно, что такой подзаголовок к переведенной повести никак применен быть не может. Первая же вставка точно так же не имеет опоры в тексте. В подлиннике все три рассказа вводятся однотипной фразой «однажды выехал я...»; Сенковский добавляет «на коне славнейшего поколения бегунов Неджда, которому пищею был ветер пустыни и пойлом волны сураба». ¹⁴⁸ Надо сказать, что последние образы вообще чужды арабским представлениям. Возможно, что такие добавления и не принадлежат Сенковскому, — его первые опыты на русском языке, как отмечается в биографии, ¹⁴⁹ исправлялись А. Бестужевым (Марлинским) и для его стиля они более характерны, чем для ранних переводов Сенковского, вначале примикиавших довольно близко к оригиналу.

Как и в первой повести, в «Витязе буланого коня» попадаются недоразумения в передаче текста; одно из них касается имени героя. У Сенковского он раз назван «Караб-эль-Зобейд», другой — «Амру-Караб, сын Маадда и

¹⁴⁸ Точнее следовало бы *сараба*, т. е. «миража».

¹⁴⁹ Собр. соч. Сенковского, I, стр. XXXVI.

Зобейды»; на самом деле в тексте стоит определенно оба раза 'Амр ибн Ма'дикариб¹⁵⁰ аз-Зубайдй — имя довольно известного поэта и героя арабской древности, умершего около 21/643 г.¹⁵¹ Он происходил из большого йеменского племени Зубайд,¹⁵² и отец его носил типичное южноарабское имя Ма'дикариб; конечно, он не имел ничего общего ни с североарабским племенем Ма'адд, ни с женским именем Зубайда.

Рассказы про него были достаточно популярны в арабской литературе и обыкновенно излагались в жанре «Аййам ал-'араб» — повествований про знаменитые «дни» — подвиги арабов. Ядро повести ал-Итлайдй можно усмотреть уже в известном сборнике X в. «Китаб ал-аганй» («Книга песен»)¹⁵³ и в антологии того же времени «Китаб ал-махасин ва-л-масавий» («Книга хороших и дурных свойств»), приписанной знаменитому ал-Джахизу;¹⁵⁴7 очень близкая к ал-Итлайдй версия имеется в известной энциклопедии мамлюкской эпохи XIV в. ан-Нувайри¹⁵⁵ и в одной особняком стоящей рукописи «1001 ночи» в Страсбурге.¹⁵⁶ Рукопись очень поздняя (1247/1831 г.), и некоторые рассказы в ней заимствованы у ал-Итлайдй. Отражение эпизодов всего этого рассказа можно было бы увидеть даже в арабском фольклоре 'Омана,¹⁵⁷ если бы

¹⁵⁰ Караб Сенковского связан с неправильной огласовкой имени у Оберлейтнера (*Chrestomathia arabica...*, I, стр. 236).

¹⁵¹ См.: A. HAFFNER. 'Amr b. Ma'dikarib. *EI*, I, 1910, стр. 353.

¹⁵² The Kitab al-Ansab of 'Abd al-Karim ibn Muhammad al-Sam'anii. Reproduced by D. S. Margoliouth. *Leyden—London*, 1912 (GMS, XX), л. 270б.

¹⁵³ Абү-л-Фарадж 'Алй ал-Исфаханй. Китаб ал-аганй, XIV. Булак, 1285, стр. 136-137.

¹⁵⁴ Le livre des beautés et des antithèses par (Pseudo) Djahiz publ. par G. van Vloten. Leide, 1898, стр. 130, 13—131, 5.

¹⁵⁵ АН-НУВАЙРИ. Нихайат ал-араб, II. Каир, 1924, стр. 176, 8—181, 5; переведена в кн.: H. HOWARTH and I. SCHUKRALLAH. *Images from Arab World*. London, 1944, стр. 25—29, № 10.

¹⁵⁶ V. CHAUVIN, ук. соч., VI, 1902, стр. 71—72, № 238 (ср.: IV, 1900, стр. 211, том 2, № 494).

¹⁵⁷ CARL REINHARDT. Ein arabischer Dialekt gesprochen in 'Omān und Zanzibar.

сборник мог служить в этом отношении авторитетом; однако составитель прибегал иногда к принятой, но едва ли желательной системе пересказа информатором сообщенного ему письменного источника. Все обстоятельства, таким образом, и в деталях ведут к тому, что Сенковский перевел этот рассказ, как и первый, из сборника ал-Итлайдӣ, притом в той редакции, на которой отразилась работа его учителя 'Арйды.

Рассказ «Деревянная красавица», переведенный с «татарско-адербайджанского наречия», не может в данном случае входить в круг нашего рассмотрения; интересно только отметить, что в арабской литературе этот сюжет действительно не пользуется распространностью. Крупнейший знаток бродячих международных мотивов Р. Бассэ мог отметить только единственную известную ему версию на арабском языке из Северной Африки.¹⁵⁸ В противоположность этому на Востоке сюжет очень популярен: источник его восходит к Индии, откуда он распространился и в монгольской и в персидской литературе. В последней особенно известна была с XIV в. обработка ан-Наҳшабӣ (ум. в 751/1350 г.)¹⁵⁹ под заглавием «Тӯтӣ нāмэ» («Книга попугая»).¹⁶⁰ С каким-либо ответвлением ее, вероятно, и связана переделка Сенковского, источник которой специалисты определят, быть может, без труда.¹⁶¹

Следующая повесть Сенковского «Истинное

Stuttgart und Berlin, 1894 (Handbücher des Seminars für Orientalische Sprachen, XII), стр. 302—306.

¹⁵⁸ R. BASSET, ук. соч., стр. 312—313.

¹⁵⁹ E. BERTHELS. Nakhshabī. EI III, 1936, стр. 908—909.

¹⁶⁰ Ср.: А. Крымский. История Персии, ее литературы и дервишеской теософии, т. III, № 1. М., 1914—1915, стр. 85—91.

¹⁶¹ Версия ан-Наҳшабӣ не имеет той локализации и хронологии, которую дает перевод Сенковского. См.: Touti Nameh. Eine Sammlung Persischer Märchen von Nechschebi. Deutsche Übersetzung von C. J. L. Iken. Stuttgart, 1822, стр. 37—40, или: Die Papageimärchen erzählt von Moriz Wickerhauser. Leipzig, 1858, стр. 78—85.

великодушие» ведет нас к тому же источнику. Как и предшествующие, она была помещена в «Полярной звезде» за 1825 г. и датирована 1824 г. Действующие лица носят вполне исторический характер: халиф Сулеймāн правил в 96—99/715—717 гг., обычной его резиденцией, как и упоминается в рассказе, была ар-Рамла в Палестине;¹⁶² 'Икрима умер около 107/725 г.¹⁶³ Рассказ хорошо известен в литературе: кроме ал-Итлīдī, ¹⁶⁴ он появляется почти во всех редакциях «1001 ночи»¹⁶⁵ и попал в ряд старых и новых европейских хрестоматий.¹⁶⁶ В одной из них — Фрейтага, опубликованной в 1834 г.,¹⁶⁷ рассказ взят из копенгагенской рукописи довольно популярной антологии автора VII/XIII в. Шамс ад-дайна Мухаммеда ал-Мукри' ал-Анбāрī.¹⁶⁸ Единство первоначального источника подтверждается и этой редакцией. Версия ал-Итлīдī почти буквально совпадает в данном случае с «1001 ночью»; если бы этот рассказ рассматривать отдельно, вне всего цикла «Восточных повестей», его можно было бы считать переведенным по «1001 ночи». Наличие русского перевода последней избавляет от необходимости давать специальный перевод ал-Итлīдī, чтобы судить о приемах обработки текста

¹⁶² K. V. ZETTERSTÉEN. Sulaimān b. 'Abd al-Malik. EI, IV, 1934, стр. 561.

¹⁶³ Ibn Khallikan's Biographical Dictionary, translated from the Arabic by Mac Guckin de Slane, II. Paris, 1843, стр. 207.

¹⁶⁴ Издание, стр. 51—54; рукопись, стр. 80—86; Rosenöl, II, стр. 50—53; перевод Г. Кларк, стр. 207—217.

¹⁶⁵ V. CHAUVIN, ук. соч., VI, 1902, стр. 21—22, № 193. — The Alif Laila..., III, 1840, стр. 374—378. — Перевод М. А. Салье, VI, стр. 390—397.

¹⁶⁶ Основные перечислены у Шовена (V. CHAUVIN, ук. соч., VI, стр. 22, § 4). Не все из упомянутых им мне доступны: у Бренье (L. J. BRESNIER. Anthologie arabe élémentaire. Alger—Paris, 1852, стр. 60—70) источник не указан.

¹⁶⁷ G. G. Freytag. Chrestomathia arabica grammatica historica. Bonnae a. R., 1834, стр. 44—47. Об источнике см. стр. IV и 31.

¹⁶⁸ C. BROCKELMANN. GAL, SB, I, стр. 597, № 81; указанная рукопись не упомянута и автор по недоразумению фигурирует еще раз (GAL, SB, II, стр. 910, № 54). В каирском издании «Ал-мухтāр мин навādir ал-ахbār» 1310 г. рассказ находится на стр. 49—52.

Сенковским.

Изменения и здесь произведены довольно значительные. На этот раз они касаются не столько отдельных украшений и дополнений, сколько общей манеры изложения. Повествованию придан гораздо более обстоятельный характер и оно значительно расширено сравнительно с оригиналом; в сущности говоря, это уже не перевод, а распространенный пересказ; отдельные детали все же говорят о несомненной связи с подлинником. Неудачно переданы собственные имена (ал-Джезайра в данном случае обозначает не Аравию, а Месопотамию; вместо Хазим надо читать Хузайма, вместо Акрам-эль-Байрадж — 'Икрима ал-Файад); непонятно, откуда у Сенковского появилось имя жены Хузаймы — Асима, отсутствующее в источнике. Возможно, что оно объясняется просто графическим искажением: в рассказе Хузайма обращается к своей жене по обычной арабской традиции со словами «дочь моего дяди» (ибнат 'аммī); из последнего слова и могло получиться при небрежном чтении Асима.

Едва ли не наиболее интересно в этом рассказе то, что мы можем установить первоисточник, к которому восходит текст ал-Итлайд. Им оказывается антология X в. «ал-Мустаджад мин фа'алат ал-аджвад» («Отборное из деяний щедрых») известного писателя ат-Тануҳий (ум. ок. 384/994 г.).¹⁶⁹ Она только недавно сделалась доступной в печатном издании, и буквальное совпадение текста¹⁷⁰ не оставляет никаких сомнений в зависимости ал-Итлайд в данном случае от этого источника. Ат-Тануҳий сообщает нам даже цепь своих информаторов, говоря, что он слышал рассказ в Египте от 'Алай ибн Салиха ал-Балхий, который передавал его со слов какого-то старика, слышавшего его от Шайбы ибн Мухаммеда ад-Димишқий.¹⁷¹ Без специальных изысканий эти

¹⁶⁹ R. PARET. Al-Tanūkhī. EI, IV, 1934, стр. 710.

¹⁷⁰ Leo PAULY. Tanūḥī's Kitāb al-mustağād min fa'alāt al-ağwād. Stuttgart, 1939, стр. 17, 6—23, 4, № 20.

¹⁷¹ Там же, стр. 17, 6—7. Ал-Муқри' ал-Анбārī, в версии которого приводит

имена уже ничего нам не дают.

В том же году и в том же издании Сенковский поместил еще третий рассказ «Урок неблагодарным», переведенный (по его подзаголовку) «с персидского». ¹⁷² Последнее указание давало бы нам формальное право не касаться его в данном очерке, связанном с арабскими материалами. Однако одно обстоятельство останавливает особое внимание: и этот рассказ имеется в антологии ал-Итлайдж, ¹⁷³ притом в редакции, очень близкой к переводу Сенковского. Некоторые различия и отступления заметны, как и в предшествующих случаях, ¹⁷⁴ однако они не настолько значительны, чтобы их нельзя было отнести за счет уже известных нам приемов Сенковского и его литературной обработки. Конечно, нет оснований заподозривать с его стороны прямую мистификацию; весьма вероятно, что у него под руками был фактически какой-то еще не выясненный персидский источник, как в другом случае «татарско-адербайджанский», но несомненно, что он и здесь восходил к хорошо известному нам арабскому оригиналу.

Мы имеем возможность проследить его историю на арабской почве достаточно глубоко, как и в предшествующем рассказе. Изложение ал-Итлайдж совпадает почти буквально с версией, имеющейся в антологии XIII в. ал-Мукри' ал-Анбарий, ¹⁷⁵ и, вероятно, восходит именно к ней. Цепь на этом не замыкается; источником последнего автора

рассказ Фрейтаг (G. G. FREYTAG, ук. соч., стр. 44), своим источником называет ал-'Аббаса ибн ал-Фараджа. Может быть, в нем следует видеть филолога ар-Рийаш, умершего в 257/870 г. (см.: C. BROCKELMANN. GAL, SB, I, стр. 168, № 7), однако в египетском издании 1310 г. (стр. 49) называется Абӯ-л-Фарадж, но не знаменитый автор «Китаб ал-аган» X в., так как в последнем источнике этого рассказа нет.

¹⁷² Собр. соч. Сенковского, I, стр. 252—255.

¹⁷³ Издание, стр. 36—38; рукопись, стр. 64—66; перевод Г. Кларк, стр. 151—156.

¹⁷⁴ Чтобы предоставить возможность сличить, я даю перевод версии ал-Итлайдж в «Приложении».

¹⁷⁵ Ал-Мухтар мин навадир ал-ахбар, стр. 95—98.

оказывается очень популярная антология испано-арабского писателя X в. Ибн 'Абд Раббиха (ум. в 328/940 г.);¹⁷⁶ мелкие отличия здесь несколько значительнее, если сравнивать ее непосредственно с передачей ал-Итлайдж, но возможность каких-либо промежуточных звеньев вполне их объясняет.¹⁷⁷ Как и в предшествующем случае, очень близкая редакция приводится автором X в. ат-Танухий.¹⁷⁸

В основе рассказа лежит, повидимому, исторический факт; о нем упоминает по крайней мере авторитетный историк IX в. ал-Баладзурӣ (ум. в 279/892 г.).¹⁷⁹ Его изложение,¹⁸⁰ значительно отличающееся от упомянутых литературных антологий, позволяет установить, что освещение, приданное рассказу Сенковским, как в некоторых дополнительных чертах, так и в самом заглавии, исторически мало обосновано.¹⁸¹ Хронологически рассказ приурочивается очень определенно: действующие в нем лица — и халиф 'Абд ал-Малик, и правитель ал-Хаджадж, и оппозиционно настроенный Ибраҳим ибн Мухаммед ибн Талха — вполне исторические фигуры. Назначение ал-Хаджаджа в Ирак, о котором идет речь в рассказе, состоялось в 75/694 г.¹⁸²

Прекращение «Полярной звезды» на несколько лет прервало, как мы видели, серию «Восточных повестей» Сенковского. Однако в «Северных цветах» за 1828 г. появилась переведенная в предшествующем году «Бедуинка», как бы открываящая новый цикл. Если все предшествующие повести, несмотря на значительные

¹⁷⁶ C. BROCKELMANN. Ibn 'Abd Rabbihu. EI, I, 1910, стр. 376.

¹⁷⁷ См. ал-'Иқд, I. Каир, 1293, стр. 149, 10—150, 12. Эта версия изложена в кн.: J. PÉRIER. Vie d'al-Hadjadj ibn Yousof. Paris, 1904, стр. 63—65.

¹⁷⁸ Leo PAULY, ук. соч., стр. 34—36, № 26.

¹⁷⁹ C. BECKER. Al-Balādhuri. EI, I, 1910, стр. 636.

¹⁸⁰ W. AHLWARDT. Anonyme arabische Chronik, XI. Greifswald, 1883, стр. 166—167.

¹⁸¹ Ср. анализ в упомянутой книге Перье (J. PÉRIER, ук. соч., стр. 64—65).

¹⁸² H. LAMMENS. Al-Hadjdjadj. EI, II, 1926, стр. 215.

отступления, мы все же можем считать переводами, то теперь начинаются обработки, постепенно переходящие в фантазии типа «*Антара*». В тех случаях, когда действие происходит в исторической обстановке, Сенковский ограничивается только значительно расширенным изложением сюжета, главным образом за счет дополнения оригинала различными вставками и отдельными образами, придающими более экзотический колорит. Изредка к этой системе он прибегал уже в первых повестях, но теперь действует гораздо смелее, не боясь отходить от источника иногда довольно значительно. По этому типу построены повести «*Бедуинка*» и «*Вор*».

Оригиналом первой является все та же антология ал-Итлайд; ¹⁸³ текстуальный анализ отдельных деталей не оставляет в этом никаких сомнений, несмотря на довольно значительную переработку. Из семи стихотворных отрывков Сенковский сохранил только один в достаточно свободной передаче, но зато сильно расширил описательную часть вставками отмеченного типа.

Рассказ был очень популярен в арабской литературе, о чем говорит его появление в «*1001 ночи*» ¹⁸⁴ в редакции, совершенно совпадающей с текстом ал-Итлайд. Источником его является опять известная нам антология ал-Мукри' ал-Анбāрī, ¹⁸⁵ откуда рассказ взят без каких бы то ни было изменений. Более глубокий прототип его надо искать, вероятно, в очень обширной серии антологий о любви и влюбленных, которые пользовались в арабской литературе большим распространением. В одной из таких наиболее ранних и наиболее популярных антологий XI в. Ибн ас-

¹⁸³ Издание, стр. 15—18; рукопись, лл. 24—31; В. Ф. Гиргас и В. Р. Розен, ук. соч., стр. 56—61, № 28; изложение у Хаммера (Rosenöl, II, стр. 10—13); перевод Г. Кларк, стр. 53—63.

¹⁸⁴ V. CHAUVIN, ук. соч., V, стр. 118, № 53. — The Alif Laila..., III, стр. 398—403. — Перевод М. А. Салье, VI, стр. 435—444.

¹⁸⁵ Ал-Мухтāр мин навāдир ал-ахbār, стр. 100—105. По копенгагенской рукописи у Фрейтага (G. FREYTAG, ук. соч., стр. 77—83, № 35).

Саррāджа (ум. ок. 500/1106 г.)¹⁸⁶ этот рассказ фактически имеется,¹⁸⁷ хотя в несколько отличной, менее распространенной редакции.¹⁸⁸ Значительно расходится и та версия, которую со ссылкой на ранний источник приводит мамлюкская энциклопедия XIV в. **ан-Нувайрī**.¹⁸⁹ Во всяком случае действие всегда происходит во время омейядского халифа Mu'āвии (41—60/661—680).

Другого типа и на других источниках основана «**Смерть Шанфария**», появившаяся в том же году в «**Альбоме северных муз**» и тоже включенная в цикл «Восточных повестей».¹⁹⁰ В основе лежит здесь легенда про знаменитого героя и поэта доисламской Аравии,¹⁹¹ но в совершенно вольном изложении; переводом считать ее никак нельзя и устанавливать текстуальную зависимость от арабских оригиналов нет необходимости. Весьма возможно, что толчком Сенковскому для выбора именно этого сюжета послужило появление в 1826 г. второго издания знаменитой арабской хрестоматии **Сильвестра де Саси**, где в связи с опубликованием наиболее известной **каṣīды аш-Шанфары** некоторое внимание уделено и ему самому.¹⁹² Считать, однако, эту хрестоматию единственным источником¹⁹³ нельзя: в ней слишком мало фактических данных сравнительно с изложением Сенковского. Он исходил из

¹⁸⁶ C. BROCKELMANN. GAL, SB, I, стр. 594, № 4.

¹⁸⁷ Maṣāri' al-'uššāk. Стамбул, 1301, стр. 223—225. Как и в большинстве случаев, автор дает обстоятельную цепь последовательных передатчиков (*исnād*), которую в общем идентификовала Парет: R. PARET. Früharabische Liebesgeschichten. Bern, 1927, стр. 31, № 77. Она доходит до середины VIII в.

¹⁸⁸ Ср. замечание Парета: R. PARET. Früharabische Liebesgeschichten, стр. 74, с.

¹⁸⁹ Нихāyat ал-араб, стр. 156, 1—159, 7.

¹⁹⁰ Собр. соч. Сенковского, I, стр. 267—288.

¹⁹¹ C. BROCKELMANN. GAL, SB, I, стр. 52—53.

¹⁹² Chrestomathie arabe par A. J. Silvestre de Sacy, II. Paris, 1826, текст, стр. 134, 148—149.

¹⁹³ Ср. обратное замечание А. Крымского в «Энциклопедическом словаре» Граната, т. 49, 1930, стр. 85.

различных преданий про подвиги древнеарабских героев и знаменитые битвы племен, так называемые «дни арабов» (*аййāм ал-'араб*), обширный свод которых дан, между прочим, в известном труде X в. «Книга песен» («*Китāб ал-агāнī*»); значительное место уделено в ней и аш-Шанфаре.¹⁹⁴ На основе материалов такого происхождения в свободной их комбинации и составлена мозаичная картина Сенковского. Она, как известно, сыграла значительную роль в литературе, и, повидимому, не без ее влияния к некоторым арабским сюжетам обратился в свое время Мицкевич.¹⁹⁵

Значительно позже к тому же приему на основе приблизительно тех же источников, но в еще более свободной трактовке, где арабские элементы причудливо сплетены с персидскими вне всяких хронологических рамок, прибег Сенковский еще раз, когда в «*Новоселье*» 1833 г. он опубликовал «*Антара*». Хотя подзаголовок называет его тоже «восточной повестью», но издатель был совершенно прав, отметив в примечании, что «эта повесть не перевод с арабского и не заимствована из известного арабского романа «*Антар*», а оригинальное создание в духе арабской поэзии».¹⁹⁶ О ее поэтическом достоинстве, не всегда воспринимаемом нашим современным чувством, говорит все же тот факт, что именно она могла вдохновить Римского-Корсакова на создание его известной симфонии «*Антар*», в основу программы которой положен текст Сенковского.

Круг «восточных повестей», которые нас преимущественно интересуют, замыкает «*Вор*», помещенный в «*Северных цветах*» за 1830 г. и переведенный за год до этого. Источником его является опять антология ал-Итлайдж,¹⁹⁷ и благодаря этому мы имеем возможность

¹⁹⁴ См. т. XXI в издании Р. Брюннова (R. Brünnow) (Leiden, 1888), стр. 134—143.

¹⁹⁵ Ср.: П. Савельев. О жизни и трудах О. И. Сенковского, стр. CXX, № 43.

¹⁹⁶ Собр. соч. Сенковского, I, стр. 321.

¹⁹⁷ Издание, стр. 26—29; рукопись, стр. 45—50. — В. Ф. Гиргас и В. Р. Розен, ук. соч., стр. 42—45, № 24. — Перевод у Хаммера (Rosenöl, II, стр. 129—134)

хорошо судить о работе, проделанной Сенковским над оригиналом. Здесь он шел по тому же пути, как и в «Бедуинке» за два года до этого. Сохраняя нетронутой фабулу, он значительно расширял изложение, как целыми вставными эпизодами и описаниями, так особенно отдельными фразами, литературными намеками и специфическими образами. Эту сторону Сенковский подчеркнул даже особым приемом, выделив курсивом те фразы и выражения, которые для колорита даются им в буквальном переводе с арабского, хотя в оригинале обыкновенно отсутствуют и вставлены им самим. Появляются и добавочные стихи, но те, которые имеются в тексте, обыкновенно не переводятся. «Вора» нельзя назвать, конечно, фантазией в таком смысле, как «Смерть Шанфария» или «Антара»: здесь Сенковский старался оставаться в пределах соответствующей исторической рамки, хотя и не всегда с успехом. Все же нельзя назвать его и переводом: это просто новое произведение на основе арабского сюжета. Вставные детали далеко не всегда уместны и удачны: когда Сенковский заканчивает повесть дополнением, что главный герой, называвший себя Зейдом сыном Амра, был Сайд сын Джрафа и впоследствии прославился как поэт «Абу Наввас», кроме несоответствия имен, он вносит полный анахронизм: действие рассказа происходит в 20—30-х годах VIII в., а поэт *Абӯ Нувāс*, которого звали *ал-Хасан ибн Хāни'*, родился не раньше середины VIII в.

Как и «Бедуинка», рассказ был популярен, о чем говорит его появление почти во всех редакциях «1001 ночи». ¹⁹⁸ Несмотря на совпадение текста даже во многих мелочах с изложением *ал-Итлайдж*, основой Сенковского и в данном случае приходится считать все же именно эту антологию, а не «1001 ночь». В последней нет ссылки на первоначальный источник, со слов которого передает свой рассказ и *ал-*

и Г. Кларк (стр. 116—125).

¹⁹⁸ V. CHAUVIN, ук. соч., VII, 1903, стр. 134—135, № 403. — The Alif Lail..., II, стр. 182—186. — Перевод М. А. Салье, IV, стр. 98—103.

Итлайдӣ и Сенковский; замечанием его же у обоих заканчивается повествование, для изложения которого в «1001 ночи» в первом лице нет оснований.

Этим источником ал-Итлайдӣ называет **Абӯ Са'їда ал-Асмâ'ї**, очень хорошо известного филолога на рубеже VIII—IX вв. (ум. в 213/828 г.). Интересно отметить, что он в различных антологиях довольно часто фигурирует как передатчик аналогичных историй про любовь и влюбленных.¹⁹⁹ Промежуточные звенья в данном случае нам не ясны; несомненно они были, и, вероятно, ими являлись, как и раньше, в последовательном порядке антологии XII—XIII и IX—X вв. Об этом говорит и то обстоятельство, что рассказ появляется в известном нам сборнике XIII в. **ал-Муқри' ал-Анбâрî**.²⁰⁰ Однако в противоположность ранним случаям его версия не совпадает с ал-Итлайдӣ и «1001 ночью»: она значительно бледнее и короче. Полную параллель к ней зато дает в XI в. **Ибн ас-Саррâдж**;²⁰¹ как всегда, он точно указывает своих информаторов от известного нам **ат-Танûхî** в X в. до авторов начала IX в. Самый рассказ во всех случаях приурочивается ко времени **Халида ибн 'Абдаллâха ал-Касrî**, который был наместником Ирака в 105—120/724—738 гг.

Повесть «Вор» очень наглядно говорит о большой эволюции литературных приемов Сенковского при работе над восточными сюжетами. Если в «Бедуине» 1822 г. он придерживается почти буквального перевода, то в «Бедуинке» 1827 г. и особенно в «Воре» 1829 г. он распоряжается гораздо свободнее, а иногда строит свое собственное произведение только с сохранением сюжета. Параллельная эволюция шла в сторону создания фантазии типа «Смерть Шанфария» 1827 г. или «Антар» 1832 г., а по

¹⁹⁹ Ср. замечание Менцеля (Th. Menzel) относительно **Ибн ас-Саррâджа** в рецензии на упомянутую книгу Парета: R. PARET, OLZ, 31, 1928, стр. 404.

²⁰⁰ Ал-Мұхтâр мин навâдир ал-аҳbâr, стр. 109—110.

²⁰¹ Maçari' al-'uššâk, стр. 360—361. Ср. замечания об этой версии: R. PARET. Früharabische Liebesgeschichten, стр. 76, h.

другой линии — иронически-пародийных повестей, как «Что такое люди!» того же 1832 г. или «Счастливец» и «Повести» 1834 г. Последний жанр систематически оттесняет все прочие и во втором периоде его литературного творчества является наиболее излюбленным.

Отдел «повестей и поэм, переведенных с восточных языков» в «Собрании сочинений» Сенковского содержит под последним, девятым, номером «Моаллаку Лебида», помеченную 1839 г. Она представляет фактически перевод, выполненный с предельной точностью. В основе лежит издание этой большой *касъды*, опубликованное Сильвестром де Саси на уровне научных требований той эпохи еще в 1816 г.²⁰² Книга пользовалась большой популярностью как учебное пособие, и поэтому даже на русском языке еще до перевода Сенковского уже существовал другой перевод его ученика И. В. Ботьянова, изданный в 1827 г. дважды: в «Азиатском вестнике» и отдельной брошюре.²⁰³ Изучение этой работы Сенковского со специальной точки зрения может представить известный интерес, но к вопросу о «Восточных повестях» она прямого отношения не имеет, и, таким образом, намеченное нами исследование закончено.

Главным результатом его можно считать установление того факта, что в громадном большинстве своих «восточных повестей» Сенковский опирался на текст антологии ал-Итлайд XVII в. «Бедуин», «Витязь буланого коня», «Истинное

²⁰² M. SILVESTRE de SACY. Calila et Dimna ou fables de Bidpai en arabe... suivis de la Moallaka de Lébid. Paris, 1816, стр. 287—315 (текст), стр. 130—138 (перевод).

²⁰³ Мoаллака Лебида и темимянка Абулолы. Поэмы. Переведенные с арабского языка Иваном Ботьяновым. СПб. (Типография имп. Воспитательного дома), 1827 (Цензурное разрешение 20 октября 1826 г.), IV, 54 стр. Об интересе к этим сюжетам среди широкого круга читателей говорит обстоятельная рецензия П. Д—в в «Московском телеграфе», 19, 1828, № 3, февраль, 419—422 (ср. еще рецензию в «Северной пчеле», 1827, № 16).

великодушие», «Бедуинка» «Вор» могут быть названы даже переводами с арабского, хотя характер их и не однороден в связи с большой эволюцией литературных приемов Сенковского за время с 1822 по 1829 г. Этого мало — даже та повесть «Урок неблагодарным», которая, по словам Сенковского, переведена с персидского, настолько близка к арабской версии ал-Итлайд, что заставляет предполагать связь его оригинала с источниками этой антологии, если не с ней самой. Таким образом, в сущности только одна повесть, «Деревянная красавица», переведенная с «татарско-адербайджанского наречия», не имеет отношения к антологии ал-Итлайд; ее сюжет мало распространен в арабской литературе, и источник Сенковского в данном случае восходит, вероятно, к персидско-турецким версиям «Книги попугая». ²⁰⁴ Другой характер носят его повести-фантазии «Смерть Шанфария» и «Антар», которые уже не являются переводами в том смысле, как предшествующие, а свободно обрабатывают мотивы знакомых нам арабских героических сказаний, не придерживаясь текста определенного оригинала. Наконец «Моаллака Лебида», включенная в тот же отдел сочинений, дает художественный, по понятиям своего времени, перевод популярного стихотворения арабской древности, основанный на известном нам издании.

Выяснение источников «Восточных повестей» Сенковского позволило остановиться на некоторых деталях его литературных приемов в этом жанре. Эти детали обнаруживают очень большую эволюцию манеры за 20-е годы, постепенно ведущую к линии пародийно-иронических повестей с восточной фабулой. Можно думать, что эти наблюдения окажутся не бесполезными при изучении литературного стиля Сенковского вообще.

Некоторый результат достигнут и в специально арабистической области. Выяснение источников ал-Итлайд,

²⁰⁴ В том же 1825 г. Н. Коноплев поместил перевод персидской версии (*Вести Европы*, №7, апрель 1825, стр. 225—229).

установленных, правда, только в отдельных и случайных рассказах, все же позволяет наметить некоторые вехи и по более общей линии. Анализ обнаруживает, что поздние антологии черпают обыкновенно свой материал из аналогичных сборников XIII—XIV вв., которые в свою очередь восходят к произведениям IX—X вв. Эта последовательность говорит о своеобразном ступенчатом развитии данного жанра в арабской литературе, первые образцы которого и создаются около IX в. Систематическое исследование этих антологий стоит впереди; и теперь еще в полной силе остаются слова В. Р. Розена, который 60 лет тому назад писал, что эти памятники представляются «наиболее интересными в культурно-историческом отношении», но «недостаточно до сих пор изучались». ²⁰⁵

ПРИЛОЖЕНИЕ

I

ВИТЯЗЬ БУЛАНГОГО КОНА

Перевод дан по изданию ал-Итлайдж, стр. 10—14, с некоторыми текстуальными поправками на основе материалов, указанных в статье. Текст в хрестоматии Оберлейтнера содержит много ошибок и недоразумений. Я не считал нужным сопровождать перевод пояснительными примечаниями: специфические художественные образы ясны при сопоставлении с переделкой Сенковского, основные исторические детали указаны мною в статье.

Говорят, что 'Амр ибн Ма'дйкариб аз-Зубайдй вошел к

²⁰⁵ Слова в научной автохарактеристике 1882 года. Сб. «Памяти академика В. Р. Розена», Л., 1947, стр. 133.

'Омару ибн ал-Хаттāбу, да будет доволен им Аллах, и 'Омар сказал:

— Поведай мне о самом трусливом, кого ты встречал, самом хитром, кого ты встречал, и самом храбром, кого ты встречал.

— Да, эмир правоверных, — ответил 'Амр, — я вышел раз, направляясь в набег. Проезжая, я вдруг увидел оседланную лошадь и воткнутое копье. Там же сидел человек такого громадного роста, как только бывают, с мечом на перевязи. Я сказал ему: «Поберегись, я тебя убью». Он спросил: «А кто ты?». Я ответил: «Я 'Амр ибн Ма'дйкариб аз-Зубайдй». Тогда он сильно вздохнул и умер. Вот это, эмир правоверных, самый трусливый, кого я видал.

Вышел я другой раз и доехал до какого-то племени. Вдруг я увидел оседланную лошадь и воткнутое копье, а хозяин был в ложбинке, делая свое дело. Я сказал ему: «Поберегись, я тебя убью». Он спросил: «А кто ты?». Я сообщил ему о себе, и он сказал: «Ты не справедлив, Абӯ Саур, ты на хребте коня, а я на земле: дай же обещание, что не убьешь меня, пока я не сяду на лошадь». Я дал ему обещание. Он вышел с того места, где был, опоясался мечом и сел. «Что это такое?» — спросил я. Он сказал: «Я не сяду на лошадь и не буду с тобой биться. А если ты нарушишь свое обещание, так сам лучше знаешь про нарушителя обещания». Я оставил его и уехал. Вот это, эмир правоверных, самый хитрый, кого я видал.

Я вышел другой раз и доехал до места, где пресекал путникам дорогу, но никого не видел. Я гонял лошадь направо и налево и вдруг увидел всадника. Когда он приблизился ко мне, оказалось, что это юноша, у которого только что поросли щеки, самый красивый и изящный из молодых людей, что я видал. Он двигался со стороны ал-Йемāмы. Приблизившись ко мне, он приветствовал меня; я вернул ему приветствие и спросил: «Кто ты, молодец?». Он ответил: «Ал-Хāриṣ ибн Са'д, ездок на «серой». Я сказал ему: «Поберегись, я убью тебя». Он воскликнул: «Горе тебе! А ты кто?». Я отвечал: 'Амр ибн Ма'дйкариб аз-Зубайдй». «Жалкий, презренный! — сказал он.—Аллахом клянусь,

только твое ничтожество удерживает меня от твоего убийства». И душа моя умалилась, эмир правоверных, великим показалось мне то, чем он меня встретил. Я сказал ему: «Оставь это и поберегись, я убью тебя. Аллахом клянусь, удалится отсюда только один из нас». «Уходи, лишится тебя твоя мать! Мы ведь из такого рода, который ни один всадник не осиротил». «Такого ты теперь слушаешь», — сказал я. «Выбирай же, — ответил он, — либо ты помчишься передо мною, либо я помчусь перед тобою». Я воспользовался этим у него и сказал: «Мчись передо мною». Он помчался, а я понесся на него и думал уже, что воткнул копье ему между плеч, как вдруг он стал точно подпругой у своей лошади, а потом повернулся на меня и копьем коснулся моей головы, крикнув: «'Амр, возьми себе это на первый раз! Если бы мне не было противно убить тебе подобного, я убил бы тебя». И душа моя умалилась у меня, и смерть, о эмир правоверных, была бы мне милее того, что я увидел. Я сказал: «Аллахом клянусь, вернется отсюда только один из нас». Он предложил мне то же, что сказал в первый раз. Я ему ответил: «Мчись передо мною». Он помчался, и я думал, что захвачу его. Я преследовал его и думал уже, что воткнул копье ему между плеч, как вдруг он стал точно нагрудником у своей лошади, а потом повернулся на меня и коснулся моей головы, крикнув: 'Амр, возьми себе и второй раз!». И умалилась у меня душа еще сильнее, и я сказал: «Аллахом клянусь, вернется отсюда только один из нас». Он помчался передо мною, и я думал уже, что воткнул ему копье между плеч, но он спрыгнул с лошади и оказался на земле, а я промахнулся. Усевшись опять на лошади, он погнался за мной и копьем коснулся моей головы, сказав: «Возьми себе, 'Амр, и третий раз. Если бы не было мне противно убить подобного тебе, я бы тебя убил». Я сказал: «Убей меня! Это мне приятнее, чтобы не слыхали про все это витязи арабов». Он сказал: «'Амр, ведь прощение до трех раз, а если я захвачу тебя в четвертый, убью». И он продекламировал:

«Я закрепляю сильнейшими клятвами: если ты, 'Амр, вернешься к

бою,
То найдешь пламя острия или я не буду из сынов Шайбāна».

И я почувствовал к нему великое уважение и сказал: «У меня есть к тебе нужда». «В чем же она?» — спросил ал-Харис. «Я буду товарищем тебе», — сказал я, но он ответил: «Не из моих ты товарищей!». И было это для меня еще сильнее и тяжеле того, что он сделал. Я продолжал добиваться его товарищества, пока он не сказал: «Горе тебе! Знаешь ли ты, куда я устремляюсь?». «Нет, клянусь Аллахом», — сказал я. Он ответил: «Я ищу красной смерти лицом к лицу». Тогда я сказал: «Я хочу смерти с тобой вместе». «Ступай тогда с нами», — сказал он.

И мы ехали весь день, пока не подошла к нам ночь и часть ее прошла. Мы спустились к какому-то племени из арабских племен, и он сказал мне: «'Амр, вот в этом племени красная смерть. Либо ты подержишь мне лошадь, а я сойду и приду с тем, что надо мне, либо ты сойдешь, а я подержу твою лошадь, но приходи ко мне с тем, что надо». Я сказал: «Нет, сойди ты, ты лучше меня знаешь, что тебе надо». Он бросил мне поводья своей лошади, и, клянусь Аллахом, эмир правоверных, готов я был стать его конюхом. Он пошел к палатке и вывел оттуда девушку; глаза мои не видали прекраснее ее по красоте и прелести. Он посадил ее на верблюдицу и сказал: «'Амр!». «Пред тобой», — ответил я. Тогда он сказал: «Либо ты будешь защищать меня, а я поведу верблюдицу, либо я буду защищать тебя, а ты ее поведешь». «Нет, — сказал я, — я поведу ее, а ты будешь защищать меня».

Он бросил мне поводья верблюдицы, и мы двигались, а когда настало утро, он сказал: «'Амр!». «Что желаешь?» — спросил я. Он сказал: «Повернись и посмотри, не увидишь ли кого-нибудь». Я повернулся, увидел верблюдов и сказал ему: «Я вижу верблюдов». «Ускорь ход», — сказал он, а потом опять повторил: «'Амр, посмотри: если их мало, то — стойкость, сила и красная смерть; если их много, то это ничего». Я повернулся и сказал: «Их четверо или пятеро».

«Ускорь движение», — сказал он. Я так и сделал. Он остановился и услыхал звук конских копыт близко. Тогда он сказал: «'Амр, будь справа от дороги, остановись и поверни морды животных к дороге». Я сделал так, стал справа от верблюда, а он слева.

Люди приблизились к нам; их было трое человек, два юноши и глубокий старик. Это был отец девушки, а юноши ее братья. Тогда старик сказал: «Отпусти девушку, сын моего брата!». Он ответил: «Я не таков, чтобы отпустить ее, и не для этого я ее взял». Старик сказал одному из своих сыновей: «Выходи к нему». Он вышел, волоча свое копье, но ал-Харис понесся на него, возглашая:

«До того, на что ты надеешься, увлажнится кровью гибкое (копье) у всадника в кольчуге бойца.
Он ведет происхождение от Шайбана, лучшего из рода Ва'иля; он шел к ней ночью не попусту».

Потом он устремился на сына старика с ударом, от которого разорвался его хребет, и он упал мертвым.

Тогда старик сказал другому сыну: «Выходи к нему, нет добра в жизни с позором». Ал-Харис двинулся вперед, возглашая:

«Видел ты, каков был мой удар, — удар сопернику, мощному доблестию.

Смерть лучше, чем расстаться с моей подругой; пусть убьют меня сегодня, но только не унижение».

Потом он устремился на сына старика с ударом, от которого тот упал мертвым.

Старик сказал тогда ему: «Оставь ту, что на верблюде, сын брата моего. Я ведь не таков, как те, кого ты видел». Но он отвечал: «Я не стану оставлять ее и не к этому я стремился». Тогда сказал старик: «О, сын брата, выбирай же себе. Если хочешь, я сойду для тебя с коня, а если хочешь, буду гоняться с тобой». Юноша воспользовался этим и сошел с коня; сошел и старик, говоря стихи:

«Не стану я страшиться при конце жизни. Девяносто (лет) я сделаю подобными месяцу,
Храбрецы боятся меня всю жизнь, когда белые (мечи) считают
дозволенным сокрушать хребты».

Ал-Харис выступил вперед, декламируя стихи:

«Долга моя поездка, и затянулся путь, но вот я добился и излечил
свою грудь.
Смерть лучше, чем одеяние коварства, а позор я подарю племени
Бекра».

Потом он приблизился, и старик сказал ему: «О, сын моего брата, если хочешь, я нанесу тебе удар, и, если оставлю в тебе остаток, то ударь меня. А если хочешь, ударь меня, и, если оставишь во мне остаток, я ударю тебя». Юноша воспользовался этим и сказал: «Я начну». Шейх ответил: «Давай!», и ал-Харис занес свою руку с мечом, но когда старик увидел, что удар летит ему на голову, он пронзил ему живот ударом, рассекшим внутренности, а удар юноши пришелся по темени, и оба пали мертвыми.

И взял я, эмир правоверных, четырех лошадей и четыре меча, а потом подошел к верблюдице. Девушка сказала: «'Амр, куда же? Я не твоя подруга и ты мне не товарищ, и я не такова, как те, кого ты видел». Я ответил: «Молчи!». Она тогда сказала: «Если ты мне товарищ, дай меч или копье. Если ты победишь меня, я твоя, а если я тебя одолею, то убью». Я сказал: «Не дам я тебе этого, я знаю уже твою семью, смелость и отвагу твоего рода». Она бросилась с верблюда и подошла, говоря:

«Неужели после моего старца, потом после моих братьев мила мне будет жизнь после них и наслаждение?
И стану я спутницей того, у кого не было доблести? Разве же до этого не будет моей гибели?».

Потом она бросилась к копью и едва не вырвала его у

меня из рук. Увидев это от нее, я побоялся, что, если она одолеет меня, то убьет. И я убил ее, эмир правоверных. Это — самая большая храбрость, что я видел.

II

УРОК НЕБЛАГОДАРНЫМ

Перевод дается по изданию [ал-Итлайдж](#), стр. 36—38, с некоторыми поправками на основе упомянутых параллельных материалов.

Вернемся к речи о том, что случилось во время 'Абд ал-Малика ибн Марвāна. Рассказывают, что когда ал-Хаджжāдж стал править обоими священными городами (Меккой и Мединой), у него приобрел влияние Ибрāхīм ибн Мухаммед ибн Талха. Когда ал-Хаджжāдж захотел вернуться в Сирию к 'Абд ал-Малику ибн Марвāну, с ним отправился и Ибрāхīм ибн Мухаммед ибн Талха. Ал-Хаджжāдж сказал: «Я пришел к тебе с (лучшим) человеком ал-Хиджāза. С благородством, гордостью, достоинством и доблестью, о эмир правоверных, он (объединяет) прекрасное повинование и хорошую искренность в советах. Аллахом клянусь, нет в ал-Хиджāзе ему подобного, и Аллахом заклинаю тебя, эмир правоверных, чтобы ты воздал ему добром, которого он заслуживает». 'Абд ал-Малик спросил: «Кто он, о Абū Мухаммед?». Тот ответил: «Ибрāхīм ибн Мухаммед ибн Талха». 'Абд ал-Малик сказал: «О Абū Мухаммед, ты напомнил нам необходимую обязанность: разреши ему войти».

Когда он вошел к 'Абд ал-Малику, тот приказал ему сесть в средине помещения, а потом сказал: «Абū Мухаммед ал-Хаджжāдж напомнил нам то, что мы знаем о совершенстве твоей доблести и твоей прекрасной искренности в советах. Не оставляй же у себя в груди какой-нибудь нужды, не сообщив нам, чтобы мы могли ее удовлетворить и не оставить без внимания благодарность Абū Мухаммеда ал-

Хаджжаджа тебе». Ибрахим отвечал: «Нужда, удовлетворением которой я стремлюсь к лицу Аллаха всевышнего, к близости пророка — да благословит его Аллах и да приветствует — при воскресении и к искреннему совету эмиру правоверных, — я ее открою эмиру правоверных». «Говори», — сказал 'Абд ал-Малик, но тот заметил: «Я не скажу про нее, пока между мной и тобой третий». «Даже и друг твой ал-Хаджжадж?» — спросил 'Абд ал-Малик. «Нет», — ответил он. Тогда 'Абд ал-Малик сказал: «Встань!». И ал-Хаджжадж встал со стыдом, не зная, куда ему ступить ногой.

Когда он ушел, 'Абд ал-Малик сказал: «Давай свой совет». Ибрахим заговорил: «О, эмир правоверных, ты назначил ал-Хаджжаджа правителем обоих священных городов, хотя в них, как ты знаешь, есть дети мухаджиров, ансаров и сподвижников посланника Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует — и хотя тебе известно про еготиранию, деспотизм, несправедливость, удаление от истины и близость к лжи, чтобы он обрек этих людей на унижение и подверг их произволу. О если бы я знал, какой ответ уготовал ты посланнику Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует, — когда он спросит тебя на равнинах воскресения об этом! Заклинаю тебя Аллахом, эмир правоверных, смеши его и сделай это запасом для приближения к Аллаху всевышнему». 'Абд ал-Малик сказал: «Думал ал-Хаджжадж хорошо не о тех, кто этого достоин», а затем прибавил: «Ибрахим, встань!».

И встал я — рассказывал Ибрахим — в самом злополучном положении и вышел из собрания; мир потемнел пред моим лицом. За мной последовал его привратник, схватил за руку и посадил в проходе. Потом 'Абд ал-Малик позвал ал-Хаджжаджа, тот вошел и оставался долго. Я не сомневался, что они советуются о моем убийстве. Потом он позвал меня, я встал и вошел. Мне встретился ал-Хаджжадж, выходивший оттуда; он обнял меня и сказал: «Да воздаст Аллах тебе за меня добром за этот совет. Аллахом клянусь, если я буду жить, я возвышу твой сан». Потом он

оставил меня и ушел. Я вошел, говоря про себя: «Изdevается он надо мной, и можно его за это извинить». Я вошел к 'Абд ал-Малику, и он посадил меня, как я сидел в первый раз, а потом сказал: «Я узнал твою правдивость и сместил его с управления священными городами; я назначил его в Ирак и сообщил ему, что ты считал ал-Хиджāз для него малым и домогался для него Ирака с просьбой расширить ему область. Он думает, что ты — причина его назначения в Ирак, поэтому-то лицо его засияло радостью. Поезжай с ним, куда бы он ни направился, он воздаст тебе добром, и не лишай нас твоих добрых советов». Аллах же лучше знает!
